Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры и образования Кавказа
Армавирская государственная педагогическая академия
Армавирское городское общество историков-архивистов

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

•

АРМАВИР
2014

УДК–94(470.6)
ББК–63.3 (2Р–37)
М–91

Печатается в рамках государственного задания «Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России. Проблемы универсализма и идентичности» (код проекта 944).

Ответственный редактор: доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей и отечественной истории АГПА **С.Л. Дударев.**

Редактор-составитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории АГПА **О.В. Ктиторова.**

Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. — 276 с.; ил.

ISBN 978-5-906137-20-3

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности» (Армавир, апрель 2014). В сборнике нашли отражения различные аспекты процесса формирования полиэтничного российского социума. Анализируя вопросы межэтнического взаимодействия в северокавказском регионе, как в историческом прошлом, так и в современности, авторы подчеркивают доминирование конструктивных форм этнических контактов, при этом проблемные зоны и аспекты межкультурной коммуникации находят в сборнике полноценное освещение. Тематика издания продолжает развивать те направления научных исследований, которые постоянно находятся в сфере внимания Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Среди последних проектов в русле данной проблематики следует упомянуть Всероссийскую научно-практическую конференцию «Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе» (ноябрь 2012 г., Армавир), а также внутривузовскую коференцию АГПА «Миграционные процессы и толерантность: история и современность» (апрель 2013 г.).

Сборник адресован преподавателям вузов, научным сотрудникам, школьным учителям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется историей и культурой Северного Кавказа.

На 1-й стр. обложке: Армавирская православная Николаевская церковь. 1911 год.
На 4-й стр. обложки: Владикавказкая суннитская мечеть (освящена в 1908 г.).

УДК–94(470.6)
ББК–63.3 (2Р–37)

ISBN 978-5-906137-20-3

© Коллектив авторов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дударев С.Л.
На нелегких путях интеграции и взаимопонимания.. 7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОСВЕЩЕНИИ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

Н.Н. Великая, С.Л. Дударев (г. Армавир)
Проблемы взаимодействия народов Северного Кавказа (К 50-летию Школы В.Б. Виноградова) .. .. .11

Н.Н. Гарунова (г. Махачкала), А.П. Скорик (г. Новочеркасск), А.А. Цыбульникова (г. Армавир)
Межнациональное взаимодействие в мироощущении студентов этнически отличимых региональных вузов 23

Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян (г. Пятигорск)
Модернизация и фронтир в условиях Северного Кавказа: имперский и советский опыт 35

С.И. Муртузалиев (г. Москва)
Регулирование этноконфессиональных отношений в субъектах СКФО.. .. .. .44

С.Л. Дударев (г. Армавир)
Ситуация вокруг Сирии и возможные перспективы обстановки на Северном Кавказе .. .. .54

Т.В. Панкова-Козочкина (г. Новочеркасск)
Крестьянские союзы на Дону как инструмент борьбы крестьян-малороссов за свои права до начала нэпа .. .. .68

А.П. Скорик (г. Новочеркасск)
Казакия: идея, история и национально-политическая практика .. .. .79

В.М. Хлопкова (г. Армавир)
Этнополитические и этнодемографические трансформации на Северном Кавказе в 1920-е годы в условиях реализации советской национальной политики .. .. .91

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ РЕГИОНА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Б.Б.-А. Абдулвахабова (г. Грозный)
Пути поиска интеграции Чечни в экономическую и культурную систему России (вторая половина XIX – начало XX века) 101

С.Л. Дударев, Д.С. Дударев (Армавир)
Представители российского общества об участии кавказских женщин в военных действиях против российских войск в первой половине XIX века 109

В.А. Дзыба (г. Москва)
Черкесский полк Кавказской туземной конной дивизии (боевое сотрудничество горцев и русских в Первой мировой войне) 120

Н.В. Кияшко (г. Москва)
Русская Православная церковь и ее роль в интеграции Северо-Западного Кавказа в систему Российской империи во второй половине XIX века (из истории Ставропольской (Кавказской) епархии) 131

О.В. Ктиторова (г. Армавир)
Культурно-бытовые преобразования в абазинских аулах как результат интеграции в российский социум (конец XIX — начало XX века). 135

С.Б. Манышев (г. Москва)
Из истории здравоохранения Дербентской губернии 145

А.Г. Сидякина (г. Усть-Лабинск)
Дорожная политика российских властей в контексте интеграционных этнических процессов на Кубани (XIX – начало XX века) 153

Н.С. Степаненко (г. Армавир)
О воинской доблести в период «Кавказской войны» 159

А.А. Трандофилов (г. Армавир)
Греки в экономической жизни Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX века) 163

Д. О. Шамов (г. Армавир)
Этнокультурный феномен горских ополчений в составе русской армии в первой половине XIX века 169

ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И ДОБРОСОСЕДСТВА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

С.С. Авакян (г. Армавир)
Религиозные центры дореволюционного Владикавказа как фактор межэтнического взаимодействия 175

С.А. Голованова, Е.В. Шутемова (г. Армавир)
Институты добрососедства у народов Северного Кавказа как фактор межэтнического взаимодействия.. 180

Ю.А. Комарова (г. Армавир)
Специфика конфессионального состава населения дореволюционного Армавира 188

С.Н. Ктиторов (г. Армавир)
Армавирская Николаевская церковь в процессах межэтнического и межконфессионального взаимодействия (конец XIX – начало XX века) 195

С.И. Пасенко (г. Армавир)
Опыт межэтнического партнерства и добрососедства народов Северного Кавказа на примере библиотеки имени Л.Н. Толстого в городе Армавире (конец 1940 – начало 1960-х годов) 206

В.С. Пукиш (г. Анапа)
Черноморское побережье Кавказа и его чешские поселенцы в чешских литературных источниках конца XIX – начала XX века 209

С.В. Самовтор (г. Краснодар)
Топонимия кубанского казачества и межэтническое взаимодействие народов Северо-Западного Кавказа 220

В.Г. Шнайдер (г. Армавир)
Некоторые черты духовной жизни немцев Армавира с конца XIX века и до 1941 года 230

Д.В. Хубулова (г. Владикавказ)
Благотворительная деятельность священства Владикавказской епархии в годы Первой Мировой войны 236

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

О.Б. Емельянов (г. Георгиевск)
О посещении цесаревичем Александром Николаевичем гребенской станицы Червлённой и боестолкновении у речки Рошня (22–26 октября 1850 года) 240

Т.И. Кузнецов (г. Владикавказ)
Г.А. Калоев — герой Великой Отечественной войны 250

О.К. Харченко (г. Армавир)
Штрихи биографии генерала фон Засса и его роль в судьбе черкесо-гаев 254

Л.Н. Хлудова (г. Армавир)
Российские писатели, их герои и Северо-Западный Кавказ: живописные сюжеты 258

Н.Н. Шульга (г. Армавир)
Несущие свет просвещения народам Кавказа 268

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 272

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

НА НЕЛЕГКИХ ПУТЯХ ИНТЕГРАЦИИ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Проблемы межэтнического взаимодействия в современном мире являются одними из наиболее актуальных и злободневных как в научных исследованиях, так и в общественно-политической жизни. События и процессы, происходящие сегодня в России и за рубежом являются ярким тому подтверждением. Для современного мира свойственны перемещения громадных людских масс, совершаемых в условиях стремительно растущей глобализации. Специалисты давно говорят о новом Великом переселении народов, сопровождающемся постоянным столкновением представителей тех или иных этносов и культур, которое, все чаще, ведет к конфликтам. Причины эти конфликтов коренятся в целом комплексе причин, в том числе, отсутствии или нехватке опыта тесного и постоянного взаимоообщения носителей различных цивилизаций, а также необходимой взаимной терпимости у коренного и пришлого населения и т.д. Не последнюю роль играет нежелание мигрантов интегрироваться в новую среду. Политики Запада в один голос твердят о неудаче идеи мультикультурализма (А. Меркель, Д. Кэмерон, Н. Саркози и др.). Постоянно нарастает угроза поистине новой чумы конца XX – начала XXI в. — терроризма. 2013 г. прошел под знаком целого ряда терактов в США и Великобритании, погромов, устроенных мигрантами в столице Швеции, вылазок неонацистов против выходцев из других стран в Германии. Растет преступность в среде гастарбайтеров в России. Конец прошедшего года в нашей стране был окрашен в мрачные тона эскалации террористической активности исламистов (события в Волгограде). В данной связи на повестке дня остро стоит вопрос о необходимости поисков пути к укреплению сотрудничества между представителями различных народов и этнических групп.

Северный Кавказ является одним из тех российских регионов, где меэжтнические отношения постоянно находятся в центре внимания и являются, по сути, камертоном, основным показателем успешности проводимой государством политики, поскольку, так или иначе, проецируются на все стороны жизни социума, придавая ему стабильность, или, напротив, создавая ситуацию, которая ставит под сомнение полноценное функционирование общественных систем.

Краснодарский край принадлежит к числу регионов с устойчивым положением в межнациональных отношениях. Тем не менее, его геополитическое положение таково, что край находится в близком соседстве с территориями, где наличие проблем в межэтническом взаимодействии очевидно. Субъекты Северного Кавказа в последнее двадцатилетие подверглись дерусификации, что на фоне демодернизации и реанимации патриархально-клановых отношений создает серьезные предпосылки для расшатывания позиций российских государственных структур в регионе. Это не может прямо или косвенно отражаться на ситуации на Кубани. Ввиду этого ее руководство в лице губернатора А. Н. Ткачева предприняло ряд шагов для укрепления внутреннего положения в крае, четко заявив, что не допустит дестабилизации обстановки. Оно не ограничилось словесными заявлениями, но ввело формирования из казачества в помощь органам полиции, а также выступило с инициативой консолидации жителей края под лозунгом «За веру, Кубань, и отечество». Не остались в стороне от внимания руководителя края и вопросы воспитания патриотизма и пропаганды межнационального мира. В начале 2011 г. глава администрации Краснодарского края А.Н. Ткачев в целом ряде своих выступлений ясно обозначил приоритет воспитания у подрастающего поколения этнической толерантности в качестве важнейшего фактора гармонизации межнациональных отношений в Краснодарском крае. Одновременно с этим губернатор сообщил о введении с 1 сентября 2011 г. в школах Кубани специального учебного курса, посвященного этнической толерантности. Руководство АГПА в лице ректора А. Р. Галустова оперативно отозвалось на инициативу губернатора. По указанию ректора на всех факультетах АГПА был введен

курс «Этническая толерантность и историческое партнерство народов Кубани», где анализируется богатый позитивный опыт совместного проживания множества народов края. Одновременно кафедрой всеобщей и региональной истории АГПА по заданию руководителя вуза были разработаны учебное пособие для учителей и учебник для старшеклассников, которые внедряются в образовательный процесс в школах Краснодарского края. В ноябре 2012 г. в АГПА была проведена Всероссийская конференция «Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе», на которой был широко представлен разнообразный и, одновременно, непростой опыт взаимодействия между народами региона. Усилиями преподавателей кафедры всеобщей и региональной истории в свет вышло несколько монографий, позиционирующих различные грани проблемы этнической толерантности.

Стремясь показать общественности Северного Кавказа и Кубани, в том числе учителям и учащимся, давние и немалые достижения народов на путях их сотрудничества, разработчики указанных пособий и участники названной выше конференции не скрывают и трудностей на пути взаимного общения этноконфессиональных групп. Ныне все более очевидно, что хотя термин «толерантность» является общепризнанным в мире и олицетворяющим определенный и широко известный тренд, тем не менее, необходимы поиски новой терминологии, более гибко учитывающей различные грани взаимоообщения этносов и культур. Об этом говорят итоги дискуссии по проблеме этнической толерантности на конференции 2012 г., во время которой было указании и на уязвимые стороны данного термина. Не случайно, что в проекте обсуждавшейся недавно «Стратегии национальной государственной политики РФ» понятие «толерантность» отсутствовало. Работа по наведению мостов между различными народами — дело очень тонкое и требующее учета многих нюансов и, конечно же, не терпящее односторонности. Заметный рост негативных проявлений в ходе межэтнических контактов в России в течение 2013 г., когда всплеск криминала и агрессивной наступательности со стороны части прибывших извне в те или иные регионы страны, при отсутствии адекватного отпора правоохрани-

тельных органов, привел к тому, что в среде российской общественности все больше стало складываться критическое отношение к термину «толерантность». Одним из наиболее ярких высказываний в сети Интернет стала фраза; «Толерантность — это покорность при очевидном нарастании угрозы» (Youtube, 22.05.2013).

В апреле 2013 г. на историческом факультете АГПА прошла внутривузовская коференция «Миграционные процессы и толерантность: история и современность» (с участием представителей гг. Москвы и Пятигорска). Ее участники обратились к рассмотрению исторических особенностей и проблем миграционных процессов и межконфессионального взаимодействия в странах Запада и в России, и месту в них проявлений принципа этнической толерантности. Это был новый шаг по пути изучения межэтнического взаимодействия различных народов, который предполагал всесторонний учет как положительного багажа этого процесса, так и его сложные и драматические стороны, с установлением причин таковых.

Ныне в АГПА проведена новая конференция, цель которой в том, чтобы выявить новые факты уходящего вглубь столетий *межэтнического взаимодействия* народов Большой России и Северного Кавказа, которое было опосредовано через сферы экономики и политики, конфессиональную сферу, область просвещения и т.д., и привело в XVIII–XX вв. к достаточно прочной интеграции северокавказцев в состав единого государства. Одновременно участники конференции вновь обсудили проблемные, трудные моменты «совместничества» Центра и Северного Кавказа, сложные исторические эпизоды их взаимного «притирания», перспективы и пути выстраивания дальнейших взаимоотношений сторон, стремясь одновременно уходить от использования того терминологического аппарата, который не вполне выдерживает проверку временем и обстановкой. У народов нашей страны есть богатый опыт проживания в мире и сотрудничестве. Необходимо его разносторонее пропагандирование и использование для воспитания новых поколений россиян. И в этом — главная цель авторов настоящего сборника.

С.Л. Дударев

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОСВЕЩЕНИИ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

Н.Н. Великая, С.Л. Дударев
(г. Армавир)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (К 50-летию Школы В.Б. Виноградова)

В декабре 2013 г. Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова отметила своё 50-летие. К юбилею были подведены итоги сделанного по разным направлениям исторического знания [1]. В данной работе, носящей из-за ограниченного объёма, в основном, библиографический характер, дана краткая характеристика изучения представителями Школы многообразных взаимосвязей народов Северного Кавказа, как между собой, так и со своими ближними и дальними соседями.

Внимание к этим проблемам основатель Школы В.Б. Виноградов определил ещё в 60-е годы XX в. В его первых монографиях началось изучение воздействия скифов и сарматов на местные племена [2]. В работах впервые было сформулировано представление о предгорно-плоскостной территории, которая соединяла два мира (кочевнический и земледельческо-оседлый) и где контакты были наиболее результативными для обеих сторон и приводили к появлению этнических новообразований. Значительный вклад в изучение многообразных связей народов Северного Кавказа учёный продолжал вносить и в дальнейшем. Не случайно работы В.Б. Виноградова опубликованы на языках многих народов СССР и России (балкарском, грузинском, ингушском, кабардинском, ногайском, осетинском, чеченском и др.).

Заложенный основателем Школы интерес к проблемам взаимодействия народов Северного Кавказа сохраняется и по сей день. При их разработке представители Школы руководствуются следующими основополагающими принципами: 1. Интеграционным, определявшим ход истории «от локальности к интеграции», объединению народов в региональном, государственном, планетарном масштабах. 2. При изучении межэтнических связей основной упор делается на изучении мирных сторон взаимодействия. 3. Этнокультурные контакты рассматриваются с точки зрения взаимного влияния разных культур, их взаимодействия, взаимовоздействия и синтеза. 4. Этнокультурные взаимосвязи изучаются с использованием широкого круга источников: данных археологии, этнографии, лингвистики, фольклора, изобразительных материалов и др. При этом каждый из исследователей определяет подходы в соответствии с эпохой и фактическим материалом.

Значителен вклад Школы в изучение этнокультурных взаимосвязей между народами региона в эпоху бронзы — раннего железа [3]. Исследователями выявлена результативность контактов автохтонов с кочевниками, чьи походы на юг совершались через территорию Северного Кавказа. Не остался без внимания и процесс оседания номадов в регионе, их тесное взаимодействие с местными племенами и образование в контактной зоне новых общностей, в культуре которых тесно переплелись достижения обеих сторон в области металлургии, гончарного дела, идеологических представлений и др.

При этом проводился тщательный учёт удельного веса элементов (в погребениях, бытовых памятниках), принадлежащих разным культурным традициям. Изучение путей и способов распространения импортных «инородных» предметов увязывалось с изменениями не только в культурных традициях, но и в социально- экономической сфере.

Обоснованными представляются выводы исследователей Школы о том, что в условиях тесного и длительного соседства со степняками в Восточном Предкавказье в IX — первой половине VII в. до н. э. последние частично «растворялись» в среде мест-

ных племен, привнося в нее свои элементы культуры. В результате скрупулезной работы были выявлены комплексы вещей, которые сочетают северокавказские и кочевнические элементы. Автохтоны рассматриваются как равная сторона во взаимодействии со степняками. Ведущие авторы Школы характеризуют отношения между степняками и аборигенами формулой «партнерство-соперничество» При этом отмечено, что горная зона проявляла большую консервативность, отторгала многие новые элементы культуры (например, составные элементы т.н. новочеркасского комплекса) [4]. Указанное этнокультурное взаимодействие и взаимовоздействие не привело к утрате собственной самобытности ни одной из сторон.

Как установлено, этнокультурные процессы усилились в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.) [5], когда благодаря посредству номадов, автохтонное население установило связи с весьма удалёнными народами Восточной Европы, Закавказья, Передней Азии и др., творчески заимствуя и перерабатывая их достижения. Претерпела воздействие со стороны местных племён и культура скифов. В регионе появляются этногруппы синкретического скифо-кавказского характера. Новые этнообразования эпохи отличались и от пришлых, и от горнокавказских племён, поскольку переплетение разных черт в их культуре было настолько органичным, что не представляется возможным их разделить.

Аналогичные процессы выявлены в регионе и в сарматский период (III в. до н. э. – IV в. н. э.) [6]. Применительно к нему также установлено, что новые элементы не просто прибавлялись к тем или иным культурам, а интегрировались в них. В результате последующего синтеза этнокультурные общности региона преобразовывались, меняли свой вид.

Школой внесён большой вклад в изучение взаимоотношений народов Северного Кавказа с южными областями, а затем с Грузинским государством [7]. Целенаправленная работа по изучению темы дала возможность представить многогранные грузино-северокавказские связи в течение большей части дореволюционного периода.

Изучение археологических, письменных и иных источников позволило исследователям реконструировать этнические процессы в регионе в период средневековья [8]. Благодаря введению в научный оборот новых материалов, удалось восстановить этнокультурные связи населения отдельных районов Северного Кавказа между собой, а также с Поволжьем, Подоньем и другими более отдалёнными регионами, показать их в широком евразийском контексте. Применительно к этому периоду исследованы результаты взаимодействия народов Северного Кавказа с иранскими, тюркскими, финно-угорскими и др. племенами.

Большое внимание уделено изменению этнокарты региона после монголо-татарского нашествия [9]. В противоположность мнению некоторых исследователей о том, что с XIII в. на Северном Кавказе жизнь «замирает», установлено, что в межэтническое взаимовоздействие на этом этапе были вовлечены тюрки-половцы, монгольская часть кочевников, северокавказское население. Идея о межэтническом взаимовоздействии, синтезе нашла и применительно к данному периоду своё аргументированное подтверждение. Выявленные и проанализированные археологические материалы позволили показать, что происходило постепенное стирание этнокультурных особенностей кочевников и формирование в плоскостных районах синкретической золотоордынской культуры.

Изучение процессов взаимовоздействия народов Северного Кавказа в позднесредневековый период происходило с широким использованием литературных, изобразительных, этнографических, фольклорных и др. источников, в том числе собранных авторами в ходе полевых экспедиций [10]. Констатировались не только сами этнокультурные заимствования, но и причины их возникновения, области наибольшего распространения, отражающие «перекрестие» давних этнических судеб народов. Также обращалось внимание на особенности хозяйства, миграции, политическую обстановку, которые также влияли на взаимодействие казаков, вайнахов, кабардинцев, ногайцев и др. народов Северного Кавказа.

Ряд исследований посвящён истории региона [11]. В них, раскрывается характер взаимодействия народов на разных этапах

их включения в состав России. Предметом специального рассмотрения стали ногайско-русские, кабардино-русские, -вайнахские, абазино-русские и др. отношения. Авторы показали, как менялась этническая карта региона, который становился все более полиэтничным. В нём нашли своё место не только восточнославянские народы (русские, украинцы, белорусы), но и армяне, ассирийцы, болгары, греки, евреи, немцы, поляки, чехи и мн. др. Представители Школы исследовали складывающуюся этнопрофессионализацию этнических групп, всё более зависящих друг от друга и заинтересованных в долговременном сотрудничестве.

В работах получили отражение результативные взаимосвязи народов региона, нашедшие отражение в материальной и духовной культуре. Отдавая должное всестороннему исследованию положительного потенциала русско-северокавказских контактов, Школа анализировала российско-горские культурные трансформации не только в мирное, но и в военное время, когда также шло сближение народов. Причём, многочисленные культурные заимствования происходили не только в военной области. Они охватывали широкий пласт элементов пищи, одежды, обычаев и мн. др.

В монографиях, посвящённых проблемам этнической истории региона, результатам взаимодействия народов [12], отражены изменения в этнокарте Северного Кавказа в XVIII–XIX вв., появление новых социально-экономических и политических реалий, связанных, в том числе, с активным освоением Россией Предкавказья. И применительно к этому периоду рассматривались процессы взаимовоздействия культур, в ходе чего происходило их изменение, синтез, образование принципиально новых культурных традиций.

Важной сферой деятельности коллектива было и остаётся изучение казачества региона, которое выступало своеобразным транслятором этнокультурных традиций разных народов [13]. Особое внимание обращено на казачье-кабардинские, -вайнахские, -ногайские и др. взаимоотношения. Одним из новых направлений исследований стало выявление роли женщин-казачек в этнокультурном взаимодействии славян и северокавказцев.

Многообразные материалы, изученные и обобщённые представителями Школы, привели к пониманию того, что на Северном Кавказе с древнейших времен происходили сложнейшие этнокультурные процессы и судьбоносными для региона, по крайней мере, с эпохи бронзы — раннего железа стали связи с северными соседями (кочевыми и оседлыми, государственными и потестарными). При этом всегда подчеркивалась роль предгорно-плоскостного Предкавказья как своеобразной контактной зоны, где происходили процессы этнокультурного синтеза, взаимодействия и взаимовоздействия разных народов, определивших множественность этносов и этнических групп в регионе [14]. Тесные взаимоотношения народов, происходившие в разное время и принимавшие разные формы, привели к тому, что в этнической системе каждого народа Северного Кавказа (включающей язык, материальную, духовную культуру и др.) обнаруживаются автохтонные, индоевропейские, тюркские, ближневосточные, закавказские и иные черты, присутствуют наслоения многих эпох и традиций. Поистине судьбоносной, интегрирующей в судьбах народов региона в последние три с лишним века стала «российскость» [15] с её характерной чертой — синтезом элементов этносов, культур, социально-политических практик и т. д., чем она принципиально отличается от мультикультурализма [16].

Школа неизменно стремилась к тому, чтобы научные достижения внедрялись в педагогическую практику. С этой целью издавались и издаются соответствующие учебные пособия [17].

Работы представителей Школы по данной проблеме опубликованы в академических изданиях страны (Советская археология, Советская этнография, Этнографическое обозрение, Вестник древней истории, Восток и др.). Они увидели свет во всех научных центрах Юга России (Армавир, Владикавказ, Грозный, Краснодар, Махачкала, Нальчик, Пятигорск, Ростов, Ставрополь и др.), в изданиях Закавказья (Баку, Ереван, Тбилиси), ближнего и дальнего зарубежья (Запорожье, Киев, Мелитополь, Краков, Лейден, Шлезвиг и др.), что свидетельствует об их востребованности и научной значимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кавказоведческая Школа В. Б. Виноградова. 50 лет в пути / под ред. С. Л. Дударева. Армавир; Ставрополь, 2013. — 620 с.
2. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза. Грозный, 1972.
3. Виноградов В. Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этнокультурной истории Центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986; Виноградов В. Б. Новые данные об этнокультурных процессах у населения Чечено-Ингушетии в I тысячелетии до н. э. // Всесоюзная археологическая конференция. Баку, 1985; Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980; Дударев С. Л. О древних связях населения Чечено-Ингушетии с индоевропейцами и индоиранцами // 1588 год — важная веха на пути становления русско-вайнахского историко-государственного единства. Грозный, 1988; Дударев С. Л. О взаимоотношениях племён кобанской культуры с населением Закубанья в первой половине I тыс. до н. э. // Вторые чтения по археологии Средней Кубани. — Армавир, 1994; Дударев С. Л. К проблеме взаимодействия племён Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. — Армавир, 1995; Дударев С. Л. К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // Вестник древней истории. 1998. №4; Дударев С. Л. К этнокультурной интерпретации некоторых погребений «предскифского» времени из Предкавказья // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. — М., 1999; Дударев С. Л. Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. — Армавир, 1999; Дударев С. Л. Ещё раз об этнокультурной принадлежности памятников юго-восточной части бассейна р.Терека конца II — первой трети I тыс. до н. э. (к формулированию концепции кобанско-харачоевского синтеза) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. — Армавир, 2004; Дударев С. Л. К этнокультурной атрибуции «киммерийских» погребений Северного Кавказа // Kimmerowie. Krakow, 2004; Дударев С. Л. Иранский мир и Кавказ: некоторые вопросы этнической атрибуции кобанской культуры // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. — Армавир, 2006; Дударев С. Л. Связи населения Северного Кавказа с Европой, Закавказьем и восточными районами Евразии в эпоху раннего железа // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). — Армавир, 2007; Дударев С. Л. Ещё раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Эпоха раннего железа. Киев-Полтава, 2009; Дударев С. Л. К этнокультурной интерпретации памятников юго-восточной части бассейна реки Терека конца эпохи поздней бронзы — начала раннего железа // Сборник научных работ С. Л. Дударева. — М., 2011; Дударев С. Л., Пелих А.Л. О взаимоотношениях населения бассейна р. Кубани и племён кобанской культуры (эпоха бронзы — раннего железа) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в средние века. Ростов н/Д., 1996; Махортых С.В. Связи Кавказа с кочевниками в предскифский период // Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1985; Machortych S.V. Kimmerier in Nordkaukasien Gold der Steppe // Archaeologie der Ukraine. Schleswig, 1991; Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994; Махортых С.В. К проблеме контактов киммерийцев с оседло-земледельческим миром // Историческое регионоведение — вузу и школе. — Армавир, 1995; Махортых С.В. Культурные контакты населения Северно-

го Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003; Пелих А.Л. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы / Автореф. дисс. ... к.и.н. — СПб.: ИИМК РАН, 2003; Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К этнокультурной истории горной зоны Чечено-Ингушетии в конце ранней и начале среднебронзовой эпох // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990 и др.

4. Дударев С. Л. К этнокультурной интерпретации некоторых погребений «предскифского» времени из Предкавказья // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. — М., 1999. — С. 170–179.

5. Виноградов В. Б. К состоянию дискуссии о тюркской составляющей в этногенезе скифо-сармато-алан // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Карачаевск, 2001; Виноградов В. Б., Дударев С. Л. К хронологии раннего этапа скифо-северокавказских взаимоотношений // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР. Вып. XXVI. Цхинвали, 1983; Дударев С. Л. К этнической интерпретации антропоморфных изображений на бронзовых поясах из погребений № 74 и 76 Тлийского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989; Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991; Дударев С. Л. К этносоциальной трактовке некоторых памятников скифского времени из Предкавказья // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья. — Армавир, 1992; Дударев С. Л. О взаимоотношениях племён кобанской культуры с населением Закубанья в первой половине I тыс. до н. э. // Вторые чтения по археологии Средней Кубани. — Армавир, 1994; Дударев С. Л. О характере скифо-кавказского этнокультурного взаимодействия в VII–VI вв. до н. э. // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы — раннего железа. — Армавир, 1997; Дударев С. Л. К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время // Археология и этнография Северного Кавказа. — Краснодар, 1998; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991; Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987; Machortych S.V. Scythians and Sarmatians in the Northern Caucasus // Ancient Civilizations. Leiden, 1. 1994 и др.

6. Виноградов В. Б. Сармато-аланы и местные племена (III в. до н. э. – IV в. н. э.) // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967; Петренко В.А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э. – IV в. н. э.) / Автореф. дис. ... к.и.н. — М.: МГУ, 1980; Виноградов В. Б., Петренко В.А. Материалы памятников Среднего Притеречья о роли сарматов в этнокультурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Черноморского междуморья. Орджоникидзе, 1983; Березин Я.Б. Об этнических процессах на Северном Кавказе в сарматское время // Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1985; Березин Я.Б., Виноградов В. Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н. э. (очерк этнокультурных процессов) // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988 и др.

7. Бараниченко Н.Н., Виноградов В. Б. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI–XVII вв. // Известия Академии наук Грузинской ССР: «Мацне». Тбилиси, 1980, № 3; Великая Н.Н., Махмудова К.З. Роль населения горной Ингушетии во взаимоотношениях с Грузией и Россией // Тезисы докладов научно-практической конференции «Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника». Грозный, 1989; Виноградов В. Б. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного

Кавказа с южными областями в I тысячелетии до н. э. // Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической научной конференции. — М., 1960; Виноградов В. Б. Вайнахо-западноазийские историко-культурные параллели // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989; Виноградов В. Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских связей (до начала XX века) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983; Виноградов В. Б. Материальный след грузинских впечатлений в Чечне // Дзеглис мегобари. 1988. № 3 (на груз., русск. и англ. яз.); Виноградов В. Б. О реальности грузинского влияния на Северо-Западном Кавказе в X–XIII вв. // Известия АН Грузинской СССР: «Мацне». 1988. № 2; Виноградов В. Б. К дискуссии о грузинском влиянии в X–XIII вв. на Северо-Восточное Причерноморье // Дон и Северный Кавказ в древности и в средние века. Ростов н/Д., 1990; Виноградов В. Б. Материальные свидетельства евразийских контактов в Восточном Придарьялье в XIII в. // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994; «Грузинский и русский народы, вы — братья!» (К 200-летию присоединения Грузии к России). Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. Вып.4. — Армавир, 2001; Дударев С. Л. О связях Северного Кавказа с Закавказьем в начале I тысячелетия до н. э. (по материалам Пятигорья и Верхнего Прикубанья) // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992; Нераденко Т.Н. Новые данные о связях Северного Кавказа с Закавказьем // Советская археология. 1990. № 1 и др.

8. Виноградов В. Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии // Советская этнография. 1979. № 2; Мамаев Х.М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (материальная культура по данным погребальных памятников) /Автореф. дисс. ... к.и.н. — М.: МГУ, 1985; Мамаев Х.М. Стеклянные сосуды из раннесредневековых катакомбных могильников Среднего Терека как источник по культурным связям с окружающим миром // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. — М., 1981; Мамаев Х.М. Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 8. «Крупновские чтения». 1971–2006. — М.: Ставрополь, 2008; Мамаев Х.М., Савенко С.Н. Назревшие вопросы изучения этнической истории раннесредневекового населения Центрального Предкавказья // Археология и краеведение — вузу и школе (вторая региональная научно-практическая конференция). Грозный, 1985; Петренко В.А., Савенко С.Н. Этносоциальная интерпретация некоторых черт катакомбного обряда Центрального Предкавказья середины I тысячелетия н. э. // IX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Элиста, 1979; Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе,1986; Савенко С.Н. К проблеме участия угро-финнов в этнокультурных взаимоотношениях населения Предкавказья в эпоху раннего средневековья // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994; Савенко С.Н. Материальные свидетельства культурных контактов населения Кавминвод со Средним и Нижним Прикубаньем в I – начале II тысячелетия н. э. // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности Школы академика В. Б. Виноградова. — Армавир, 1994; Савенко С.Н. Новый редкий свидетель этнокультурных контактов северокавказского и азиатско-тюркского населения эпохи раннего средневековья в коллекции Кисловодского музея // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. — Нальчик, 2006 и др.

9. Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1989; Нарожный Е.И. Об этнокарте плоскостных районов Среднего Притеречья в XIII–XV вв. // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1990; Нарожный Е.И. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14. Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. — Воронеж, 2000; Нарожный Е.И. Ещё раз о связях населения Подонья с Северным Кавказом в XIII–XIV вв. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. — Ставрополь, 2001; Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимовоздействия эпохи Золотой Орды). — Армавир, 2005; Нарожный Е.И. Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным) // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. — М., 2008; Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимовоздействия / Автореф. дисс. ... д.и.н. — Владикавказ, 2010 и др.

10. Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Легенды о Маго как источник по этнокультурным связям горной Ингушетии // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983; Виноградов В.Б. Исторический эпос о вайнахо-кабардинских отношениях (события и реалии) // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. — Грозный, 1988; Виноградов В.Б. Закубанская этнография в неоконченной повести Н.С. Мартынова «Гуаша» (конец 1830-х гг.) // В.А. Захаров. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. — М., 2003; Виноградов В.Б. Давид Гурамишвили — очевидец этнокультурного поля Северо-Восточного Кавказа первой трети XVIII века // Дикаревские чтения (9). — Краснодар, 2003; Виноградов В.Б., Голованова С.А. Тмутараканско-касожские связи X века в фольклорном отражении // Сборник русского исторического общества. — №4 (152). — М., 2002; Великая Н.Н. Казачье-ногайские культурные связи в Притеречье // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы первой региональной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. — Армавир; Железноводск, 1998; она же. Вайнахо-ногайские религиозные связи (к постановке проблемы) // На стыке гор и равнин: проблемы взаимовоздействия. Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. Вып. 3. — Армавир, 2000; она же. Свадебная обрядность терских казаков и вайнахов как показатель этнокультурных связей // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. — Армавир, 2000; она же. О тюркском наследии в культуре гребенского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. — Ростов н/Д, 2010; Хлудова Л.Н. Культура и быт полиэтничного населения Прикубанья в работах российских и европейских художников (конец XVIII – 60-е г. XIX в.) // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе. — Армавир, 2012; Чахкиев Д.Ю. О территории и этнической основе зарождения боевых башен с пирамидальным венчанием на Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. — Грозный, 1979 и др.

11. Алиева С.И. Ногайцы Кубани в экономической системе Российского государства // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир-Краснодар, 1998; она же. Из истории взаимоотношений кубанских ногайцев с адыгами, черкесами, кабардинцами // Древности Кубани. Вып.7. — Краснодар, 1998; она же. Из истории

ногайско-казачьих взаимодействий // Из истории и культуры... –2. — Армавир, 2000; Великая Н.Н. Кабардинцы и терско-гребенские казаки в XVI–XVII вв.: некоторые аспекты взаимодействия // Научные проблемы гуманитарных исследований. — Пятигорск, 2006; Великая Н.Н. Межэтнические контакты на территории Терского левобережья в XVIII–XIX вв. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. — М., 2001; Великая Н.Н. Кавказский не только по названию // Материалы Межрегиональной научной конференции «Российский Северный Кавказ: перспективы исследования и исторические вызовы» (к 70-летию В.Б.Виноградова). — Армавир, 2008; Виноградов В.Б. К проблеме изучения формирования этнического состава населения на Кубани // Дикаревские чтения (1). Белореченск, 1995; Голованова С.А. Ранние известия о контактах восточнославянского и кавказского регионов (конец VIII – первая половина X в.) // Материалы межрегиональной научной конференции «Российский Северный Кавказа: перспективы исследования и исторические вызовы» (к 70-летию В.Б. Виноградова). — Армавир, 2008; Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа. — Пятигорск, 2008; Ктиторов С.Н. Этнический состав населения Армавира по данным торгово-промышленных списков // Дикаревские чтения (4). — Белореченск, 1998; Ктиторова О.В. Абазины на службе в Кавказском линейном казачьем войске // Из истории и культуры... — 3. — Армавир, 2002; Ктиторова О.В. Потенциал традиционной культуры в межэтническом взаимодействии // Межэтнические отношения на Северном Кавказе: история и современность. — Махачкала, 2013; Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX в.). — Армавир, 2011; Цыбульникова А.А. Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. — Краснодар, 2008; Цыбульникова А.А. Межэтнический обмен достижениями материальной культуры на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе. — Армавир, 2012; Шаова С.Д. Кабардинцы и вайнахи в зоне своего соседства // На стыке гор и равнин: проблемы взаимодействия. Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. Вып. 3. — Армавир, 2000; Шаова С.Д. История кабардинцев бассейна р. Сунжа в XVI — середине XVIII в. и их взаимоотношения с вайнахами / Автореф. дисс. ... к.и.н. — Краснодар, 2003 и др.

12. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. — Армавир, 2001; Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816. — Краснодар; Армавир, 2004; Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. — Армавир, 1993; Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). — Армавир, 1995; Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). — Армавир; Майкоп, 2003; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). — Ессентуки, 1999; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). — Пятигорск, 2002; Северный Кавказ с древних времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Коллективная монография / Под ред. В.Б. Виноградова. — Пятигорск, 2010 (см.: Очерки I–VII, написанные Б.В. Виноградовым, Н.Н. Великой, С.А. Головановой, Ю.Ю. Клычниковым, Ю.В. Приймаком) и др.

13. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период / под ред. В.Б. Виноградова. Ставрополь-Саарбрюккен: Ставролит; LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. — Армавир, 2001; Великая Н.Н., Даутова Р.А., Хасиев Х.М. Представления и обряды казаков и вайнахов, связанные с жилищем // Археология и традиционная этнография народов

Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992; Куракеева М.Ф. Семейная обрядность казаков. — Черкесск, 1996; Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. — Черкесск, 1999; Цыбульникова А.А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX в.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. — Армавир, 2012; Цыбульникова А.А. Женщины в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев в первой половине XIX века // Межэтнические отношения на Северном Кавказе: история и современность. — Махачкала, 2013 и др.

14. Дударев С.Л. Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи // Материалы заседания, посвящённого 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности Школы академика В.Б. Виноградова. — Армавир, 1994. — С. 12; «Дорогу осилит идущий». Школа В.Б. Виноградова: истоки, этапы, идеи: очерк истории // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов / под ред. С.Л. Дударева. — Армавир; Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 2013. — С. 15–48.
15. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. №45, 2007. — Ростов-на-Дону, 2007; Клычников Ю.Ю. О перспективах дефиниции «российскость» // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 17. — Армавир, 2011; Дударев С.Л. Ещё раз о российскости // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа–IV. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск 18–20 ноября 2011 г. — Пятигорск, 2012.
16. «Мультикультурализм — один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. Идея мультикультурализма выдвигается главным образом в экономически развитых странах Запада, где наблюдается значительный приток иммигрантов. В современной Европе мультикультурализм предполагает прежде всего включение в её культурное поле элементов культур иммигрантов из стран «третьего мира» (http: // ru.wikipedia.org/wiki)
17. Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990; Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. На терских берегах. Очерки об исторических группах старожильческого населения Среднего Притеречья. — Армавир, 1997; Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани: учебно-методическое пособие для учителей общеобразовательных учреждений Краснодарского края / авт.-сост. Г.О. Аствацатуров, С.Н. Ктиторов, О.В. Ктиторова, А.А. Цыбульникова; отв. ред. А.Р. Галустов; научн. ред. С.Л. Дударев. — 3-е изд. — Армавир: РИО АГПА, 2013. — 120 с.; Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани: учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений Краснодарского края / авт.-сост. С.Н. Ктиторов, О.В. Ктиторова, А.А. Цыбульникова; отв. ред. А.Р. Галустов; научн. ред. С.Л. Дударев. — 4-е изд., перераб. и доп. — Армавир: РИО АГПА, 2013. — 312 с.

Н.Н. Гарунова (г. Махачкала), А.П. Скорик (г. Новочеркасск), А.А. Цыбульникова (г. Армавир)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МИРООЩУЩЕНИИ СТУДЕНТОВ ЭТНИЧЕСКИ ОТЛИЧИМЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ

Актуальность проблем межэтнического взаимодействия, наличие естественной социально-психологической реакции на образ Другого, восприятие вероятностного соприкосновения с инокультурной общностью в студенческой среде довольно высока, что позволило презюмировать социологическое исследование, осуществленное по методике квотной выборки (с учетом этнического состава контингента обучающихся) в трех вузах: Дагестанском государственном университете, Армавирской государственной педагогической академии и Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М.И. Платова в конце 2012–2013 гг. В своем повседневном общении межэтнический контекст отчетливо фиксируют 51,4% опрошенных, когда им задавали прямой вопрос «Обращаете ли Вы внимание, что рядом с Вами живут, работают, проводят свободное время представители другой национальности?». Но если учитывать предложенные косвенные этносоциальные индикаторы и индивидуальную реакцию на смежные вопросы, касающиеся, например, отношения к межэтническим бракам и участия в разрешении межэтнических конфликтов, то ситуация существенно изменяется и уровень ответной социальной реакции достигает 85–87% среди опрошенных, иначе говоря, наличествующая индифферентная студенческая микрогруппа составляет около 15% респондентов из общей выборочной совокупности по трем вузам. Тем самым, наличествующее социально-психологическое воздействие окружающего полиэтнического пространства ощущает подавляющее большинство студенческой молодежи из числа опрошенных, хотя, безусловно, качественные параметры этого воздействия заметно отличаются.

В ДГУ для студентов полиэтничность более привычна и психологическая реакция на присутствие Другого менее остра, но одновременно в ЮРГПУ (НПИ) эти явления ощущаются вдвойне острее.

Можно говорить о развитости личностной коммуникации, внутренней открытости и готовности ценить настоящие человеческие отношения в студенческой среде южно-российских городов, ибо подавляющее количество респондентов (69 %) считают, что «ничто не может помешать настоящей дружбе». Для значительной группы опрошенных (22,8 %) сдерживающим условием для развития дружеских отношений является уважение к обычаям и традициям со стороны человека другой национальности, однако считать изначально данное условие неприемлемым встречным требованием нельзя. Поэтому при вполне допустимом суммировании двух вышеназванных доброжелательных позиций студентов можно констатировать существование достаточно высокого потенциала для формирования этнической толерантности в региональных вузах.

Межличностное отчуждение, базирующееся исключительно на национальной почве, социально-психологическое отторжение образа Другого, неуверенность в прочности межнациональной коммуникации, характерных для студенческой молодежи, складывались в настоящем исследовании из трех индикаторов: «нет, человек из другой среды никогда не сможет понять меня» (к этому склонны 1,0 % респондентов), «наши отношения сохранятся лишь на уровне знакомства» (5,2 %); «нет, человек чужой национальности рано или поздно меня предаст» (1,0 %). Казалось бы, при таких количественных параметрах ответов можно было бы и не обращать на это внимание, но накопленный процент по трем индикаторам дает уже знаковую цифру.

О степени включенности опрашиваемых студентов в конфликтогенные отношения с подтекстом межнационального противостояния можно отчасти судить по ответам на прямой вопрос «Приходилось ли Вам в повседневной жизни сталкиваться с конфликтами на межэтнической почве?». Накопленный процент по утверждающим индикаторам «да» и «скорее да, чем нет» составил 41,2 % ре-

спондентов. Однако формулировка вопроса в иной форме повышает эту планку вовлеченности в межэтническое противоборство, поскольку по вполне понятным причинам части опрошенных межнациональный конфликт не добавляет приятных эмоций, а отсюда естественное нежелание акцентировать на такой ситуации свое внимание. Когда же модераторы проекта (Гарунова Н.М., Цыбульникова А.А., Скорик А.П.) попытались узнать через анкетный вопрос «Как выглядел межэтнический конфликт, в который Вы были вовлечены?», то 87,2 % респондентов по их собственному заявлению в той или иной форме (в том числе и бытовой) стали свидетелями и/или участниками конфликта на межэтнической почве. Если же целенаправленно выделить исключительно группу участников межнационального конфликта, то она достигает 54,5 % в выборочной совокупности, что подтверждает первоначальную авторскую гипотезу о наличии определенного уровня межэтнической напряженности в среде студенческой молодежи Северного Кавказа. По степени остроты межнационального противостояния и соответствующей вовлеченности студентов в межэтнические конфликты мы бы условно выделили три уровня: экстремистский, агрессивный, пассивный.

Первый уровень — экстремистский — складывается из двух вариантов ответов «люди применили оружие против обидчиков, не обошлось без потерпевших» (4,7 % респондентов) и «столкнулись (без оружия) десятки людей, вызывали полицию» (4,7 %). При этом полученный валидный процент составляет 9,4, а накопленный процент — 10,4, поскольку четко выразили свою позицию только 87,2 % участников опроса. Тем самым, в вероятностную молодежную микрогруппу «непримиримых» оказывается вовлеченным каждый десятый из числа опрошенных нами студентов.

Причинно-следственный комплекс таких антиобщественных настроений и императивных поведенческих реакций в студенческой среде, как нам представляется, объясняется, прежде всего, пока не преодоленным после «шальных» 1990-х г. ослаблением российской государственной власти и наличествующей тенденцией дискредитации властных институтов на местах (кстати, уверены, что

местные власти держат вопросы межэтнического взаимодействия под контролем только 15,5 % опрошенных). Оказывают свое влияние и распад старой советской и разрушение традиционалистской систем ценностей и существенные социально-психологические перекосы в мироощущении молодежи, широкое распространение чувства ущемленности национального достоинства и заметное отсутствие в студенческой страте социального опыта урегулирования проблем межэтнического взаимодействия.

Второй уровень — агрессивный — также складывается из двух вариантов ответов «была драка, но драчунов удалось разнять» (22,3 %) и «люди столкнулись (на рынке, в магазине и т. п.) и сильно ругались» (15,8 %), хотя эти индикаторы представляют несколько отличные друг от друга комплексы группового агрессивного поведения, именно общая направленность позволяет их объединить. Более того, названные варианты межнационального противостояния вроде бы по определению указывают на благополучное разрешение конфликтной ситуации на межнациональной почве. Как говорится, «пар был выпущен», и есть некоторая вероятность, что произойдет последующее замирение сторон межнационального конфликта. Однако с другой стороны очевидное нахождение молодых людей в гнетущей атмосфере негативистских настроений, так или иначе, закладывает фундамент для новых этнических ксенофобий, неизбежно продуцирующих межэтнические столкновения. Деструктивный характер агрессивного поведения людей на межнациональной почве очевиден, но студенческая молодежь не всегда готова осознавать этот общецивилизационный постулат о деструктивности такого агрессивного комплекса, объясняя свои собственные конфликтогенные порывы фрагментами негативной исторической памяти, реализацией национальных обычаев, актуализацией агрессивных моделей поведения и пр.

Третий уровень — пассивный — также складывается из двух вариантов ответов «меня (моих знакомых) неприлично назвали, а мы крикнули в ответ» (6,8 %) и «я смотрел со стороны, и участия не принимал» (32,8 %). В этом случае респонденты подчеркивают свое нежелание вступать в открытый межнациональный кон-

фликт, даже если их явно провоцируют на противостояние вероятностные контрагенты. Пассивный комплекс поведения студенческой молодежи в моделируемой конкретной ситуации, хотя и не содержит угрозы общественному порядку, но, тем не менее, полностью не исключает элементов скрытой агрессии. Однако все же нежелание вступать в межнациональное противостояние, какими бы побудительными мотивами эта микрогруппа студентов не руководствовалась, в перспективе имеет позитивную направленность.

Обращает на себя внимание примерное равенство двух групп респондентов, которые в отношении межнационального конфликта занимают агрессивный (38,1 %) и пассивный (39,6 %) уровни. Речь идет не только о том, что, как говорится, «желающих насчет драки подсуетиться» среди опрошенных оказалось недостаточное количество, но и наличием в среде студенческой молодежи тенденции стойкого неприятия экстремистских и агрессивных моделей поведения. Соответственно существуют возможности для снижения конфликтогенного потенциала в этой возрастной когорте молодежи, в том числе соотносимой с выявленной агрессивной стратой. Чего больше в объяснении индивидуальной негативной реакции студентов на межнациональные конфликты боязни и/или страха, а может давления своего или чужого социального опыта, надо еще детально разбираться.

Разрешение межнациональных конфликтов требует выявления наиболее действенного механизма урегулирования конфликтных отношений, а соответственно выяснения ключевого варианта социальной деятельности для установления добрососедского взаимодействия между народами. Примечательным фактом нашего исследования стала ориентация студентов на выработку позитивного социального опыта преодоления межнационального противостояния преимущественно в рамках гражданского общества. В том, что «люди сами должны искать пути межнационального согласия» уверены 56,0 % опрошенных. Роль государства как межнационального арбитра признали только лишь 9,7 % респондентов. Если же использовать накопленный процент и обратить более пристальное внимание на отчасти косвенный социальный ин-

дикатор «надо больше проводить совместных праздников и других мероприятий» (17,7%), то становится очевидным, что межнациональное противостояние, по мнению современных студентов региональных вузов, во многом может быть преодолено на уровне местного сообщества.

Студенты испытывают реальную насущную потребность в презентации опыта позитивных взаимоотношений представителей разных народов, для вузовской молодежи важно акцентирование внимания на схожих положительных чертах национальных обычаев и традиций (гостеприимства, почитания материнства, уважения к старшим, и др.). Можно говорить об определенной открытости студенческой молодежи к обновлению «старых» и установлению новых позитивных межнациональных контактов. Так, хорошо знают обычаи и проявляют готовность к участию в национальных обрядах другого народа 17,5% респондентов. Не особо знают, но «не против вместе проводить время» 49,0% опрошенных, а хотели бы побольше узнать о традициях иного народа, «чтобы найти друзей» 11,8% респондентов. Тем самым, по накопленному проценту (78,5%) можно судить о значительном потенциале этнической толерантности. Противостоящая молодежная позиция в этом отношении представлена двумя социальными индикаторами: «мне это абсолютно безразлично» (11,7%) и «не вижу в этом смысла» (9,8%). Примечательно, что улучшение социально-психологической атмосферы в межнациональных отношениях студенты склонны видеть именно в налаживании межэтнических контактов. Только лишь небольшая часть из опрошенных считает, что «станет жизнь лучше, и не будут искать виноватых среди других народов» (10,7%).

Потенциал этнической толерантности раскрывается и через отношение студенческой молодежи к межэтническим бракам. В этой связи не может не радовать однозначная одобрительная позиция 42,7% респондентов. С разной долей позитивности к этой принципиально важной для настоящего исследования позиции примыкают еще две микрогруппы студентов: во-первых, индифферентная, представленная в ответах двумя индикаторами «не

одобряю для себя, а другие пусть сами думают» (16,7%) и «мне это безразлично» (13,0%), а, во-вторых, опосредованная существенным обременением, объединяемая на основе ответов по индикаторам «все зависит от позиции родителей» (9,5%) и «смотря к какой национальности мой(ая) любимый(ая) относятся (6,7%)». Безусловно, назвать «прозелитистскими» выделенные микрогруппы нельзя, но и искать среди них однозначных сторонников межэтнических браков не следует, равно, как и нельзя полностью исключить элементы сочувственного отношения.

Противоположная позиция в отношении межэтнических браков представлена в ответах также двумя индикаторами: «сомневаюсь в их целесообразности» (7,3%) и «категорически против» (4,2%). В результате накопленный процент по микрогруппе противников межэтнических браков достигает показателя 11,5%. С одной стороны образуется устойчивая компаративная референтная группа, и мы ее соотносим с нормативной референтной группой в рамках настоящего исследования, в качестве которой, прежде всего, рассматриваем микрогруппу сторонников межэтнических браков. С другой стороны очевидных и последовательных противников межэтнических браков не так уж много (4,2%), и эта микрогруппа имеет пороговое значение в силу обозначенного числового параметра.

Прослеживается явная дихотомия с одинаковой взвешенностью суждений в оценке управленческих усилий местных властей в решении проблем межэтнического взаимодействия. С одной стороны, каждый шестой участник опроса твердо уверен в полноценном исполнении социально-административной функции по поддержанию межнациональной стабильности органами местного самоуправления на территории своего муниципального образования, что, действительно, местные власти «держат эти вопросы под контролем» (15,5% респондентов). С другой стороны, также каждый шестой участник опроса изначально настроен негативно в отношении управленческой способности местных властей к установлению и поддержанию в рабочем режиме каналов межнационального диалога, ибо власть предержащие «не защищают права ко-

ренного населения» (12,7%), и более того даже «потворствуют этническим группировкам и криминалу» (3,0%), что указывает на явное присутствие двойных стандартов в деятельности муниципальных органов или же отдельных их представителей. О наличествующей тенденции социальной индифферентности местной власти свидетельствует избранная почти одной третью респондентов индикативная оценка «им все равно, как живут люди разных национальностей» (28,5%), что указывает на низкую эффективность проводимых на местах мероприятий по расширению возможностей межнационального диалога, на неумение муниципальной власти выстраивать контакты с национальными общинами или недостаточную вовлеченность студенческой молодежи в подобные акции. Однако обнадеживает достаточно распространенное мнение в среде респондентов об имеющемся потенциале местных властей, которые настойчиво стремятся решать существующие межнациональные проблемы, «но это у них не получается» (39,7%). Тем самым, градус общественного доверия в среде студенческой молодежи к органам местного самоуправления довольно высок, учитывая характерные остроту, противоречия и трудности межнационального диалога в северокавказском регионе. С учетом ранее уже обозначенной исключительно позитивной оценки (15,5%) мы имеем вполне неплохие перспективы для усиления толерантного восприятия студенческой молодежью межэтнического взаимодействия и участия в этом процессе местных властей.

Результаты нашего социологического исследования отчетливо показывают, что свобода совести как естественное право каждого человека достаточно прочно укоренилась в сознании современной студенческой молодежи. Однако в отношении реализации этого неотъемлемого права мы наблюдаем в молодежной среде целый ряд социально-групповых коллизий, которые заставляют задуматься, ибо индивидуальные жизненные траектории молодых людей вполне могут сделать невообразимый зигзаг из-за желания иметь любые убеждения, поскольку часть юношей и девушек свободу совести трактуют исключительно как свободу вероисповедания. На этой почве антирелигиозный и аморальный демарш группы «Pussy

Riot» с панк-молебном «Богородица, Путина прогони» выступает явлением одного порядка с антигуманными акциями «лесных братьев» в Дагестане, ибо и те, и другие весьма далеки от истинной веры, какой бы по направленности она не была и какую бы риторику (а том числе оппозиционную) при этом с собой не несла.

Почти половина респондентов в нашем исследовании оказалась не готова открыто дискутировать в отношении свободы вероисповедания. Выявленная партикулярность вероисповедания может истолковываться как достаточно цивилизованное явление, а соответственно подобная позиция молодежи может рассматриваться как довольно приемлемая для широкого общественного мнения. Действительно, вроде бы нет ничего плохого в наличествующем одобрении тезиса, что «вера — дело сугубо личное, и это лучше не обсуждать» (44,8%). Вместе с тем, это не может не настораживать вдумчивого исследователя, ибо из такого «закрытого духовного пространства» вполне ожидаемы протуберанцы негативной активности прорелигиозного порядка (вплоть до религиозного фанатизма) на фоне подавляющего отказа молодых людей от атеизма. Атеизм, по определению характерный для поколений советской молодежи, сегодня безнадежно канул в Лету, унеся с собой часть не самой худшей молодежной субкультуры, свободной от религиозных предрассудков. Позиция «Я — атеист, и мне легче общаться с неверующими» оказалась весьма непопулярной в среде опрошенной студенческой молодежи (2,5%). С другой стороны мы наблюдаем отчетливую тенденцию религиозного корпоративизма, когда приверженцев индикативной молодежной оценки «Мне приятно общаться только с человеком моей религии» (13,3%) вполне можно обозначать как особую микрогруппу в составе студенческой молодежи, жестко интровертный характер которой не вызывает у нас никаких сомнений.

В контексте нашего исследования достаточно серьезной проблемой выступает новообращенство, которое мы интерпретируем как интенсивное наращивание религиозных прозелитов определенной церковной, и/или квазицерковной организацией, когда молодежь пришла к выбору своей веры, своей религии не есте-

ственным путем через семейные традиции, через социальный опыт старших поколений, а под влиянием идеологического давления различных акторов (в том числе ярых религиозных проповедников). В таких случаях новообращенство, на наш взгляд, следует рассматривать как канал социального нигилизма, спектр которого достаточно широк: от тоталитарных сект до воинствующих направлений мировых религий. И если сама по себе вера новообращенцев может и не вызывать явного отторжения у окружающих, то стиль поведения, публичная демонстративность некоторых ее представителей заставляет задуматься: а является ли вера для такого человека действительно духовным началом. Когда на всю академическую аудиторию молодой человек в буквальном смысле кричит: «Я — мусульманин», или также резко заявляет: «Я — православный, а потому вот этого делать не буду», стоит задуматься о том, а насколько вера стала частью его «Я». Может речь идет об эпатажном молодежном позиционировании не сложившейся еще личности в социальном пространстве?! Квазирелигиозный акционизм для таких молодых людей, увы, важнее истинной веры в Бога, к какой бы религии, системе верований это самое высшее духовное начало не относилось.

Вместе с тем, мы должны констатировать наличие устойчивой тенденции к межконфессиональному диалогу в студенческой среде, выраженной в поддержке индикативной социальной позиции «Я не против поддерживать контакты с верующими другой конфессии» (38,0 %). Представление о Другом как человеке верующем сегодня отнюдь не вызывает отторжения у молодых людей, а даже становится весьма притягательным коммуникативным стереотипом. Лишь незначительная часть респондентов (1,3 %) указала на то что «верующие — это люди из другого мира, мне с ними неинтересно».

Подавляющему большинству респондентов оказались близки базовые общеконституционные идеи общей судьбы народов Российской Федерации, прав и свобод человека, бережного сохранения исторически сложившегося государственного единства, уважения к своему Отечеству. Это подтверждает полученный нако-

пленный процент (84,3 %), когда данные по двум индикаторам «Я — гражданин Российской Федерации» (49,7 %) и «Я — представитель своего народа, но одновременно я — россиянин» (34,2 %) объединяются. При пессимистическом сценарии в такой оценке сложившегося общественного мнения, аккумулируемые сведения по второму индикатору, выглядят как принципиальная демонстрация общеизвестного права на самоопределение народа. Мы же более склонны отстаивать оптимистический сценарий в вероятностной интерпретации преимущественной аксиологической тенденции в общегражданской самопрезентации студенческой молодежи, ибо лишь незначительная часть респондентов (0,8 %) безапелляционно заявила «Я — представитель народа, который будет независим от России». Общегражданский патриотизм сюжетно вполне очевиден, несмотря на существующие коллизии общественного сознания молодых поколений. Выбор государственного единства, артикулируемый респондентами в объединяемых социальных индикаторах, принципиально важен в плане смысловой перспективы нашего исследования, поскольку здесь проявляется и этническая толерантность, и общероссийская гражданская идентичность.

А что же на другой стороне этих «общероссийских весов»?! Имеется хоть один существенный компонент, способный пусть немного, но отклонить стрелку этих образных весов в иную, антипатриотичную сторону. Увы, но такая социальная микрогруппа среди студенческой молодежи сегодня имеется, и мы зафиксировали, что более чем каждый десятый участник опроса прямо заявил: «Я вообще хочу покинуть Россию и жить за границей» (12,2 %). Безусловно, у каждого из этих респондентов наличествуют свои личные причины выехать навсегда за пределы Российской Федерации. Однако, не может не волновать общая направленность складывающихся настроений, значительная численность потенциальных не-россиян. А это означает, что формирующееся социальное самочувствие молодежи в России по определению не соответствует ее ожиданиям, отсутствуют личностные ограничители в прерывании гражданских связей со своим Отечеством, что-то существенное нарушилось в естественной связи разновозрастных поколений.

Маргинальная же группка космополитов довольно не велика среди опрошенных и не составляет сколь-нибудь значимой величины. Свою приверженность позиции «Я — космополит, а гражданство нужно только для паспорта» продемонстрировали лишь 2,7% респондентов. Мы склонны считать это вполне закономерным бриколажем социального индикатора «Я вообще хочу покинуть Россию и жить за границей». Если смотреть с такой позиции, то накопленный процент (14,9%) становится уже знаковой точкой отсчета в анализе общественных настроений студенческой молодежи. Не замечать подобного рода социальные экспектации нельзя, ибо будущее России во многом зависит именно от молодежи, от ее отношения к укреплению общероссийской государственной перспективы. Только «соединенные общей судьбой на своей земле» молодые граждане России смогут сохранить «сложившееся государственное единство», которое утверждается действующей Конституцией Российской Федерации, двадцатилетие которой мы отметили.

Таким образом, проблематика межэтнического взаимодействия в мироощущении студентов региональных вузов Северного Кавказа оказывается достаточно широким этносоциальным контекстом, в рамках которого затрагиваются этническая история, межконфессиональные отношения, молодежная субкультура, общероссийская идентификация и другие вопросы. Здесь очень важно обеспечить не только выявление срезов общественного сознания из различных этнокультурных миров, но и тщательный анализ консолидирующих факторов упрочения этнической толерантности. Среди респондентов нашего исследования по квотной выборке удалось привлечь представителей 29 национальностей. Подавляющее большинство опрошенных в ходе проведения социологического опроса не затруднялось в указании своей национальной принадлежности, а это свидетельствует о том, что национальная идентификация отнюдь не безразлична студенческой молодежи, и, судя по обобщенным результатам, межэтническое взаимодействие находится в актуальной повестке дня для новых поколений российских граждан.

Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян
(г. Пятигорск)

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ФРОНТИР В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ИМПЕРСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ОПЫТ

Модернизация, как правило, связывается с обновлением всех основ общественной жизни путем различных нововведений и усовершенствований. Это сложный многогранный процесс, охватывающий все сферы общественной и частной жизни. Основными признаками модернизации выступали увеличивавшиеся возможности использования современных технологий в ключевых отраслях материального производства, расширение форм потребления, создание социальных, политических и культурных условий для развития нового производства, возникновение и развитие новых типов духовности.

Понятие «modern» начало использоваться еще в конце V в. н. э. и было связано с разграничением христианской культуры и язычества. Окончательно термин укоренился в эпоху Просвещения и стал соотноситься с тем, что «способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени» [1].

Таким образом, одно из возможных смысловых наполнений данного явления, это способность и необходимость воспринимать и внедрять инновации в социокультурное пространство в силу внутренних потребностей и (или) внешнего воздействия на общество. На практике это связано с изменениями в экономической, политической, административной и т. п. сферах жизнедеятельности.

Исторически возникновение модернизированных обществ связано с зарождением промышленности, а потому все характеристики, связанные с понятием модернизации, могут быть соотнесены с теми переменами, которые были вызваны промышленным (состоявшемся или формирующимся) обществом, требовавшим нового образа жизни. В этой связи модернизация имеет не толь-

ко экономическое и технологическое значение — это стиль жизни, охватывающий глубинные экономические, политические, социальные и культурные перемены [2].

Модернизация как полифункциональное и полифоническое явление рассматривается нами под углом зрения и в ипостаси инновации, обновления всей системы социально-культурных, политико-административных и экономических институтов, связанных со становлением европейского (русского) по своему характеру и смыслу способу существования и функционирования социальной системы.

Модернизация Северного Кавказа начинается и связывается с появлением в этом крае Российской империи. Имперская социокультурная система стремилась добиться достижения определенных количественных показателей в состоянии этносоциальной и этнокультурной среды Северного Кавказа, когда, как отмечает С.Н. Гавров, инокультурные элементы начинают самоорганизовываться и воспроизводить систему целиком [3]. Постепенно для горского населения становится естественным и тот образ жизни, который принесла им империя.

Иными словами, российский проект модернизации преследовал цели превращения Северного Кавказа в составную часть имперского пространства, создания там всех присущих империи экономических, социальных, политических и культурных институтов.

Предстоявшая задача по органичной адаптации региона к социокультурным и политическим ценностям империи предполагала целый комплекс усилий, включавших как силовые методы воздействия, так и вполне мирные способы вовлечения автохтонов в общегосударственное пространство.

Из всего набора средств внедрения модернизационного проекта нами была намеренно выбрана одна из ведущих его ипостасей — урбанизация, которая, по нашему мнению, является базовой для становления модерности как таковой. Для рассматриваемой территории это тем более важно, потому как собственной исторической традиции урбанистической жизни Северный Кавказ не имел. Упоминаемые на территории региона «города» древности не могут

считаться таковыми. Наличие укреплений еще не делало из поселения действительно города. Здесь, возможно, сказывалось долгое отсутствие потребности в таковых у автохтонных народов [4].

Урбанизация пространства Северного Кавказа одновременно являлась формой и процессом модернизации, в том числе с точки зрения заявленного нами направления. Составной частью процесса урбанизации была его направленность на разрушение и подавление традиционного способа существования. Посредством исторически сложившихся способов разделения труда, форм экономически или политически мотивированной активности, противящихся пропускать в урбанизированную среду инобытия, не отвечавшего урбанистским смыслам, достигалась высокая степень драматизации в проявлении всех форм коммуникативных связей разных по своим фундаментальным или функциональным проявлениям мирам.

Следствием реализации российского модернизационного проекта на Северном Кавказе стала ситуация-состояние, которую мы, прибегнув к аналогии, вслед за Ф. Тёрнером, охарактеризовали как фронтир [5].

Ф. Тёрнер, вольно или невольно, наделил свой термин большой многозначностью и новизной, которые породили широкие эвристические возможности для описания ситуаций неопределённости и пограничности во всем множестве социально-культурных контекстов.

Несмотря на то, что термин «фронтир» имеет западное происхождение, что с его помощью описывались, прежде всего, разнообразные феномены исторического прошлого США, этот термин может играть важную роль и для осмысления российской истории.

С 70-х годов XVIII в. российские власти стали создавать Кавказскую кордонную линию, стремясь протянуть ее «от моря до моря и тем самым прочно закрепиться в регионе» [6]. Таким образом, государственной волей размечался северокавказский «фронтир».

На Северном Кавказе, ставшем пространством пограничья, зоной соприкосновения разных миров, развивались (особенно интенсивно с XVIII в.) неоднозначные процессы, в которые были во-

влечены люди разного этнического происхождения, люди, представлявшие общности разной стадии цивилизационного развития, где, по мнению Т.М. Барретта, переплетались воздействие на окружающую среду, культурное смешение, социальная стратификация и конструировалось новое социальное мифотворчество [7].

Российские власти радикальным образом изживали фронтирную неопределённость кавказского географического пространства, стремясь показать кавказским народам всю силу нового для них строя жизни, его позитивную преобразующую мощь, способную вырвать их из мира жестокого средневековья и родоплеменных распрей. Российские власти стремились создать в крае новые основы материального существования, новые основы быта, возводимые на фундаменте русско-европейской культуры [8].

На начальном этапе нужны были не только материальные средства, но также носители имперских устоев и духа империи, которые своим примером могли увлечь и приучить горцев к новым ценностям и поведенческим стереотипам. Ими стали те славянские (шире — христианские) переселенцы, которые добровольно или волей имперской власти оказались на формирующейся южной окраине страны, имевшей все признаки фронтира с его пространством неопределенности, межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, формирующимися коммуникациями идентичностей в формах диалога или конфронтации. Тогда перед российской стороной встала стратегическая задача не только принести на осваиваемую территорию новые для нее базовые социально-политические институты, но еще и добиться того, чтобы в поддержании и воспроизводстве их оказались заинтересованы туземные народы [9].

Неопределённость также была связана с этническими сдвигами среди местных народов: с движением осетин и ингушей с гор в предгорья и на равнины [10]; с массовым исходом за пределы Северо-Западного Кавказа черкесов и ногайцев [11]; с переселением значительной части армян, грузин, а также христианских народов, ранее проживавших на территории Османской империи на Северный Кавказ [12] и т. п. А как только утвердилось постоянное

российское присутствие вдоль Терека, туда стали выбегать горские общинники и рабы [13].

Формировавшиеся северокавказские города постепенно становились форпостами и центрами межэтнического взаимодействия, своеобразными этнокультурными плавильными котлами, в которых скапливались представители многих автохтонных народов. Именно через данные хозяйственные центры ретранслировались имперско-русские социально-культурные смыслы жизнедеятельности, примеры успешного и созидательного жизнесуществования, в какой-то степени — образцы той перспективы, которую несла за собой имперская колонизация. Именно здесь часть горцев приобретала опыт взаимодействия с инокультурными субъектами в условиях, которые выходили за рамки их традиционности: их социокультурная локальность взламывалась, а мировоззрение начинало приобретать ту пластичность, которая необходима для жизни в пространстве неустойчивого развития.

Российская сторона как инициатор и создатель фронтирности пыталась преодолеть неизбежно возникшую неопределенность всеми способами, в том числе военными. Победы русского оружия предопределили конечное изживание ситуации «фронтира». Неуступчивые и активно сопротивлявшиеся селения горцев либо уничтожались русскими войсками, либо вожди горских обществ сами переносили их в глубины гор, тем самым, расчищая пространство для инноваций, в том числе и поселенческих.

Разрушение традиционности и архаики происходило и под воздействием усилий горских реформаторов. Имамат, созданный Шамилем, и его предшественниками, ломал привычные ценности, присущие горскому изоляционизму. Заявляя о своей непримиримости «миру гяуров», глава мюридов фактически вместе с ними решал задачу по изменению жизни на Кавказе, расчищая завалы на пути к модернизации.

Подавив сопротивление горцев вооружённой рукой, укрепившись на морских побережьях, а также покорив неприступные прежде горные ущелья, российская сторона исчерпала тем самым географическое пространство северокавказского «фронтира».

Не менее трудной и важной задачей было переформатирование этносоциальной, этнокультурной, хозяйственно-экономической и политико-правовой сущности новоприобретенного пространства, переживавшего длительный период состояния пограничности и долговременной неопределённости в направлении имперской однозначности.

Пространство пограничности, пространство «фронтира» постоянно сокращалось, но никогда не изживалось окончательно. После острой фазы непримиримых форм коммуникативности последовала фаза притирки и приспособления пристрастных участников прошлого противоборства, принимавшего вид постепенно терявшего холодность взаимодействия либо упорствующей в ненависти локальной замкнутости [14]. Однако линии раздела всё больше истончались, а ситуация пограничной неоднозначности и переходности сменялась имперским доминированием, оставляя «фронтиру» лишь то и столько пространства, где «свой» мир и мир «другого», где мир России и мир Кавказа хранили свою самость и не могли допустить изменений, чтобы не потерять своей фундаментальной первоосновы. Основы российско-кавказских отношений все больше определяла «российскость» [15].

Уже в имперский период начинает формироваться городской сегмент экономики, который был связан с внесением элементов индустриализма в регион. Это был принципиально новый способ экономической деятельности, привносивший в местную жизнь иной тип социальных отношений. Города являлись местом наиболее интенсивного межкультурного общения, для которого сама специфика городской жизни предоставляла новые широкие возможности. Однако в имперский период потенциал этого фактора так и не был реализован в полном объеме.

Ситуация претерпевает кардинальные изменения на очередном витке модернизационной трансформации региона, который был связан с советским периодом нашей истории. Новая власть начала целенаправленно осуществлять процесс переселения горцев на плоскость, расходуя на это внушительные суммы, достигавшие пятой части местных бюджетов. Предварительно были подготов-

лены территории предстоявшего выселения. Их освободили от казаков, служивших в прежние времена оплотом русско-имперского присутствия в крае и социально-культурной средой поддержания имперских порядков.

Следующими шагами советских властей стали процессы коллективизации и индустриализации, в результате которых горцы оказались вовлечены в формирование крупных сельскохозяйственных производств в виде коллективных хозяйств, а также разнообразных производств рождавшейся новой социалистической индустрии.

Расширение городского пространства также оставалось важным составным элементом преобразовательной политики советских властей в связи с системными усилиями индустриализационного характера. В данном случае осуществлялось активное внедрение в местный социально-экономический и этнокультурный ландшафт урбанистического начала.

Однако при всем старании государства вынудить горцев в массовом масштабе переселяться в города не удавалось. Весь исторический опыт автохтонов Северного Кавказа не имел урбанистических начал европейской сущности, а попытки приобщения их к городскому существованию в имперский период не достигли уровня однозначной необходимости и не стали обязывающей тенденцией местной жизни. По этой причине большинство населения региона не имело склонности к урбанизму и деятельности в индустриальной сфере. Кроме того, производственные качества местного населения, в силу определяющей роли традиционного способа существования, и его трудовые ценности не отвечали требованиям индустриальных технологий [16]. Потому для возводимых в регионе промышленных объектов приходилось привлекать русское (по преимуществу) население, «импортируемое» из других частей страны.

Урбанизация советского образца, проводившаяся административно-бюрократическими методами, часто не обращавшая внимания на сущности социально-культурного опыта местных народов, привела к тому, что новое население городов не могло из-за исторически высоких темпов преобразовательных мероприятий

быстро обзавестись городским типом ментальности и культуры. В данных условиях формировавшиеся усилиями властей урбанизированные поселения не становились собственно городами со всей гаммой наличных и необходимых для этого атрибутов, а представляли собой больше переходные формы индустриальных поселков, возводимых вокруг тех или иных производственных комплексов (Алагир, Тырнауз, Невинномысск).

Новый (урбанизированный) образ жизни требовал иного, нетрадиционного публично-правового принципа регуляции поведения, в рамках которого доминировали универсальные нормы нравственности, бывшие инновацией для жёстких рамок исторически сложившейся среды сельской жизнедеятельности и норм повседневного поведения [17]. Города не успевали перемалывать рецидивы традиционализма, который в условиях Северного Кавказа обладал свойствами этнической нетерпимости. Тем не менее, в горской среде произошла «революция быта», и автохтоны сблизились с формами повседневного существования русской части населения городов [18].

В период советской истории России процессы адаптации к урбанизму и модернизации направлялись сильной организующей волей государства. Миграция в города не просто поощрялась, но целенаправленно организовывалась, поскольку позволяла властям решать одновременно несколько задач: экономическую (создание индустриального пространства и насыщение его рабочей силой), социальную (ликвидация социальных слоев, нелояльных государству, а также формирование новых социальных групп, получавших новые возможности для роста их социальной престижности), политическую (укреплялась социальная база доминирующей социально-политической системы).

В роли адаптатора и покровителя субъектности, выходившей за рамки традиции (часто под давлением советского государства), выступала коммунистическая идеология и её носитель — КПСС, определявшие не только идейную сторону многомерного процесса, но практическое применение и организационные формы действий, направленных на достижение выбранной цели.

В результате структурного кризиса 90-х годов XX столетия Северный Кавказ в значительной степени растерял накопленный за советский период модернизационный потенциал, и, перейдя на иные сущностные основы, снова оказался в состоянии политической и социокультурной нестабильности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М., 2010. — С. 10.
2. Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология. — М., 2005. — С. 426.
3. Гавров С.Н. Указ. соч. — С. 57.
4. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. — М., 2011.
5. Тёрнер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории. — М., 2009.
6. Крепости Азово-Моздокской линии. — Пятигорск, 2003.
7. Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. — М., 2000. — С. 168.
8. Барнаш А.В., Лазарян С.С. Очерк культурного развития Северо-Кавказского края: начало XIX – начало XX в. — Пятигорск, 2006. — С. 9.
9. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. — Ростов н/Д, 2003. — С. 40; Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). — М., 2006. — С. 33–36.
10. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе, 1980; Цориева И.Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII – XIX в. — Владикавказ, 2010 и др.
11. Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под ред. и с предисловием В.Б. Виноградова. — Пятигорск, 2010. — С. 186–187.
12. Там же. — С. 48–49, 56, 60 и др.
13. Барретт Т.М. Указ. соч. — С. 180–181.
14. Айларова С.А., Кобахидзе Е.И. «Будущие дети России...»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). — Владикавказ, 2011. — С. 256–284.
15. Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. — Армавир, 1999; Вопросы северокавказской истории. — Вып. 7. «Российскость» в истории Северного Кавказа / Под ред. В.Б. Виноградова. — Армавир, 2002; Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009–2010 гг. (семинары №14 и 15). — Армавир; Ставрополь, 2010 и др.
16. Денисова Г.С., Уланов В.П. Указ соч. — С. 69.
17. Там же. — С. 71.
18. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л.: Наука, 1978. — С. 5–11.

С.И. Муртузалиев (г. Москва)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБЪЕКТАХ СКФО

Перестройка и гласность в конце 1980-х г. открыли дорогу «буму этничности» и ренессансу религии, идеям этнической ущемленности. На Северном Кавказе (СК) этничность и ислам превратились во влиятельные политические категории. Москва при Б. Ельцине изначально подходила к проблемам СК исходя из того, что тенденция к расколу может вызвать эффект домино и привести Россию к той же участи, которая постигла Советский Союз. При В. Путине подход к региональным вызовам стал основываться на сочетании решения проблем безопасности и большего внимания к программам развития.

Центральная государственная власть все активнее стремится сделать этнополитические и этноконфессиональные процессы на СК управляемыми и конструктивными. Важным шагом в этом направлении призвана стать недавно принятая новая Концепция национальной политики РФ, являющаяся стратегической программой деятельности государства, но многие ее аспекты остались декларативными. Видимо не случайно на девятой большой пресс-конференции В. Путина не упоминался ни один из субъектов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) и не поднимался вопрос о межнациональных отношениях [1]. Хотя в своем Послании 2013 г. президент указал на такую серьезную проблему нашего общества как современные межнациональные отношения и конфликты.

С самого начала перестройки Москва отказалась от того, чтобы сделать этничность и язык краеугольными камнями новой идеологии РФ, понимая опасность разыгрывания этнической карты в государстве с многочисленными национальными меньшинствами. Властные структуры новой России считали нежелательным и невозможным подавлять требования, основанные на этнической или

религиозной принадлежности. Политическая элита новой России в последние десятилетия пытается парадоксальным образом, решить проблему национальной политики, действуя в двух совершенно разновекторных направлениях — повернуть бурно расцветшую этноконфессиональную идентичность народов страны в светскую сторону, но при этом в качестве одного из мощнейших «рычагов» уповает на помощь Русской Православной Церкви (РПЦ). Представляется, что подобный подход к решению вышеуказанной проблемы в исламизированных субъектах СКФО с помощью православного инструментария утопичен по многим причинам. В условиях латентной угрозы возрождения кавказского варианта исламского халифата — «Имарат Кавказ» и т. п., православной идеологии, как государственной, места, разумеется, не будет.

Влияние конфессионального фактора на государственные дела в истории Российского государства, при одновременном влиянии государственных деятелей на чисто религиозную сферу, можно считать традиционным. «В России государство всегда играло решающую роль даже в собственно религиозных вопросах. Князь Владимир ввел христианство, Ярослав пропагандировал, Иоанн Грозный и Петр Великий реформировали, Ленин и Сталин ввели свою религию» — большевистско-коммунистическую Красную идею, которая с одной стороны, унаследовала мессианский характер Русской идеи, а с другой — категорически отвергла ее религиозное содержание. Она была реформирована Хрущевым и Горбачевым. После распада СССР была поставлена задача обретения новой Русской идеи [2;3].

Государственная система управления на Северном Кавказе сегодня разрушена, а федеральный центр не может выбрать модель для развития республик СКФО. С одной стороны, Кремль понимает, что клановость в сочетании с религиозной самоидентификацией (конфессиональное самосознание значительной части населения региона все чаще выступает в качестве этнонима «мусульманин») — один из основных тормозов развития края, с другой, — без опоры на сложившиеся местные светские и духовные элиты ситуацию в регионе вряд ли удастся удержать под контролем. С. Дохо-

лян обращает внимание на то, что «Сегодня перед любым руководителем на Северном Кавказе должна ставиться задача вернуть регион в правовое поле Российской Федерации. Сегодня «законы гор», понятия превыше какого-либо права» и предлагает «эту систему ... ломать» [4].

Думается, при решении данного вопроса подход должен быть более взвешенным. Кавалерийские наскоки еще никогда кардинально не меняли менталитет горцев. К этому можно добавить, что смысл исламского отношения к законам светского государства заключается в том, что мусульманин может следовать законам государства, но не может допускать мысли, что они выше шариатских («судить может только Аллах»). Следует учитывать, что векторы этнополитических и этноконфессиональных процессов в РФ имеют различную направленность по отношению к государству и обществу. Нестабильность на СК носит циклический характер и относительно спокойные периоды сменяются новыми всплесками насилия, не позволяя федеральному центру расслабиться.

В октябре 2010 г. была принята «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». В Стратегии предусмотрен широкий комплекс мер, направленных на укрепление всероссийской гражданской идентичности и на борьбу с этнополитическим и религиозным экстремизмом. С целью решения этих проблем Управлением А. Хлопонина была создана институциональная инфраструктура, в том числе Общественный Совет, Совет Старейшин и Совет Алимов. Основной упор в стратегии сделан на дальнейшее социально-экономическое развития региона в расчете на то, что повышение уровня жизни принесет мир Северному Кавказу.

Дотационный статус республик СКФО носит хронический характер, что порождает в умах жителей районов центральной России опасную идею, являющуюся зеркальным отражением кавказского этносепаратизма — идею об экономической целесообразности вывода «иждивенцев» из состава РФ. А у кавказских этнических элит, напротив, возникает иждивенческое отношение к федеральному центру, который готов откупаться от социально и экономически неблагополучного региона крупными субсидиями из федерального бюджета [5].

В. Путин пообещал развивать экономику республик СК, создать новые рабочие места и предоставить больше налоговых льгот во время визита в Чечню в декабре 2011 г., когда он объяснял, почему неверен популистский лозунг «Хватит кормить Кавказ», все чаще используемый в российских политических дебатах и СМИ. Президент четко показал, к чему могут привести подобные дикие предложения об отделении СК от России: «Хочу обратить внимание тех, кто так говорит, на то, что если это произойдёт, тут же — вот тут же, в эту же секунду, не то что в час, в секунду эту же! — найдутся те, которые захотят то же самое сделать с другими национально-территориальными образованиями Российской Федерации, а это означает конец России» [6].

Выражение русскими, проживающими за пределами СКФО, националистических чувств, особенно заявления В. Жириновского о необходимости контроля за ростом численности населения на Кавказе, обнесения Кавказа колючей проволокой и т. д., вызывают возмущение у жителей СК. Они воспринимаются как своего рода пробные шары, указывающие на возможное изменение федеральной политики в регионе. Вопреки утверждениям некоторых горячих голов, народы Дагестана и СК не мыслят себя вне России. Жириновский в очередной раз отделался всего лишь порицанием, но вместе с тем 30 декабря 2013 г. президент подписал закон о введении наказания в размере до пяти лет заключения за публичные призывы к разделению России.

Этноконфессиональная идентичность становится (если уже не является) одним из главных мобилизирующих факторов. Ислам играет все большую роль, как положительную, так и отрицательную, и развитие этого фактора отражается на состоянии северокавказского общества. Существует устойчивое мнение о том, что чрезмерное подавление религиозных движений может привести к их дальнейшей радикализации и ухудшить ситуацию. Другие считают, что большая степень религиозной свободы была бы благотворной. Немало, однако, и тех (в их числе и я), кто высказывают опасе-

ния на этот счет. Социально-политический ландшафт региона характеризуется сочетанием формальной политической терпимости и социальной нетерпимости. Рост влияния ислама только затеняет эту дилемму, так как создает проблемы безопасности, требующие неотложного решения.

Линия разлома между обществом и институтами власти обусловлена убежденностью людей в том, что сами власти нарушают закон. В силу того, что государственным судам не всегда доверяют, мечети и муллы в некоторых случаях начинают играют роль гражданского суда и могут обеспечить арбитраж. Исламские лидеры начинают все больше вмешиваться в общественную жизнь: запрет на употребление и продажу алкоголя, азартные игры (что само по себе неплохо), нерелигиозные праздники и церемонии (напр., празднование Нового года) в Чечне, Ингушетии и Дагестане становятся практически недопустимыми из-за общественного давления. Рост авторитета духовных лидеров и религиозных организаций в качестве альтернативы коррумпированным и склонным к произволу государственным институтам происходит во всех исламизированных субъектах СКФО. Участились случаи, когда общественные проблемы, в том числе земельные споры (одна из основных причин межнациональных конфликтов), решаются на основе шариата при участии местных религиозных авторитетов, подменяя, таким образом, государственные структуры и законы.

Вслед за инициативами РПЦ мусульманские деятели республик ставят вопрос о необходимости введения уроков ислама в школах, справедливо указывая на то, что в принципе не они начали кампанию по продвижению преподавания религии в государственных учреждениях. Светские органы местной власти (в большинстве своем мусульмане или декларирующие себя таковыми) способствуют реализации этих требований, несмотря на то, что прекрасно осведомлены о низком уровне подготовленности духовенства, которое зачастую проповедует радикальные или близкие к ним идеи ислама. Таким образом, мусульманская умма оказывает серьезное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь [7]. А Северный Кавказ, особенно Дагестан, Ингушетия и

Чечня, постепенно приобретает в цивилизационно-культурном отношении все более сущностные восточные черты, восстанавливает восточную, исламизированную ментальность. Тем не менее, отношения между двумя ведущими конфессиями: православием и традиционным исламом пока еще сохраняют миролюбивый характер [8]. Реалии сегодняшнего дня показывают, что в кавказском регионе, представители РПЦ более склонны к диалогу с представителями традиционного ислама, чем с католическими и протестантскими проповедниками. Приоритет этот объясняется тем, что так называемый «старый ислам» (суфийский и догматичный), совместно с православием отстаивает свои позиции против салафитов и протестантских объединений [9].

Религия помогает населению адаптироваться к изменившимся условиям, а власть использует её в качестве инструмента для управления общественными процессами. Официальной религиозной структуре власти республик СКФО оказывают поддержку и развивают институциональную и материальную инфраструктуру для этой цели: повсеместное строительство мечетей, приобретение и демонстрация исламских реликвий и т.д. [10]. В Северной Осетии получила развитие новая тенденция — межконфессиональный раскол, но нет такой четкой границы между традиционными и «новыми» мусульманами, как, например, в Дагестане, исламское поле которого не ограничивается наличием двух толков суннитского ислама — шафиитского и ханафитского, шиизма и суфизма. Оно гораздо более мозаично, здесь представлены различные, в том числе радикальные группы салафитского толка (так называемые «лесные», «ваххабиты», умеренная группа «Ахлю сунна»), разные школы и традиции суфизма, а также маргинальные и немногочисленные группы сторонников Хизб ут-Тахрир, Фетхуллаха Гюлена и своеобразная секта «крачковцев». Все это непосредственно влияет на состояние дел в республике.

Формирование местных республиканских кадров для госуправления остается одним из слабых мест региональной политики Москвы, что продолжает негативно влиять на ее кадровую политику в регионе. Федеральным властям приходится играть роль арби-

тра в межгрупповых противоречиях, прибегать к «ручному управлению», оставляя большую часть внутренней политики в руках лидеров республик. Таким образом, здесь нет реальных стимулов к увеличению политического участия широких масс населения, так как светские и духовные элиты довольно успешно манипулируют ими ради достижения собственных целей. В таких условиях Москве трудно проводить последовательную политику, основанную на единых и понятных принципах.

С точки зрения федеральных властей, существуют четыре основные проблемы — это обеспечение безопасности, необходимость реагировать на рост влияния ислама, проблема социально-экономического развития региона и поиск способов управления полиэтничной федерацией. Местные власти пытаются решить некоторые из этих проблем своими силами. Дагестан стал первым, законодательно запретившим деятельность религиозно-политических экстремистов, приняв Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Закон вызвал ряд справедливых нареканий, однако в тот период он сыграл положительную роль. Для урегулирования ситуации была принята республиканская целевая программа «Развитие межнациональных отношений в Республике Дагестан». 15 декабря 2010 г. прошел Третий Съезд Народов РД. Подобные попытки общественного диалога с религиозными оппонентами предпринимались и в 1998–1999 гг., но были оставлены после того, как несколько их главных участников из числа представителей традиционного ислама было уничтожено или запугано. Президент Дагестана инициировал межконфессиональный диалог между различными мусульманскими общинами и диалог между государством и салафитами. Была создана Согласительная комиссия с целью предоставить желающим возможность выйти из подполья, оставить вооруженную борьбу и вернуться к мирной жизни.

В Ингушетии — такая же ситуация, однако эксперты сомневаются в том, что бывшие члены вооруженных группировок (за исключением отдельных акторов) действительно откликнуться на эту инициативу.

В 2011 г. была принята Республиканская целевая программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике» (на 2011–2015 гг.). Можно отметить, что руководство республики принимает меры по снятию социальной напряженности. В частности была принята Республиканская целевая программа «О взаимодействии с религиозными организациями в КБР и их государственной поддержке на 2007–2010 гг.». Из-за недостаточного финансирования Программы практически не была реализована. Заместитель министра по делам молодежи и работе с общественными объединениями КБР Д. Гергоков подчеркнул, что в республике не создана инфраструктура для реализации государственной религиозной политики. Отсутствие в штате муниципальных районов и городских округов специалистов по связям с религиозными организациями не позволяет на системной основе проводить эту работу [11].

Характеризующаяся изоляцией, низким уровнем урбанизации и практически полной моноэтничностью, республика Ингушетия все более переходит к исламскому образу жизни, при этом светски мыслящее население не осмеливается протестовать. Республика все больше отдаляется от российского культурного и общественного пространства. Неясно, возникает ли внутри Федерации исламское квазигосударство, и куда может привести этот процесс. Основной разлом пролегает между традиционными и новыми мусульманами («ушедшими в лес» и поглядывающими в сторону леса) [12]. Усиливающийся религиозный фактор порождает различные социальные ограничения и ужесточение психологического давления на личность. В Ингушетии, к примеру, невозможно быть ингушом и не быть при этом мусульманином, или же оставаться безразличным к вопросам религии, по крайней мере, на публике.

В Карачаево-Черкесской республике (КЧР) усилилось влияние на политику и экономику неформальных групп, как криминальных, так и традиционных, родовых и земляческих кланов. Возрастает роль общественного самоуправления, нередко вступающего в конфликт с государственной властью. Утверждаются и распространяются новые, не правовые нормы: традиционные, религиозные

или выработанные преступным сообществом. Поскольку в СКФО религия регулирует социальные отношения, социальный протест часто принимает форму конфессиональной идеологии. Первопричиной является не ислам как таковой, но ситуация, когда религия становится единственной формой интерпретации внешнего мира. Из-за низкого уровня просветительской работы мусульманских священнослужителей некоторая часть молодежи считает, что уйти в лес «престижно».

Меры реагирования со стороны государства по преимуществу заключаются в выделении субсидий из федерального бюджета и в действиях силовых структур против радикальных исламистов. Чечня имеет собственные полицию и силы безопасности, подчиняющиеся Главе Республики, в других же республиках силовые структуры являются отделениями федеральных ведомств, таких, как Министерство внутренних дел (МВД) и Федеральная служба безопасности (ФСБ). За порядок в каждой республике отвечают около 40 федеральных структур, их работников назначают из Москвы. Ответы на вызов радикального ислама лежат не только в сферах безопасности и религии, но и в предоставлении доступных политических альтернатив, понимании социальной психологии и в выработке привлекательных способов выражения и доступного для общества языка. Вместе эти компоненты образуют стратегию идеологической работы, которая в настоящее время отсутствует.

Очередная попытка реагирования со стороны государства была предпринята в конце 2012 г. Рамазан Абдулатипов, будучи тогда еще зампредом комитета по федеративному устройству, предложил ввести ответственность глав регионов за межнациональные конфликты на вверенных им территориях. А уже 22 октября 2013 г. данный законопроект был подписан В. Путиным. Теперь местные власти под угрозой увольнения обязаны предотвращать конфликты по признакам национальной, языковой и религиозной принадлежности. Допущение властями межнациональных конфликтов по этому закону дополнило перечень оснований для решения об отставке чиновников [13]. Переложив ответственность на плечи местных властей, а они — на глав муниципальных образований — вышестоящие структуры не учли тот факт, что у последних нет реальных рычагов силовых и ряда иных методов воздействия для урегулирования ситуации.

Особенностью ситуации на Северном Кавказе является контраст между кажущейся стабильностью, с социально-политической точки зрения, на поверхности жизни, и жесткой подковерной борьбой между различными акторами, соперничающими друг с другом за власть, экономические преимущества и другие рычаги влияния. Ситуация в регионе по-прежнему в целом воспринимается как напряженная, и в этом отношении мало что изменилось. Северокавказский регион является своеобразным полигоном, где испытывается на прочность российский федерализм, национально-государственное строительство и национальная политика. И очень многое зависит от решения насущных проблем населения региона с обязательным учетом всего комплекса факторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нет такого региона, нет такой проблемы Антон Крылов kavpolit.com (дата обращения: 20.12.2013).
2. Полосин В. Разработка концепции государственно-церковных отношений в России // Кентавр. — 1995. — №2. — С. 23.
3. Кольев А.Н. Нация и государство. Опыт реконструкции. — М., 2005. — С. 272.
4. Край круговой поруки — Общество — Свободная Пресса — svpressa.ru 10 декабря 2013 года Андрей Иванов (дата обращения:10.12.2013).
5. http: // mn.ru/politics/20110404/300841916.html
6. Цит. по: Латухина К. Кавказский маршрут // Российская газета. — №287. — 21.12.2011.
7. Муртузалиев С.И., Шрестха К.П. От кавказских вершин до гималайских высей (социоэкономические и этнокультурные перемены в Дагестане и Непале на рубеже XX–XXI столетий). — Москва; Катманду, 2012. — С. 70–76.
8. Коков В.М. Ислам: гуманистические традиции // Научная мысль Кавказа. — 2000. — №1. — С. 40.
9. Маркедонов С. Терроризм в руках «международных стандартов» 12.07.2006. http: // www.apn.ru/ publications/article1471.htm
10. Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской науч. конф. Москва, 19–20 апреля 2005 года. — М., 2006. — С. 94–100.
11. Религия может оказать помощь в нравственном воспитании // Кабардино-Балкарская правда. — 2011. — №180 (23221). — 24.05.
12. Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития. — М., 2012. — С. 117.
13. Учебный курс Абдулатипова Кавказская Политика kavpolit.com Магомед Эдильсултанов (дата обращения:24.11.2013).

С. Л. Дударев (г. Армавир)

СИТУАЦИЯ ВОКРУГ СИРИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ОБСТАНОВКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Благодаря мирной инициативе Президента РФ В. В. Путина, предложившего ликвидировать запасы химического оружия, накопленные правительством Башшара аль-Асада, и, тем самым, устранить почву для претензий к нему США и их союзников по НАТО, сегодня наблюдается временная стабилизация обстановки вокруг Сирии [1]. Представители ОЗХО заявили СМИ, что все задекларированное оборудование для производства боевых отравляющих веществ в Сирии уничтожено. Во всяком случае, уже на 1 ноября 2013 г. представители указанной организации побывали на 21 из 23 сирийских объектов, где содержались производства боевых отравляющих веществ. Остальные, оказалось, невозможно посетить из-за нахождения двух объектов в зоне боевых действий, и боевики совершенно не обнаружили никакого стремления помогать в интересующем весь мир вопросе [2]. Вывоз и утилизация сирийского химического оружия ныне идут успешно, но несколько отстают от графика. Сроки химического разоружения истекают в середине 2014 г. Впрочем, хорошо известно, что вопрос о химическом оружии был только поводом для вероятного вторжения в Сирию. Химическая атака 21.08.2013 в Восточной Гуте была инсценировкой боевиков, о чем говорилось и в известном интервью В.В. Путина. При этом Запад цинично игнорирует использование боевиками в октябре 2013 г. химического оружия на севере Сирии против курдов. Весьма вероятно, что главное в сирийском вопросе совершенно в другом — стремлении Саудовской Аравии и Катара устранить режим Асада, мешающий проложить газопровод от месторождения «Северное» (Южный Парс), через территорию Сирии к Средиземному морю, для вывоза его в страны Запада с помощью мощного катарского флота газовозов (54 судна). Конечная цель операции,

по мнению некоторых отечественных аналитиков, обрушить цены на газ, выдавить стремительно рвущийся на Восток «Газпром», а вместе с этим вызвать в России системный кризис, подобный тому, который немало способствовал в 1991 г. падению СССР, но только через обрушение цен на нефть. К тому же, лакомым куском является и открытое собственное сирийское газовое месторождение [3]. Поэтому ни тот, ни другой фигурант не успокоятся в осуществлении своих намерений. К тому же, в руководстве Саудовской Аравии растет недовольство нерешительной политикой США в отношении Сирии. Впрочем, недовольных на Ближнем Востоке хватает не только в арабском мире. Израиль очень неудовлетворен наметившимся потеплением между США и Ираном, в котором продолжает видеть главного врага и остается сторонником удара по этой стране. И здесь следует вернуться к вопросу о химическом оружии в Сирии. Дипломатическая победа России на поверку оказывается имеющей одну неприятную сторону, которая как раз очень симпатична Израилю. С ликвидацией сирийского химического оружия в Восточном Средиземноморье (и в более широком ареале) нарушается баланс сил. Ведь химическое оружие Асада было реальным противовесом израильскому атомному. Сирия ранее заявляла, что в случае израильского ядерного удара, зальет Израиль средствами химического уничтожения. Теперь этого, к удовлетворению израильтян, не произойдет. Конечно, вряд ли они применят атомную бомбу против арабского государства. Но перевес (и огромный) теперь на их стороне. По некоторым экспертным оценкам, Израиль сейчас располагает 800 единицами атомного оружия.

Развитие ситуации вокруг Сирии показывает, что сирийский вопрос — проходной для Соединенных Штатов. Переговоры шестерки мировых лидеров с Ираном вокруг иранской ядерной программы в Женеве, в центре внимания которых был строящийся иранский ядерный реактор по производству плутония, имели, на наш взгляд, определенную подкладку. Несмотря на то, что они вызывали и вызывают яростное негодование Израиля, и поддерживающей его Франции, со стороны правящих кругов США, в которых нет единого мнения по поводу отмены санкций против Ирана,

ощущается определенная заинтересованность в развитии позитивных отношений с режимом Х. Роухани. В чем их возможная причина, которая нигде не афишируется? Председатель Русского экономического общества, профессор В.Ю. Катасонов полагает, что в политике США главную роль сегодня играет не нефтяной фактор (и, стало быть, не газовый, о чем писалось выше). Перейдя к политике отказа от золотого обеспечения доллара (согласно прежней Бреттон-Вудской системе), США перешли на нефтедоллары. Заключая соглашения со своими союзниками — производителями нефти, как например, ранее с Саудовской Аравией, они предлагают им вести расчеты по нефти в долларах, в обмен на что предлагают союзникам свое покровительство, военную помощь, оружие и т.п. Это делается в противовес усилиям Индии, и особенно, Китая, которые ведут поиски мировой резервной валюты, в качестве которой Китаю видится юань. Не эта ли цель представляется Штатам конечной в переговорах с Ираном? Конечно, до нее еще очень далеко. И подтверждением этого является продление 13.11.13 Б. Обамой режима чрезвычайной ситуации в отношениях с Ираном еще на год, произошедшее под явным давлением мощного произраильского лобби. И все же, возможный в перспективе рост позитива в иранском вопросе для США имеет место и проистекает из того, что параллельно идет ухудшение отношений Штатов с саудитами (которые, по сообщениям некоторых СМИ, «заказали» себе ядерную бомбу в Пакистане: может быть, это и блеф, но показательный). США нужен новый серьезный партнер на Ближнем и Среднем Востоке, особенно в преддверии вывода американских войск из Афганистана. И таковым, по-видимому, для администрации Обамы должен стать Иран (заметим, не Пакистан — союзник США). У Штатов нет постоянных друзей, а выбор их определяют интересы ФРС, которая является «государством в государстве» в США, и в борьбе с которой, по некоторым версиям, в 1963 г. сложил голову президент Джон Кеннеди. США в начале января 2014 г. даже как будто были не против участия Ирана в конференции «Женева-2», при условии принятия Тегераном положений соглашения «Женева-1» [4] (впрочем, затем все резко изменилось).

Вот почему, несмотря на уступку Б. Обамы многочисленным и чрезвычайно влиятельным лоббистам Израиля в Конгрессе, особенно правым республиканцам (указанное лобби вообще оказывает колоссальное влияние на политическую жизнь в США) [5], президент США настойчиво призывает конгрессменов не ужесточать режим санкций против Ирана [6], что начинает пугать даже членов его администрации. Некоторые эксперты (например, президент Института Ближнего Востока РАН Е. Сатановский) называют Б. Обаму наиболее высокопоставленным лоббистом политического исламского мира в современном мире. Звучит парадоксально. Но это заявление, как и шаги Обамы по смягчению ситуации вокруг Сирии и Ирана нужно рассматривать и в контексте той борьбы, которая идет внутри американской элиты. Дипломатия Соединенных Штатов празднует сейчас победу в связи с тем, что ей, вместе с Россией, Великобританией, Китаем, Францией, Евросоюзом, несмотря на яростные протесты Израиля [7] и сопротивление его сторонников в США, а также критику монархий Залива, в обмен на частичное снятие санкций с Ирана (что дает этой стране до 4 млрд евро в год) и разморозку определенных иранских денежных сумм за рубежом, удалось заключить в Женеве соглашение с Ираном о строгом ограничении его ядерной программы на полгода и переводе ее на исключительно мирные рельсы. Правда, высказывания, сопровождающие соглашение, противоречивы. Министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф настаивает, что в документе прописана возможность Ираном обогащения урана, а его коллега из США Джон Керри утверждает обратное [8]. По другим сведениям, Иран в течение полугода не может обогащать уран более чем на 5%, а в течение следующего полугодия — не более чем на 20%. Запасы урана, обогащенного на 20% (200 кг), должны быть уничтожены. Количество иранских центрифуг должно предполагается сократить, а строительство реактора у г. Арак должно быть приостановлено на все те же полгода. Израиль, оставшийся в одиночестве, по словам его министра экономики, не намерен соблюдать это соглашение. Тем не менее, в Тель-Авиве перестали постоянно заявлять о том, что намерены нанести удар по Ирану, хотя и

не расстались с этой идеей [9] Любопытно то, что в массовых российских СМИ глубокая подоплека борьба вокруг иранской ядерной программы никак не фигурирует, а говорится лишь об удовлетворении США своей миротворческой миссией, успех которой видится американцам только в своей жесткости и последовательности, и обеспокоенности Израиля. Отмечается, что российская сторона указывает на законную возможность иранской стороной развивать мирный атом и подчеркивает успех мирной дипломатии стран «Шестерки», Ирана и Евросоюза.

Пауза в сирийском вопросе связана не только с успехом российской дипломатии или «большими играми» вокруг иранской ядерной программы. Большую роль в возникшей передышке сыграл широко известный 16-дневный правительственный кризис в США, связанный с отказом Конгресса принять государственный бюджет и поднять потолок колоссального госдолга (government shutdown) [10]. В нем проявились немалые противоречия внутри американской правящей элиты, разные части которой занимают неодинаковые социальные позиции и по-разному смотрят, например, на необходимость финансирования тех или иных государственных программ. Но еще важнее то, что внешнюю политику США следует рассматривать под углом зрения внутренней борьбы Рокфеллеров и Ротшильдов. Израиль начинает мешать планам тех, кто стоит за Обамой. Не так давно Г. Киссинджер опубликовал статью с симптоматичным названием «Через десять лет Израиля не будет». Причем такие прогнозы уже не новость и исходят далеко не от Ирана, палестинцев и др. Еще в 1967 г. А. Тойнби заявил, что Израиль просуществует 60–70 лет и нужда в нем отпадет [11].

Б. Обама, несмотря на всю свою недавнюю воинственную риторику в сирийском вопросе, на самом деле, отнюдь не жаждет войны (американский флот отведен от сирийских берегов). Ведь в случае затруднений и проблем, которые могут возникнуть при проведении операции (она не будет наземной, а войны, даже «небольшие», одними бомбово-ракетными ударами не выигрываются) американскими неудачами могут воспользоваться и европейские союзники. У них, кстати, появилось, о чем много пишется се-

годня, немало претензий к США в связи со скандалом, вызванным разоблачениями Э. Сноудена. Россия и США вместе готовили долгожданную «Женеву–2», но на этом пути возникали все новые препятствия, так как сирийская оппозиция долгое время не была готова принять участие в переговорном процессе. Впрочем, в Сирии стала складывается ситуация, когда мнения оппозиционеров могли уже и не спросить. Героическая Сирийская Арабская армия (САР) одержала в последнее время немало серьезных побед над боевиками и существенно потеснила их. Благодаря успешно проведенной операции, боевики оказались полностью блокированы в пригороде Дамаска, Восточной Гуте. Литр бензина тут стоил в середине ноября 2013 г. 20 долларов, килограмм хлеба — $ 15. Члены бандформирований десятками, а то и сотнями сдаются в плен. Попав в трудное положение, противники Асада, наконец, дали свое согласие на проведение «Женевы–2». Впрочем, оппозиция не перестает выдвигать все новые условия. С.В. Лавров указывает, что она увязывает свое участие с достижением прорыва в гуманитарной области, но, как мы увидим ниже, это требование практически недостижимо сегодня, и сам же российский министр иностранных дел в другом интервью, фактически, говорит о том же. И все же «Женева–2» состоится 22 января 2014 г. (в Монтрё). Сирия будет представлена 9 представителями официальных властей и 9 оппозиционерами. За несколько недель до «Женевы–2» Запад давал понять оппозиционерам, что Асад может остаться на своем посту [12]. Возможно, это была тактическая попытка повлиять на сирийских оппонентов этого президента. Причина в том, что боевики действуют все более жестоко и бесчеловечно.

В Сирии ни на день не прекращается война между правительственными войсками и боевиками. Впечатление такое, что, несмотря на продвижение сторон к переговорам, борьба, унесшая жизни десятков тысяч человек, все же закончится еще не завтра. Боевики обладают разветвленной сетью своих сторонников в Сирии, которая пополняется все новыми кадрами взамен уничтоженных САР. Они прекрасно вооружены, умеют мастерски вести войну в городских условиях. Здесь ими глубоко под землей выка-

пываются отлично оборудованные многометровые тоннели, напичканные схронами с оружием, электроникой, медикаментами и т. п., по которым в отдельных случаях может перемещаться даже военная техника (БМП) [13]. Разветвленные подземные коммуникации, выполненные и оснащенные опытными инженерами, соединяют занятые боевиками здания и целые микрорайоны в единую систему, позволяющую скрытно перебрасывать силы и отсиживаться в случае опасности (впрочем, сирийская армия нашла эффективный способ борьбы с этим «андеграундом», заливая тоннели боевиков водой). Наверху у представителей оппозиции есть «глаза и уши». Это не только ее сторонники, но и размещенные на театре военных действий WEB-камеры. Данный прием позволяет отслеживать и корректировать ситуацию на поверхности земли в режиме On-line. Вокруг Дамаска есть еще пригороды, где боевики по-прежнему не вытеснены и проявляют большую активность, ведя постоянные обстрелы центра города. Дело доходит до того, что в самой столице с огромным трудом подвозят гуманитарную помощь в лагеря палестинских беженцев (например, Аль Ярмук) блокированные бандитами [14]. И в Дамаске, и в других городах регулярно происходят кровавые теракты, в которых все время гибнет мирное население, в том числе женщины и дети. Бандиты взрывают автомобили, начиненные взрывчаткой, в жилых кварталах, расстреливают из минометов школы и школьные автобусы, по поводу чего выразил свое сожаление римский понтифик. Причем жертвами чаще оказываются представители христианского (в т.ч., армянского) населения, которые бегут из страны [15]. Регулярно разрушаются христианские святыни, примером чего могут служить храмы в Маалюле, и захват в заложники священнослужителей и монахов (монахинь) (например, в монастыре св. Феклы в той же Маалюле). Не щадят банды и мусульманских священных мест, например суфийских гробниц, и т. п., которые подвергаются ими разгрому (провинция Алеппо, город Эль-Баб), на основании того, что они, якобы, не соответствуют принципам ислама [16], а также знаменитых мечетей, периодически, например, ведя огонь по мечети Умайядов.

Снайперы боевиков, вооруженные стрелковым оружием, гранатометами и т. д., действуют настолько умело и удачно, что сирийская армия не может с ними бороться иначе, как выбивая, выдавливая их, причем в длительных, многодневных, изнурительных боях, из занимаемых объектов, с помощью танков. Разумеется, это ведет к тотальному разрушению фонда зданий (ситуация, очень знакомая по Грозному). Очевидно, что такая тактика, хотя и приносит плоды, но не является оптимальной. Эффективность борьбы с боевиками все же относительна. Мы следим за ситуацией в Сирии практически ежедневно и видим то, что в сводках официального сирийского спутникового телеканала «Сирия сегодня» на протяжении уже многих месяцев часто озвучиваются названия одних и тех же населенных пунктов, из которых правительственные войска вытесняли боевиков уже не раз. Но те нередко оказываются в тех же самых местах снова и снова. Боевикам, которые, в принципе, имеют мало тяжелого вооружения, трудно одержать решительную победу над регулярной армией, но измотать ее, а главное, спровоцировать (и организовать) разрушение многих районов страны вполне по силам. Сирия находится в тяжелом положении. 120 тыс. человек погибли. Многие города и деревни в руинах. Примерно 6 млн. человек стали беженцами, а 2 млн. беженцев покинули страну [17]. Здесь, как заявил С.В. Лавров, имеет место гуманитарная катастрофа, и Россия оказывает помощь Сирии, а также Ливану и Иордании, т. е. тем странам, где находятся сегодня сирийские беженцы [18]. Примечательно в данном контексте то, что с конца 2011 г. сирийские черкесы, которые стали заложниками внутреннего противоборства в Сирии, неоднократно обращались с просьбой к российскому руководству о репатриации [19]. Ныне в Сирии идет историческая борьба между теми мусульманами, которые хотят жить со всеми в мире (и таких на планете подавляющее большинство), и теми, кто, выдавая себя за таковых, несут угрозу современной цивилизации. Конфликт притягивает к себе все больше сторонников радикализма. Среди них по разным данным от 1100 до 1700 человек из Западной Европы (в основном, это выходцы из тамошних мусульманских общин, но 10 процентов составляют собственно европейцы, и число их

растет: один из них, француз по происхождению, «на камеру» призвал президента Франции Ф. Олланда принять ислам), 200–300 (по оценкам руководства ФСБ РФ) представителей России, прежде всего, Северного Кавказа, в частности, Чечни, и Поволжья, 4 000 чел из стран СНГ (в том числе 400 крымских татар), многие тысячи боевиков из Саудовской Аравии, Катара, Туниса, Египта, Ирака, Иордании и др. (всего из 83 стран мира). Представители «Джебхат-ан-Нусры» (Фронт помощи народу), «Исламского государства в Ираке и Леванте», «Лива аль-Ислам» (Знамя ислама) [20], ССА и др. (всего их более 11), вооруженные идеями такфира (т. е. обвинения мусульман в неверии — куфре) [21], творят чудовищные зверства, прикрываясь лозунгами борьбы за «истинный ислам» [22]. Особенно фундаменталисты свирепствуют в курдских деревнях на севере Сирии, где они планируют создать свое государство. Новые акты патологической жестокости были продемонстрированы в декабре 2013 г. в г. Адра, где людям перерезали горло, обезглавливали и т. п., не щадя ни женщин, ни детей. Но их идеология и действия не имеют ничего общего с традиционным исламом, являясь отклонением от него, своеобразной современной «ересью» очень агрессивного и крайне опасного толка. По отношению к ваххабитам-такфиристам мы считаем возможным употребить условный термин «девиантный ислам». Нигде в Коране, в котором немало сур и аййатов посвящено борьбе с неверными, которая исторически велась в момент утверждения ислама в Аравии, тем не менее, не говорится о том, что нужно убивать детей (тем более, под чтение Басмаллы) [23] или резать головы священникам [24], есть плоть убитых противников (!) и т. п. Но именно все это творит сирийская «оппозиция» и такие преступления не находят никакого осуждения на «цивилизованном» Западе, где недавнего времени только и твердили о «кровавых деяниях» Б. Асада. Борцы за псевдоислам (а по сути — бесчеловечные «отморозки») встали на путь и таких антигуманных деяний, как похищение людей для дальнейшей, (да простит нам читатель!) «разделки» их на органы (экстремисты для этой цели вывозят свои жертвы в Турцию) [25]. По тому же пути, по сути, идут и духовные братья сирийских такфиристов в соседней Иордании [26].

Те территории Сирии, которые находятся под управлением боевиков, все больше впадают в настоящее средневековье. В районах, где боевики захватили власть, они вводят джизью для христиан, совсем как в средние века, когда ее платили «зимми» или «ахл-аз-зимма». К сожалению, идеи, подобные развиваемым сирийскими исламистами, находят отклик у бандподполья на Северном Кавказе и в Поволжье. В этих районах России идет ликвидация наиболее компетентного в вопросах веры официального традиционного мусульманского духовенства (гибель заместителя муфтия Татарстана В. Якупова, и ранение самого муфтия И. Фаизова, убийство Саида Афанди Чиркейского в Дагестане, и т. д.; после убийства первого муфтия в Дагестане в 1998 г. погибло более 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, представлявших традиционный толк в исламе) [27], которое придерживается того позитива, который есть в исламе, и опоры на традиции векового совместного проживания с носителями других конфессий на территории России, а также лояльности российскому государству (в рамках феномена «российского ислама») [28]. Исламисты, как видно по последним предновогодним терактам в Волгограде, стремятся запугать население России [29]. И, к сожалению, не все россияне сочувствуют волгоградской трагедии. На ролике, выложенном в Интернете, продемонстрировано возмутительное зрелище, когда еще после первого теракта в октябре 2013 г. перед футбольным матчем в столице одного из северокавказских субъектов во время минуты молчания по погибшим, зрители оглушительно свистели и кричали. Все это идет на фоне демодернизации северокавказского региона и роста клановой экономики, распространения радикализма, в сферу которого втягиваются и лица славянского происхождения, активно участвующие в терактах [30]. Хуже всего то, что участники сирийского конфликта, интенсивность которого в последнее время не так высока, как раньше, стали уже возвращаться в Россию и СНГ (и в Западную Европу) [31]. Происходит эскалация террористических действий на Северном Кавказе (недавние теракты на Ставрополье). Боевики, побывавшие в Сирии, вместе с членами северокавказского подполья, представляют большую опасность [32].

«Сирийцы» несут с собой изощренные навыки партизанской войны в городах, но что еще страшнее, они могут применить здесь технологии по кустарному изготовлению химоружия, например, зарина. Есть мнение, что по мере приближения Олимпиады–2014 террористическая деятельность будет усиливаться, причем не только на Северном Кавказе, но и в Центре. Еще в феврале 2007 г. так называемый «Джамаат Шариат» распространил пресс-релиз, в котором среди прочего, выдвигались следующие угрозы: «Пусть ка́фиры Русни не надеются на проведение олимпиады в 2014 году. Мы заранее предупреждаем тех неразумных, кто решился ступить на земли войны с ка́фирами. Не стоит рисковать жизнями своих граждан, поверив показухе и бахвальству Кремля. Слова московских преступников пусты, так же как и договор с ними не стоит той бумаги, на которой он написан. Мы сделаем все, чтобы с помощью Аллаха к этому времени с построенных спортивных сооружений Сочи зазвучит азан кавказских моджахедов» [33]. Главное ныне — дать на адекватный ответ на попытки террористов дестабилизировать обстановку в северокавказском регионе [34]. Необходимо четко понимать, что ваххабиты не остановятся в достижении своих планов. Председатель Российского исламского комитета Г. Джемаль, прав говоря в одном из своих интервью осени 2013 г. «Русской службе новостей» (программа «Позиция»), что для них недостаточно установить свои локальные режимы в одном-двух селах как было, скажем, в Дагестане, в 1990-е гг. в Кадарской зоне (сс. Карамахи и Чабанмахи). В ответ на это туда неизбежно придут федералы и перепашут все ракетами. Ведь фундаменталисты, и об этом господин Джемаль уже умалчивает, не будут сидеть там спокойно, становясь анклавами для экстремистов и криминальных элементов вообще. Цель ваххабизма, как и идеи джихада в целом (в ее фундаменталистской трактовке) — это мировое господство [35], а такфиризм — это идейное средство-детонатор для переформатирования исламского пространства, подрыва его, превращения в мощный тотальный силовой фактор мировой политики, который, в планах американо-сионистских стратегов, можно будет обратить против растущего могущества Китая [36].

Россия и Сирия, страны ОДКБ должны еще теснее сотрудничать в деле борьбы с международным терроризмом, не допуская его распространения на просторах СНГ. США же с их иезуитской политикой двойных стандартов и стремлением с помощью «управляемого хаоса» придти к абсолютному доминированию, способствуют росту акций фундаментализма, который является в их руках орудием на пути перекройки Ближнего и Среднего Востока с его громадными энергоресурсами и обретения глобального господства [37].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Впрочем, российская дипломатия отнюдь не удовлетворяется успехом в Сирии. Она идет в наступление. Россия и Египет готовы заключить соглашение на поставку российского оружия (истребители, вертолеты, системы воздушной обороны) в эту африканскую страну на сумму от 2 до 4 млрд. долл. Египет может сделать это в пику США, которые с 1979 г. оказали ему аналогичную помощь на сумму 1,3 млрд. долл., но теперь требуют частичной компенсации, поскольку их не устраивает здешнее положение с правами человека. Эта просьба сильно разозлила египетских генералов. Деньги на сделку Египет намерен попросить у Саудовской Аравии [TWITTER@BelTrew]. Из той информации, которую можно будет в нашей статье прочитать ниже, такая финансовая помощь вполне вероятна.
2. http: // www.youtube/com/subscription_center?add_user=rtrussian
3. Мусин М., Эль Мюрид. Сирия, Ливия, далее везде! Что будет с нами завтра. — М.: Книжный мир, 2013. 240 с.
4. RUSSIAN.RT.COM TWITTER@RT_russian
5. ТВЦ, 17.11.2013.
6. http: // www.youtube/com/subscription_center?add_user=rtrussian
7. Twitter@PaulaSlier_RT.
8. Twitter@Gayane_RT; RUSSIAN.RT.COM TWITTER@rRT_rissian.
9. Twitter@PaulaSlier_RT.
10. Впрочем, над США маячит угроза нового shutdown (ТВЦ, 17.11.2013).
11. Школа аналитики А.И. Фурсова. СНОМосГУ. // http:www.youtube.com/channel
12. YouTube.com/Rtrussian TWITTER@RT_russian. 4.01.2014.
13. el-murid.livejournal.com; То, что можно видеть в репортажах ANNANews из Сирии, порой является истинной фантасмагорией. Например, когда два танка правительственных войск расстреливают развалины, в которых засели террористы, активно «огрызающиеся» из гранатометов (камера, зафиксированная журналистами на башне одного из танков, бесстрастно фиксирует на замедленном просмотре пролетающие мимо нее смертоносные гранаты), а рядом, в 15–20 метрах (максимум) по шоссе проносятся автомашины с отчаянными сирийскими водителями! Жизнь продолжается, не смотря ни на что.
14. www.facebook.com/SyriaSegodnya. 18.01.2014.
15. Интервью Агентства ANNANews с епископом армянской ортодоксальной церкви в Сирии отцом Армашем Талибендаяном от 11.11.2013, размещенное на Youtube 19.11.2013; Это лишь часть общей картины Ближнего Востока, где от действий исламистов страдают представители христианства. Из Ирака, по признанию насто-

ятельницы монастыря святого Иакова Агнес-Мариям Делакруа в Сирии, бежал 1 млн христиан (RT, 23.11.2013).
16. www.facebook.com/SyriaSegodnya. 01.12.13; 02.12.13.
17. www.facebook.com/SyriaSegodnya; YouTube.com/Rtrussian TWITTER@RT_russian. 4.01.2014.
18. http: // www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5C7CEB8F754B28DC44257C2300625CE6
19. http: // magazines.russ.ru Сочи–2014: этнополитическое измерение.
20. Внутри сирийской оппозиции происходят определенные перегруппировки. Лидер «Аль- Каиды» Айман аз-Завахири в ноябре 2013 г. заявил о роспуске организации «Исламское государство в Ираке и Леванте», которое теперь не будет действовать в Сирии, но продолжит (и продолжает) свою деятельность в иракском секторе. Исламисты захватили ныне в Ираке город Фалуджу. Более того, наиболее экстремистское крыло оппозиции уже выдавило из страны лидера Свободной Сирийской Армии, поддержанной Западом.
21. Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. Учебное пособие. — Ростов-н-Д, 2004. Заметим при этом, что намеренное обвинение правоверного мусульманина в такфире осуждается в хадисах. В одном из них указывается, что тот мусульманин, который поступает подобным образом, сам является неверным.
22. Эль Мюрид. Ваххабизм в России. Теория и практика террора. 125 с. // el-murid.livejournal.com. Именно подобные лозунги кладутся в основу разрушения культовых мест ислама и памятников культуры этой конфессии в Сирии и в других районах Дар аль-Ислам (например, в Мали, где в городе Тимбукту исламисты подожгли библиотеку с ценнейшими манускриптами, или в Чечне, где еще в 1990-е гг. ваххабиты пытались разрушить мавзолей святого шейха Кунта–Хаджи), не говоря уже об уничтожении памятников язычников (статуи Будды в Афганистане) или намерении осуществить подобное (требование ихванов, т.е. братьев-мусульман, в Египте уничтожить одно из «чудес света» — египетские пирамиды) (http: // www.directadvert.ru/news/txt/?id=37910&da_id=3603778; http: // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B8%D0%BC%D0%B1%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83).
23. Именно это циничное, беспрецедентное действо произошло в середине августа 2013 г. под Алеппо, когда двое подростков 12–13 лет были расстреляны «на камеру» боевиками, один из которых перед казнью прочитал написанный на бумаге текст, начинавшийся «Басмиллах-и-р-Рахман-и-р-Рахим» («Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного»).
24. Коран говорит о христианских священнослужителях: «...Самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы — христиане!». Это потому, что среди них есть иереи и монахи и что они превозносятся» (К.5:85:82) (Коран/пер. И.Ю. Крачковского. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986).
25. ANNANews.Краткая сводка о ситуации в Сирии за 24.12.13/ YouTube.com.
26. Исламская радикальная организация «Минбар Аль-Туахид Ва-ль-Джихад», действующая в Иордании, опубликовала фетву шейха Абу Хумама Аль-Атари, члена шариатского совета, в которой он недвусмысленно разрешает похищать и насиловать женщин, принадлежащих к иной вере (http: // www.zrd.spb.ru/news/2011-04/news–1765.htm).
27. http: // svpressa.ru/society/article/58246/; Добаев И.П., Анисимова Н.А. Причины и основные направления радикализации ислама в Российской Федерации // Гуманитарий Юга России. — 2013. — №3. — С. 61.
28. Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты). Ростов н/Д: Омега-Принт, 2010. — С. 81–136.

29. Террористическая «деятельность» в Поволжье еще ранее уже ознаменовалась поджогом 7 православных церквей и попыткой обстрела ракетами нефтихимического предприятия в Татарстане (АИФ. 1. 2.2014. — С. 7). Впрочем, в последнее время в сети Интернет появился ряд высказываний, развивающих конспирологические версии вокруг событий в Волгограде (Аналитика. Кризис. Выпуск №41. Взрываемая Россия. Позиция националиста о террористической войне. 16.01.2014 // http: // neuromir.tv).
30. http: // www.bigcaucasus.com/review/people/11-01–2013/82065-djihadrussiangirl-0/; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. Специальный выпуск. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
31. ОРТ. Итоги. 19.01.2014.
32. Аналитика. Кризис. Выпуск №39. «Третья Кавказская война» началась! Линия фронта под нашими окнами» // http: // neuromir.tv; Сущий С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. 218 с.
33. http: // magazines.russ.ru Сочи–2014: этнополитическое измерение.
34. Там же; Рябцев В.Н. Черкесский вопрос, Олимпиада–2014 и политика Грузии на Кавказе (заметки политолога по следам событий). — Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. — С. 250–274.
35. Добаев И.П. Указ. соч. — С. 84.
36. Коранические установки о джихаде (прежде всего, его военной версии — газавате) в изначальном виде традиционалистами ныне не используются по умолчанию, поскольку они излишне воинственны и непримиримы. Но осуждать или корректировать их невозможно, это ведь Коран, откровение, данное от Аллаха. Лучше придерживаться другого понимания, не опровергая напрямую Коран. Так Священное писание ислама, по сути, смягчается традиционалистами, которые приспосабливают учение к обыденной, мирной ситуации, разрешая джихад только в случае прямого покушения неприятелей на границы Дар аль-Ислам. Традиционалисты понимают, насколько опасно толковать Коран буквально в тех или иных острых местах, перенося реалии, при которых он возник (непримиримая борьба Медины с Меккой в VII в.) в наше время, абсолютизируя смысл тех или иных аййатов, например, аййата 4 из суры 47 «Мухаммад»: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (К. 47: 4: 4).
37. При написании работы использованы многочисленные материалы Youtube, размещенные с мая 2013 по январь 2014 г., в том числе, репортажи ANNANews и передачи SyriaSegodnya.

Т. В. Панкова-Козочкина
(г. Новочеркасск)

КРЕСТЬЯНСКИЕ СОЮЗЫ НА ДОНУ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯН-МАЛОРОССОВ ЗА СВОИ ПРАВА ДО НАЧАЛА НЭПА

Естественное недовольство земледельцев социальной и налоговой политикой большевиков, равно как и административной их практикой, сводившей к нулю благие конституционные декларации о народоправстве, подводило крестьян к мысли о желательности создания некоей специальной организации для защиты своих прав. В качестве такой организации мыслились «крестьянские союзы» или «союзы хлеборобов»: именно они должны были стоять на защите интересов и потребностей советских земледельцев, коль скоро большевики не только пренебрегали выполнением этой задачи, но и действовали вопреки ей.

Идеи жителей доколхозной деревни о «крестьянских союзах» возникли отнюдь не на пустом месте, а, образно выражаясь, на давно уже вспаханной и засеянной почве. Собственно, в таких идеях в 1920-х гг. не было особой новизны, поскольку еще за двадцать лет до эпохи нэпа, в начале XX века, сельские жители думали о том же и, более того, воплотили свои замыслы в жизнь. Первые «крестьянские союзы», имевшие целью защиту прав и интересов земледельцев, появились в России накануне и в период революции 1905 — 1907 гг.

Вопреки названию, инициаторами создания «крестьянских союзов», зачастую, выступали не сами земледельцы, а «сельские интеллигенты — земские служащие: учителя, врачи и агрономы» [1]. Весьма скромный образовательный уровень, неумение подняться до осознания общекрестьянских интересов и выйти за пределы нужд собственного села, отсутствие ораторских и организаторских навыков, — все это не позволяло основной массе крестьян

добиться успеха в формировании вышеуказанных союзов. Поэтому, не крестьяне, а сельская интеллигенция играла в этом деле первую скрипку. Хотя, разумеется, в деревне наличествовали и образованные, инициативные и социально активные элементы из числа зажиточных, середняков и даже бедняков, способные увлечь за собой односельчан и сплотить их в рамках соответствующей организации. Да и немало представителей сельской интеллигенции являлись выходцами из крестьянства, хорошо понимавшими особенности образа жизни, мышления и потребностей указанной социальной группы.

Согласно имеющимся данным, первые крестьянские организации, близкие в организационно-идейном плане «союзам хлеборобов», появились в России (Российской империи) еще до 1905 г. Один из видных деятелей «крестсоюзовского» движения начала XX века, уроженец Донецкого округа Области войска Донского С. П. Мазуренко утверждал, что «на Волге такие союзы существовали еще до [Первой русской] революции» [2]. Действительно, как отмечает А.А. Куренышев, в Саратовской губернии самодеятельные крестьянские организации возникли и действовали примерно с 1903 г. и уже на их основе возникли местные отделения Всероссийского Крестьянского союза [3].

Впрочем, если Поволжье и обладало приоритетом в формировании «крестьянских союзов» в начале XX века, о его исключительности никоим образом не приходится говорить, так как «дело объединения крестьянства в союз шло с разных концов России» [4]. В период Первой русской революции «крестьянские союзы», в которых земледельцы видели мощное средство борьбы за землю и окончательное освобождение от помещиков, стали возникать в самых разных регионах Российской империи. Среди лидеров по темпам формирования и численности «крестьянских союзов» (такими лидерами являлись в указанное время Московская губерния, Украина, и т. д.) были и южно-российские регионы со значительным компонентом малороссийского крестьянства. Так, по позднейшим сообщениям, в Ставропольской губернии движением за «крестьянские союзы» в 1905 г. «было охвачено все крестьянство» [5].

Еще более широких масштабов «крестсоюзовское» движение получило в Области войска Донского. Как известно, среди сельского населения области в начале XX века казаки составляли уже менее половины — лишь 44% [6]. Преобладающая часть селян на Дону, представленная коренным и иногородним крестьянством (в котором преобладали малороссы), стремилась получить землю и поддержала идеи о повсеместном создании «крестьянских союзов» как органов, способных добиться проведения земельного передела.

С.П. Мазуренко, стоявший у истоков «крестьянских союзов» Дона, с удовольствием вспоминал в 1920-х гг., каких успехов добились местные крестьяне под его руководством в формировании данных организаций. По его словам, «история прошлых восстаний научила донское крестьянство, что врага можно победить только объединившись. Вот почему они первые объявили боевой призыв к объединению крестьянства в один общероссийский союз» [7].

С этой целью крестьяне Донецкого и Черкасского округов, где «крестсоюзовское» движение в первой половине 1905 г. было особенно сильно, собирали в своих селах сходы, на которых обсуждали создавшуюся ситуацию, требовали земли и провозглашали твердое намерение объединиться в рамках общероссийской крестьянской организации. Эти намерения фиксировались в приговорах, утверждавшихся сходами. Цитируя газету «Русь», Мазуренко указывал: «Семь крестьянских делегатов Донской области представили 25 приговоров с тысячами подписей и с печатями сельских и волостных правлений. Чтобы подписывать эти приговора, крестьяне приходили пешком за 60 верст, переплывали вплавь реки, лежавшие на дороге» [8]. Может быть, заявление либеральных журналистов о форсировании рек решительно настроенными земледельцами и было поэтическим преувеличением, но совершенно невозможно оспорить того, что донские крестьяне вполне серьезно и с большой надеждой отнеслись к призывам своих вожаков и сельских интеллигентов (каким был и Мазуренко) создавать собственные организации.

Конечно, в условиях нарастания революции либеральная российская печать не могла умолчать о крестьянской активности в Области войска Донского. Приговоры донских крестьян (среди которых преобладали малороссы) были опубликованы в прессе и, растиражированные, послужили образцом для жителей других селений Дона. В этих приговорах, как писал Мазуренко, крестьяне, «наряду с требованием революционных свобод», также постановляли: «Обсудив свое бедственное положение, мы пришли к единогласному заключению, что кроме изложенного причинами нашей бедноты, невежества и угнетения является малоземелье и та высокая аренда, которую берут с нас землевладельцы за одно позволение обрабатывать их землю. Необходимо уничтожить частную собственность на землю и передать все частновладельческие и другие земли в распоряжение всего народа. Землею должен пользоваться только тот, кто своей семьею или в товариществе, но без батрацкого труда, будет ее обрабатывать. Для осуществления изложенных нами требований мы, нижеподписавшиеся, вступаем в общероссийский крестьянский союз, представителями в который избираем наших односельчан таких-то» [9].

«Растерявшиеся донские власти», торжествующе продолжал Мазуренко, «всполошились. Непременный член [войскового правления] по крестьянским делам спешно созывает крестьянский сход в одной из наиболее революционных волостей (Криворожской — *авт.*) и требует отменить приговор. Но крестьяне заставили его сознаться, что был такой указ, который давал крестьянам право составлять приговора «об улучшении государственного благоустройства»» [10]. После этого сход постановил: «Настоящий приговор вторично обсуждался в присутствии окружного непременного члена Янова и единогласно нами утвержден, что и удостоверяет Криворожское волостное правление...» [11]. Затем посрамленное начальство покинуло Криворожскую волость, а новый приговор, как и предыдущие, был размножен и в копиях распространен по всей Донской области.

Мазуренко утверждал, что, в целях пресечения дальнейшего распространения крестьянских волнений (которые, как видим, лидеры донских хлеборобов умело облекали в законную форму, апеллируя к императорскому указу от 18 февраля 1905 г.), войсковое

правление озаботилось присылкой в Криворожскую волость казачьей сотни. Однако никаких сообщений о действиях этой сотни против крестьян источники не содержат, вследствие чего можно заключить, что присланное подразделение лишь наблюдало за сохранением порядка на указанной территории.

Вслед за казаками к неуступчивым криворожским крестьянам прибыл сам окружной атаман со свитой. «Слухи об этом новом наезде властей на слободу Криворожье быстро разнеслись по всему округу», вспоминал Мазуренко. В ответ, «сотни выборных от многих волостей явились в назначенный день, без ведома атамана, на Криворожский волостной сход. Вскоре перед сходом появились мундиры чиновников. Начальство заговорило о местных нуждах, о разных пособиях, о переселении в Сибирь, только бы сход отказался от своего приговора. Но крестьяне снова отстояли свой приговор и тут же добавили к нему: «Настоящий приговор, с согласия окружного атамана и в присутствии непременного члена Кутейникова, обсуждался в третий раз и единогласно нами утвержден»» [12].

Новая неудача заставила власть «решиться на отчаянную меру», которая заключалась в созыве на Дону окружных съездов «из самых надежных крестьян от всех волостей. Эти съезды должны были опровергнуть революционные требования крестьянских приговоров». Однако, «от этих съездов революционное крестьянство выиграло еще больше. Оно двинулось на съезды без всякого приглашения и повсюду заставило читать и обсуждать свои приговора. Пункт за пунктом обсуждались на съездах и единогласно утверждались беднотой крестьянские приговора» [13].

Здесь заслуживает внимание утверждение Мазуренко о том, что на съездах именно беднота выступала передовым отрядом борьбы за крестьянские чаяния. На самом деле, бедняки в данное время не выделялись из общей массы крестьянства и традиционно подчинялись воле зажиточной верхушки, так как речь шла о борьбе за общие интересы. Более того, лидеры «крестсоюзовского» движения придерживались либеральных взглядов и потому не делали ставку на бедноту, не призывали крестьян к радикальным

мерам вроде бунтов или разгромов помещичьих усадеб и намеревались изымать землю у дворян за выкуп. Очевидно, что реверансы Мазуренко в сторону бедноты в 1924 г. являлись его реакцией на торжество большевистской классовой доктрины, в соответствии с которой следовало всегда подчеркивать авангардную роль бедняков в прошедших революционных событиях, даже если таковой роли эти люди вовсе и не играли.

В целом, по данным Мазуренко, «крестсоюзовское» движение в 1905 г. охватило почти весь Донецкий и Черкасский округа Области войска Донского, так что численность участников этого движения составляла здесь 202 584 чел. [14] Он также утверждал, что к движению примкнул и ряд казачьих станиц. Однако, как верно замечает А. А. Куренышев, «казаки в Крестьянский союз вступать не торопились, а их участие в революции проявлялось в отказе охранять помещичьи экономии» [15].

Высшей точкой революционной активности сельских жителей Российской империи стал Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза, состоявшийся 31 июля — 1 августа 1905 г. в ближнем Подмосковье (сначала делегаты заседали в помещении Николаевской лечебницы близ станции Химки, а на следующий день — в помещении сельскохозяйственного училища на Бутырском хуторе) [16]. Присутствовавшие на съезде представители донского крестьянства (в том числе, разумеется, и С. Мазуренко) рассказали коллегам о достигнутых успехах, после чего собравшиеся отметили, что «крестьянский союз на территории Донской области... получил наиболее широкое распространение и его деятельность должна... служить примером и образцом для других местностей страны» [17].

В целом, «крестсоюзовское» движение в 1905–1907 гг. получило широкое распространение в самых разных регионах России. Как отмечает А. А. Куренышев, «местные организации Крестьянского союза достаточно широко распространились по территории России. Областные, губернские, уездные, волостные и сельские комитеты союза покрыли своей сетью огромные территории от Санкт-Петербурга до Уссурийского края» [18].

Однако, дальнейшие события были для Всероссийского крестьянского союза и его местных отделений сугубо печальны. Создать действительно прочную социальную базу в деревне Крестьянскому союзу не удалось, поскольку, несмотря на многочисленность местных отделений, «их плотность была невелика... Комитет союза мог быть очень активен в одной волости, в одном селе, в одном уезде, но вокруг все могло быть совершенно пусто... в общероссийском масштабе ВКС не удалось мобилизовать достаточного количества крестьян, чтобы эффективно проводить тактику давления на правительство и помещиков» [19]. Нельзя не сказать и о том, что лидеры Крестьянского союза подходили к решению аграрного вопроса весьма осторожно и высказывались за отчуждение помещичьих земель за выкуп, что устраивало далеко не всех крестьян. В конечном итоге, Всероссийский крестьянский союз разделил судьбу Первой русской революции, прекратив свое существование вместе с нею в 1907 г.

Дальнейшие события, а именно февральская революция 1917 г., дали «крестьянским союзам» шанс на второе рождение. После крушения самодержавия крестьяне вновь громко заговорили о необходимости земельного передела, что послужило питательной средой для возникновения (можно сказать, реанимации) «крестьянских союзов». Повторное формирование подобного рода организаций наблюдалось по всей стране и, конечно, на Юге России. Так, на Кубани в период выборов в Учредительное собрание велась работа по организации «Кубанского Союза Хлеборобов»; только в станице Ново-Кубанской эта организация охватывала 500 человек [20]. На Ставрополье в 1917 — 1918 гг. «крестьянские союзы» формировались представителями партии социалистов-революционеров [21]. Всероссийский крестьянский союз был объявлен восстановленным, а его эмиссары попытались воссоздать и взять под свой контроль местные организации земледельцев.

Но, в 1917 г. социально-политические условия были иными, нежели в 1905 — 1907 гг., в связи с чем второе рождение Всероссийского крестьянского союза очень быстро закончилось его повторной смертью. Прежде всего, в 1917 г. возникли новые органы, выра-

жавшие интересы хлеборобов: ими стали советы крестьянских депутатов. Советы привлекали земледельцев в гораздо большей степени, чем Крестьянский союз. Ведущей причиной того, что крестьяне симпатизировали советам, а не Крестьянскому союзу, стали слишком уж умеренные требования последнего. Поддержав Временное правительство, лидеры Крестьянского союза выступали против немедленного земельного передела; причем, планируя такой передел в будущем, они вновь высказывались в пользу изъятия земли у помещиков за выкуп. Естественно, столь либеральная программа уже не могла понравиться крестьянам, которые хотели получить землю сразу и безвозмездно и потому с восторгом поддерживали эсеров и большевиков (последних, — тогда, когда они заимствовали эсеровские планы).

Ярким примером непопулярности Крестьянского союза среди российских земледельцев в 1917 г. служат события, развернувшиеся на Дону. Братья С.П. и В.П. Мазуренко уже в начале апреля 1917 г. развернули в Донской области работу по организации здесь «крестьянских союзов». Перспективы у этой работы были блестящими: ведь, местные крестьяне, хорошо помнившие Мазуренко еще с 1905 г., выражали желание осуществить земельный передел, а препятствие этому в виде царского режима было устранено февральской революцией. Действительно, уже в апреле — мае 1917 г. в ряде сел и волостей Донской области были созданы организации Крестьянского союза. В конце апреля в станице Каменской был созван окружной съезд «крестьянских союзов», на котором присутствовало до 400 делегатов Донецкого округа [22].

Дальнейшие события, однако, отнюдь не благоприятствовали Крестьянскому союзу на Дону, программа которого в 1917 г. уже устарела. Как писал В.А. Золотов, объезжая села Донецкого округа, Мазуренко «навязывал крестьянским сходам «приговор», в котором предлагалось решение земельного вопроса в ярко выраженном кадетско-меньшевистском духе. Так в «приговоре» было выставлено требование отобрания без выкупа только в отношении земель монастырских, церковных, удельных, кабинетных и личных бывшего царя. Что же касалось частновладельческих земель,

то «приговор» рекомендовал их передачу в общую собственность всего народа частью за выкуп, частью без выкупа, на условиях, которые будут определены Учредительным собранием» [23]. Естественно, такая половинчатая программа уже не могла устроить донское крестьянство.

14 мая 1917 г. в Новочеркасске состоялось первое заседание съезда представителей крестьянства Дона. В резолюции по земельному вопросу, принятой 19 мая, указывалось, что собственность на землю отменяется, земля становится достоянием народа и все без исключения частновладельческие земли переходят в народную собственность без выкупа [24]. Подобная программа не могла быть принята Мазуренко и другими сторонниками Крестьянского союза, присутствовавшими на съезде. Поэтому, в противовес созданному съездом Донскому областному Совету крестьянских депутатов, Мазуренко объявил об организации областного Комитета Крестьянского союза [25]. Силы этих двух конкурентов в борьбе за симпатии донского крестьянства, — областного Совета и областного Комитета, — были явно неравны. Летом 1917 г. крестьяне Донской области постепенно стали отказывать в поддержке Крестьянскому союзу, а осенью того же года его местные отделения были либо ликвидированы, либо реорганизованы в Советы крестьянских депутатов [26].

Впрочем, как мы знаем, скоро местные Советы стали вызывать отторжение крестьянства, попав под жесткий контроль большевиков и превратившись из органов, выражавших настроения хлеборобов, в проводников политики компартии. Поэтому, в годы Гражданской войны и на переходе к нэпу сельские жители нередко демонстрировали желание создать «крестьянские союзы» как противовес и замену обанкротившимся советам: правда, зачастую, до создания дело не доходило и все ограничивалось вербализированными мечтами. Как отмечают исследователи, агитация за «крестьянские союзы» времен Гражданской войны имела, как правило, антикоммунистическую (но не антисоветскую) направленность и представляла эти организации в качестве защитников интересов земледельцев от произвола большевиков [27].

Характерным примером противопоставления «союза хлеборобов» политике большевиков служат события, произошедшие в декабре 1920 г. в слободе Михайловской Усть-Медведицкого округа Донской области. Там вспыхнул бунт местных жителей, недовольных продразверсткой и диктатом членов компартии. Волнения земледельцев были поддержаны караульным батальоном во главе с К.Т. Вакулиным, — коммунистом и орденоносцем, ранее командовавшим полком. Среди лозунгов восставших были и такие, как защита свободы от «кучки коммунистов и комиссародержавцев», организация «крестьянских союзов» и установление «диктатуры деревни» [28]. Конечно, восстание было подавлено, а все вышеперечисленные намерения так и остались нереализованными.

Таким образом, донские крестьяне-малороссы в начале XX в. вплоть до развертывания нэпа пытались активно бороться за свои права, а в качестве инструмента борьбы выступали крестьянские союзы, опыт функционирования которых показывает, что у формирующихся органов советской власти на местах существовала крестьянская историческая альтернатива.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский Союз. 1905 — 1930 гг. Мифы и реальность. — М., СПб., 2004. — С. 10.
2. Мазуренко С. Как боролось крестьянство в первую революцию // Новая деревня (Москва; далее — НД). — 1924. — №6. — С. 13.
3. Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский Союз... — С. 31.
4. Мазуренко С. Как боролось крестьянство в первую революцию // НД. — 1924. — №6. — С. 13.
5. Из докладной записки информотдела ОГПУ об антисоветских проявлениях в деревне за 1925–1927 гг. (Не ранее 1 марта 1928 г.) // Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. — М., 2000. Т. 2. — С. 630.
6. Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. Исторические очерки. — Ростов н/Д, 1986. — С. 7.
7. Мазуренко С. Как боролось крестьянство в первую революцию // НД. — 1924. — №6. — С. 13.
8. Там же.
9. Там же.
10. Речь идет об императорском указе от 18 февраля 1905 г., в соответствии с которым следовало облегчить «верноподданным, радеющим об общей пользе и нуждах государственных, возможность непосредственно быть нами услышанным»

(Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. — М., 2010. — С. 22).
11. Мазуренко С. Как боролось крестьянство в первую революцию // НД. — 1924. — №6. — С. 13.
12. Там же. — С. 14.
13. Там же.
14. Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский Союз. — С. 77.
15. Там же. — С. 77–78.
16. Там же. — С. 31, 35.
17. Там же. — С. 35.
18. Там же. — С. 181.
19. Там же.
20. Из докладной записки информотдела ОГПУ об антисоветских проявлениях в деревне за 1925 — 1927 гг. (Не ранее 1 марта 1928 г.) // Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Т. 2. — С. 630.
21. Там же. — С. 630.
22. Золотов В.А. Крестьянское движение на Дону в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Октябрьская революция на Дону. — Ростов н/Д, 1977. — С. 108.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же. — С. 110.
26. Там же. — С. 111.
27. См.: Акульшин П.В., Пылькин В.А. Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918–1921 гг. — Рязань, 2000; Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский НЭП (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии 1920–1921 гг.) // Отечественная история. — 1993. — №4; Шишкин В.И. К вопросу о роли Сибирского Крестьянского Союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа 1921 года // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. — Новосибирск, 1997.
28. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. — Краснодар, 1999. — С. 241.

А.П. Скорик (г. Новочеркасск)

КАЗАКИЯ: ИДЕЯ, ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Актуальным вопросом повестки дня для современной научной литературы и общественно-политической публицистики является сюжет о национальной идее. В этой связи звучат интересные суждения, но они, как правило, носят общероссийский характер и/или касаются известных российских регионов конфликтного развития. В отношении же идеологии современного казачества зачастую говорят об отсутствии определенных ориентиров, о противоречивом пути к государственному реестру, об отсутствии казачьей элиты, способной дать казачьему движению достойную и приемлемую национальную идею, и пр. Мы решили разобраться с этим вопросом и представить научному сообществу некоторые свои соображения о казачьей идеологии и о тех неизбежных историко-политических коллизиях, которые возникают в этой связи.

Если исходить из старинных, политико-географических толкований, то казаки образовывали Казакию, то есть им принадлежали земли, на которых они издревле проживали, что является базисной конструкцией для целого ряда теоретических воззрений в доказательстве автохтонного происхождения казачества. С другой стороны этот легко самоутверждаемый тезис выступает основанием для вполне обыденных суждений в среде современного казачества о важности признания Казакии, как некоего непререкаемого идеологического тренда. В повседневном общении для казачества он выражается в разных формулировках, к примеру, «казаки от казаков ведутся». Далеко не всегда в таких душевных разговорах произносится даже само слово «Казакия». Однако, мы полагаем, что практически невозможно найти ныне живущего казака, который, находясь в трезвом уме и ясной памяти, почему-то отказался бы произнести символическую и идеологически выверенную для

всех казаков фразу «Слава Богу, что мы — казаки!». Вот здесь как раз и кроется та первичная ячейка казачьей национальной идеологии, на удивление не замечаемой многими публицистами, часто рассуждающими о современном казачестве, о казачьем движении и его идеологических ориентирах, и в упор, не желающими замечать важнейшего казачьего идеологического постулата.

По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, первым донским историком, объясняющим термин «Казакия», является А.Г. Попов. В своей «Истории о Донском Войске», он подчеркивает: «Мы усматриваем, что сие Войско издревле называлось Донскими Казаками, а земля их Казакиею, ибо на персидском языке Казак значит Скифа» [1]. Географически понятие «Казакия», у авторов его объясняющих, охватывало Дон, Приазовье и северокавказские равнинные территории, причем четких административно обозначенных границ тогда практически не существовало, что подтверждают существующие картографические материалы.

Тем самым, для казаков важно наличие общей исторической родины, изначальной территории, откуда есть и пошли казаки. Вот так возникает еще один исходный постулат, несомненно, становящийся краеугольным камнем Казакии как общеказачьей идеологии. Поэтому и для современных казаков крайне важным обстоятельством выступает соотнесение своего происхождения с конкретной станицей, даже хутором, откуда они родом. Для тех же казаков, кто волею судеб оказался далеко за пределами своей исторической родины, происхождение связывается с конкретной казачьей общностью: донскими, кубанскими, и терскими и иными казаками. И здесь вовсе не в обычном землячестве дело, как некоторые тут же могут подумать. Идея казачьего братства, находящая свое отражение в характерном фразеологизме «за други своя», становится тем неотъемлемым архетипом социальной памяти, что продуцируется внутрь и вовне казачьего сообщества.

Идея Казакии как общей исторической родины и места, где абсолютно все устраивалось по традициям казачества, исторически довольно существенно трансформировалась. Как ни странно это звучит, реальному ее воплощению на Дону положили на-

чало сложная революционная ситуация 1917 года и победа большевиков. В результате возможно выделение следующих исторических вариантов: красногвардейский (раннесоветский), белоказачий (красновский), эмигрантский (европейский), советский, фашистский, американский, постсоветский, современный. Проследим складывание названных сюжетов на наиболее близких нам донских материалах с использованием разнообразных сведений, проясняющих формирование этих вариантов Казакии.

Красногвардейский (раннесоветский) сюжет разворачивается в условиях, когда советская власть была откровенно слаба, а большевики не имели твердых позиций на Дону. Донская Советская республика фактически просуществовала с 23 марта по 4 мая 1918 г. Она опиралась на «штыки» вооруженных отрядов красногвардейцев и отрядов красных казаков. Союз пролетарского Ростова н/Д и временно красного казачьего Новочеркасска оказался недолговечным. Часть казаков поверила большевикам и даже стала формировать советские органы власти на местах: в станицах и хуторах. Это происходило после известного съезда казаков-фронтовиков в станице Каменской, состоявшегося 10 (23) января 1918 г., где присутствовали представители 21 казачьего полка, 4 артиллерийских батарей, отдельного батальона, а всего собрались тогда делегаты от 32 воинских частей и подразделений. Донские казаки заняли нейтральную позицию («Мы не большевики и не кадеты, мы нейтралитеты», — говорили казаки), благоприятную в существовавшем политическом раскладе для большевиков. Однако попытки жесткого земельного передела, начавшиеся расстрелы и грабежи со стороны разношерстных отрядов «красной гвардии» (в том числе самодеятельной) и нежелание руководства Донской Советской республики защищать права казаков оттолкнули от нее массы казачества и местных казачьих лидеров. Скажем, председателем военного совета в 1918 г. в станице Милютинской стал вахмистр Матвей Егорович Фастунов, который в 1917 г. являлся станичным атаманом [2]. С установлением советской власти на Дону он же выдвинулся председателем Милютинского станичного совета, встречался с Ф.Г. Подтелковым. Однако его судьба вновь совершила крутой

поворот, и Фастунов вторично занял должность станичного атамана в 1918 г. Судьба же одного из вдохновителей казачьей республики, председателя Совнаркома Ф.Г. Подтелкова оказалась трагичной. Его отряд, отправившийся за поддержкой к казакам в верховые районы Дона, восставшие местные казаки окружили и пленили в хуторе Пономарев. Самого Подтелкова судили и повесили по приговору станичного суда 11 мая 1918 г. за учиненную им расправу над плененным белоказачьим есаулом В.М. Чернецовым. Если имя красного казака Ф.Г. Подтелкова сохранялось в советской истории, то об идее автономного государственного образования для казаков практически забыли. Несколько сложнее выглядит ситуация с еще одним раннесоветским казачьим лидером, знаменитым командармом 2-й Конной армии РККА Ф. К. Мироновым. Его имя и заслуги в советской истории оставались не востребованными, да и назвать его слепым орудием в руках большевиков, как это иногда делают, сложно. Сегодня становится очевидно, что казаки, поверившие в советскую власть и принявшие большевистские лозунги, не готовы были напрочь отказываться от мысли о некоторой автономии Дона. В советской терминологии эту группу называли «трудовое казачество». Однако, заметим, водораздел прилегал не в рамках известной большевистской триады: бедняки, середняки, кулаки. Здесь вырисовывались совершенно иные три сюжета. Первый — делиться ли землей с иногородними (если делиться, то насколько и на каких условиях). Второй — бороться ли за автономию Дона (если бороться, то в какой форме она казакам нужна). Третий — верить ли старым, или же новым казачьим лидерам (если верить, то почему и каким лозунгам). По большому счету это главные вопросы, без ответа на которые невозможно рассуждать о Казакии. Это предметное поле для самостоятельного исследования.

Белоказачий (красновский) вариант Казакии связан с другим исторически действовавшим государственным образованием, получившим тогда название «Всевеликое Войско Донское» и созданным во многом благодаря инициативе П.Н. Краснова. Оно просуществовало гораздо дольше, чем предшествующее советское (фактически в период с 18 мая 1918 г. по 8 января 1920 г.), и атрибутив-

но оказалось гораздо обстоятельнее, поскольку имело в наличии полный набор отличительных признаков государственного образования (герб, гимн, флаг, конституционные законы, печать, столицу, армию, репрессивный аппарат, полноценные институты законодательной, исполнительной и судебной власти, собственную валюту (донской рубль). Споры о самостоятельности «Всевеликого Войска Донского», его взаимоотношениях с лидерами белого движения на Юге России, в том числе с А.И. Деникиным, об отдельных эпизодах функционирования этого государственного образования не утихают. Не втягиваясь в дискуссию о том, кто и какое знамя борьбы поднимал, какие принципиальные лозунги отстаивал, кто и почему считался, или же не считался с идеями казачьей автономии, заметим, что завершение Гражданской войны на Юге России унесло в историческое небытие и эту мечту о Казакии.

Однако сама родовая идея Казакии оказалась жива даже в довольно противоречивые советские времена. Так, в 1936 г. донские казаки К. Крючок, Маляхов, Самсонов написали И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному открытое письмо, в котором благодарили «вождей» за проказачьи постановления и обещали верно служить советской власти: «шлем пламенный примет и Великую любовную благодарность [за] постановления [о] Красной казацкой военной службе. Мы обещаемся и будем при всяких попытках буржуазии защищать наш Советской Союз стойко и крепко и ни одной минуты не бросим в неотпоре». Казалось бы, обычное верноподданническое послание, написанное, правда, весьма безграмотно, но зато вполне искренне. Однако, после всех благодарностей и заверений в верности, казаки написали нечто крамольное: «просим организовать между нами Красно-Казацкую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Дабы более нам, Красным казакам, сплотиться на отпор буржуазии, также и не быть с другими национальностями и иметь право [на автономию], как и все остальные нации. Просим и Ц.И.К. разрешить это предложение и опубликовать в газетах». При этом авторы письма утверждали, что это пожелание ими выражено «со слов усех казаков — донских, кубанских и [*]вских, (очевидно, терских — *А.С.*)» [3]. Такой

вот взлелеянный казаками в глубине души советский вариант Казакии получается. Это еще раз подтверждает изначальный тезис о том, что при существовании различных политических взглядов, у казаков сохранялся именно этот архетип.

В казачьих эмигрантских кругах (охватывавших преимущественно Европу) идея Казакии практически служила объединяющим фактором разношерстных организаций, и они признавали необходимость иметь единого атамана, каковым долгое время являлся М.Н. Граббе. Однако существенные противоречия в среде казачьей эмиграции, возникшие еще в 1920-е гг., привели в 1935 г. к расколу Донского войска на два блока. Одна часть казаков подчинялась атаману, графу М.Н. Граббе, другая часть избрала для себя новым атаманом генерала П.Х. Попова. Все сложные перипетии внутренней борьбы в эмигрантских казачьих организациях, как и сохранение за границей казачьих традиций составляют предмет отдельного исследования. Мы же подчеркнем, что составляло идею Казакии — это возвращение на историческую родину, где при соответствующих условиях можно будет восстановить стародавние начала казачества. Именно отсюда проистекает разнонаправленное желание с помощью различных средств реализовать эмигрантскую мечту.

Надежды эмигрантов подпитывали и письма с исторической родины. Уже в 1929 г. в письмах «советских» казаков, направляемых родственникам-эмигрантам за границу (чаще всего в Чехословакию и Польшу), появляются призывы о помощи: «Приезжайте к нам и помогите нам, а мы поможем Вам и выгоним коммуниста, а выберем народиста»; «Боже милосердный, где наши спасители? Идите скорей, какой угодно ценой, а то дальше ни вы, ни мы не нужны уже будем...» Один из донских казаков сообщал родственникам за границу в 1931 г.: «У нас усиленно говорят, что Европа скоро будет идти войной на нас, так многие и работать не хотят. Говорят, хоть бы Бог дал скорей» [4].

С началом Великой Отечественной войны идея Казакии обретает новый смысл в плане выбора исторической альтернативы: защищать ли новую Россию (Советский Союз), или бороться за благоденствие на одной, отдельно взятой казачьей территории. В столкновении двух военных титанов фашистской Германии и коммунистического СССР большинство казачества сделало выбор в пользу советского миропорядка, в который в результате социально-политической кампании «за советское казачество» оказалось вписанным «колхозное казачество». Выросшие новые поколения казаков, начиная с 1936 г. начали активно готовиться к грядущей войне. Да, обиженных советской властью на Дону хватало, живы были и старшие поколения, хорошо помнившие Гражданскую войну. Так, на выборах в октябре 1937 года в двух избирательных участках Милютинского района опять вспомнили, что «большинство людей... служили у белых», в Кашарском районе в ряде казачьих колхозов «все замешаны с белогвардейцами». Столь же мрачные сообщения приходили в Ростовский обком ВКП(б) из Егорлыкского, Заветинского, Кагальницкого, Мартыновского, Мечетинского, Неклиновского, Раздорского, Романовского районов Дона [5]. Тем не менее, факт остается фактом: казаки в массе своей Гитлеру служить так и не пошли, хотя казачий компонент в общей массе коллаборационистов (по разным данным, от 800 тыс. до 1 млн. [6]) составлял заметную часть — 94,5 тыс. [7] С другой стороны, только лишь в июле 1941 г. в Северо-Кавказском военном округе сформировали 15 кавалерийских дивизий [8], и в короткий промежуток времени в начале войны около 500 тыс. казаков встало на защиту советской Родины.

Однако потомки казаков-эмигрантов уже в наше время непременно подчеркивают массовый исход казачьего населения вместе с отступлением германских войск из районов Северного Кавказа в начале 1943 г. В частности, общеказачий информационный центр «Конгресс Казаков в Америке» на своем сайте приводит такие сведения об общем количестве гражданских лиц, ушедших с территории Северного Кавказа вслед за отступающими частями вермахта. Беженцев насчитывалось 312 550 человек, из них: 135 850 человек — донские казаки; 93 957 человек — кубанские казаки; 23 520 человек — терские казаки; 11 865 человек — казаки со Ставрополья; 31 578 человек — народности Северного Кавказа; 15 780 человек — кал-

мыки [9]. Эта обобщенная цифра в 300 тыс. человек упоминается в непосредственных разговорах с потомками казаков-эмигрантов. Она становится статистическим основанием в интерпретации идеи Казакии в годы Второй мировой войны. Не ввязываясь в дискуссию вокруг этих цифр, сосредоточим внимание на самой идее. И вот здесь получается, что Казакия воплощала бы реальность только в случае победы фашистской Германии в войне, а Гитлер вряд ли бы согласился на унизительную роль временного союзника в борьбе с «Совдепией». С началом войны многие из казаков пребывали в состоянии определенной иллюзии и очень надеялись, что Гитлер непременно призовет их к себе на помощь, а главное — обязательно позволит после освобождения бывших казачьих территорий от большевиков установить там свое самостоятельное казачье правление и соответственно провозгласить государственное образование под названием «Казакия» [10]. Однако изначально именно этого в планах германского руководства и не было. Только в декабре 1942 г., когда ситуация на советско-германском фронте вновь качнулась не пользу Германии, при Министерстве восточных оккупированных территорий сформировали Казачье управление Дона, Кубани и Терека (Козакен Лейте-Штелле). Идея же Казакии в ее полном фашистском варианте впервые детально излагается в правительственной декларации 10 ноября 1943 г., подписанной тогда начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии, генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем и рейхсминистром восточных оккупированных территорий, обергруппенфюрером СА Альфредом Розенбергом. В этом пропагандистском документе, в частности, признавались прежние казачьи привилегии, казачья самобытность, исключительные права на землю. Естественно, все это обещалось в случае утверждения Германии на востоке Европы и «под защитой фюрера». В судьбе казаков, избравших службу Гитлеру и «доблестно сражавшихся против коммунизма», произошло еще немало событий, в том числе и трагических. Однако, ясно одно, что расчеты на возвращение на историческую родину и утверждение стародавних начал казачества оказались несбыточными.

После окончания Второй мировой войны усилились казачьи эмигрантские организации в США и Канаде, отчасти туда переместился центр казачьей эмиграции. Однако в целом за границей уже не существовало мощных государственных рычагов поддержки казачьей эмиграции, как это было в предшествующий период 1921–1945 гг. в Европе. Лидеры казачьей эмиграции теперь не могли отстаивать казачьи интересы в общеевропейской политике, поскольку поколение первой волны казачьей эмиграции отходило от активной деятельности и уходило в мир иной. Казаки второй волны эмиграции не дали из своей среды новых заметных лидеров, их антикоммунистическая риторика явно терялась на общем фоне различных антисоветских организаций. Увы, но прежний казачий общинный эмигрантский мир неотвратимо сжимался и, лишенный живого общения со своей исторической Родиной, постепенно, но неуклонно превращался в социально-исторический реликт. Это вовсе не означало, что казаки исчезли за границей вообще. Они просто по-разному встроились в инокультурный мир стран проживания, сохраняя память о своем казачьем происхождении. Однако базовая идея Казакии перестала быть для них столь актуальной, в отличие от первой волны казачьей эмиграции. Тем не менее, о ней все же помнили. В 1953 г. в США впервые провели неделю порабощенных народов, а уже с 1959 г. она приобрела официальный статус после принятия специальной резолюции Конгресса США. 17 июля 1959 г. 34-й президент США Дуайт Эйзенхауэр придал этой резолюции американского Конгресса силу закона (закон № 86–90, англ. Public Law 86–90 Captive Nations Week Resolution). Основная идея недели порабощенных народов заключалась в том, чтобы ежегодно проводить специальные официальные церемонии и демонстрации в поддержку «порабощенных народов», причем президент США получал полномочия по закону на объявление «недели порабощенных народов» до самых тех пор, пока все без исключения из перечисленных в нем народов не обретут свободу и независимость. По времени «неделя порабощенных народов» отмечается в США каждую третью неделю в июле месяце. К общему числу народов (а соответственно существовавших и существу-

ющих государств), утративших национальную независимость из-за «империалистической политики, прямой и косвенной агрессии коммунистической России», в законе № 86–90 отнесена Казакия (Cossackia). Такой вот своеобразный американский вариант Казакии получается. Причем, названный закон никто не отменял, и каждый новый американский президент непременно клянется его соблюдать, косвенно поддерживая воссоздание исторически существовавшей Казакии.

С началом процессов возрождения казачества в конце 1980-х гг. опять вспомнили о Казакии и временах Гражданской войны, когда казачья автономия являлась весьма актуальным вопросом. Однако в результате конфронтации появился постсоветский вариант, ибо только он имел определенные законные основания. В 1991 г. руководство Союза казаков Области Войска Донского (атаман С.А. Мещеряков) выдвинуло в адрес Ростовского облсовета целый ряд требований, в частности, преобразование административно-территориального образования «Ростовская область» в национально-государственное образование «Область Войска Донского» или «Донскую республику»; отчисление 20 % областного бюджета на баланс казачьих общин; и др. Последовавшее за этим решение Ростовского облсовета, принимавшееся под явным давлением около 400 казаков, блокировавших зал заседания, содержало чрезвычайно важную тогда для казаков формулировку поддержать «волеизъявление казачества Дона о восстановлении незаконно упраздненного национально-государственного образования на территории РСФСР», то есть речь шла о восстановлении Донской Советской республики. Можно по-разному относиться к состоявшемуся событию, но факт остается фактом, проблема назрела, казачество справедливо требовало тогда выработать по отношению к нему четкую позицию государства и государственных органов, а те не могли найти достойного ответа, не готовы оказались заключить хотя бы компромиссное соглашение. Что же касается самого решения Ростовского облсовета, то его вскоре опротестовала областная прокуратура, и постановление отменили.

Однако вопрос о казачьей автономии свою актуальность не потерял и до наших дней. На различных казачьих форумах и в среде самих казаков его продолжают обсуждать. Современный вариант Казакии уже успел претерпеть ряд трансформаций. Если в начале 1990-х гг. обсуждалась идея восстановления исторической справедливости, что означало воссоздание Области Войска Донского в его исторических границах, сложившихся к началу XX в., то затем возник проект объединения современных субъектов Российской Федерации, где исторически проживало донское казачество. В 2005 г. с такой инициативой выступило войсковое казачье общество «Всевеликое Войско Донское» (атаман В.П. Водолацкий), для чего предлагалось провести референдум об объединении Ростовской и Волгоградской областей, а соответственно назвать новый субъект федерации Донским краем [11]. На тот период войсковое казачье общество «Всевеликое Войско Донское» структурно делилось на девять округов, причем четыре из них находились на территории Волгоградской области. В условиях, когда ряд субъектов Российской Федерации начали объединяться, казаки предложили свой вариант с учетом того обстоятельства, что дореволюционная Область Войска Донского располагалась на территории нескольких субъектов федерации, а также включала и часть нынешней Республики Украина. Вопрос об украинской территории теперь не поднимался, а предлагалось более реальное объединение Ростовской и Волгоградской областей. Однако эта будоражащая инициатива казаков со временем сошла на нет.

Сегодня имеется немало казачьих объединений и отдельных атаманов, которые стремятся представлять общие интересы донского казачества, помимо реестрового войскового казачьего общества (атаман В.Г. Гончаров). К примеру, существуют «Донская казачья республика» (президент-атаман А.Н. Юдин), международный союз общественных объединений «Всевеликое Войско Донское» (атаман Н.И. Козицын), есть отдельные атаманы с альтернативной позицией, например, создатель мемориала «Донские казаки в борьбе с большевиками» В.П. Мелихов, атаман станицы Мишкинской С.П. Бузинов и др. Бурно развивается сетевое казачье со-

общество в Интернете, где действует масса сайтов и форумов и где идет живое общение казаков между собой (сайт «Елань-казак», форум «Казакия. инфо» и др.). Однако одно дело участвовать в таких свободных дискуссиях, а совершенно другое дело состоять в реальных казачьих объединениях, занимающихся решением повседневных конкретных казачьих проблем. Поэтому можно констатировать переход идеи Казакии в виртуальное пространство, ибо пока в реальности ей места не находится.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов А. История о Донском войске, сочиненная А. Поповым 1812 г. в Новочеркасске. Кн. 1–2. — Харьков, 1814–1816. — С. 111.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 301. Оп. 9. Д. 1258. Л. 13 об.
3. Письмо донских казаков И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному // Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. — М., 2002. — С. 299.
4. Крестная ноша / Сост. В.С. Сидоров. — Ростов н/Д., 1994. — С. 112, 114, 224.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп.1. Д.12. Л. 88, 104–105, 215, 232, 247, 267, 318, 350, 356, 368, 429, 521, 527, 539, 546, 594.
6. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. — М., 2004. — С. 196.
7. Андреев В. «Восточные добровольцы» // Новая газета (Москва). 1994. 6 декабря.
8. Воскобойников Г.Л. Советская конница в Великой Отечественной. — М., 2008. — С. 19.
9. «Казакия» в составе Третьего Рейха (1941 год — 1945 год). URL: http: // kazaksusa.com/history/kazakiya.html (дата обращения: 28.12.2013).
10. Матишов Г.Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). — Ростов н/Д., 2013. — С. 207.
11. Корнев В., Строителева Е. Ростовскую и Волгоградскую области объединят казаки. URL: http: // izvestia.ru/news/307401 (дата обращения: 31.12.2013).

В.М. Хлопкова (г. Армавир)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-Е ГОДЫ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Специфика формирования северокавказского социума, этническая, социально-культурная, экономическая неоднородность и вместе с тем общность региона провоцируют постоянный «плебисцит», поиск оснований и форм позитивного сотрудничества. Данный процесс проявляется неодинаково: в периоды стабильности повышается диалогический потенциал, конфронтационные тенденции имеют, как правило, локальный характер. В кризисные, переходные моменты обостряются все скрытые и явные противоречия, происходит столкновение интересов, реализация которых достигается в том числе с помощью «этнической мобилизации», т. е., идеологической и практической деятельности лиц одной национальности, организованных для достижения общих целей в широком диапазоне от политических до социально-культурных [1].

Период 1920-х гг. интересен тем, что в нем раскрываются обе тенденции: в этот отрезок времени можно наблюдать и обострение межнациональных отношений, и проявления сепаратизма, и сложный противоречивый процесс стабилизации региона, тесно связанный с революционной модернизацией общества и установлением советской государственности.

Характерно, что на Северном Кавказе после революции сначала проявилось стремление к интеграции, подтвержденное первым съездом горских народов Кавказа в мае 1917 г. Целью было признано создание горской национально-территориальной автономии в составе будущей Российской Демократической Федеративной Республики [2]. Объединительное движение отмечено и в казачьих районах.

По мере углубления кризиса российской государственности, разворачивания гражданской войны возрастали и открыто сепаратистские настроения. Зачастую они были инспирированы извне, играя на внутренних противоречиях. Часть сепаратистов была связана с белым движением или с Турцией. Другие делали ставку на большевиков как на временных союзников, например, князь Дышнинский, визирь Узуна-Хаджи [3].

В целом же значительная часть населения, как славянского, так и горского, готова было признать советскую власть, ее лозунги в аграрном и национальном вопросе в надежде на стабилизацию ситуации, создание условий для восстановления хозяйства. Например, один из информаторов краевой партийной ячейки в 1921 г. не только анализировал существующие проблемы, в том числе сепаратистское движение, но и отмечал: «В общей массе Чечни и Дагестана таится глубокая вера в Советскую Россию» [4]. Судьба советской власти в регионе во многом зависела от того, будут ли реализованы задекларированные принципы национальной политики.

Теоретической разработке национального вопроса, а затем и его практической реализации уделялось достаточно большое внимание. Партийная национальная программа основывалась на таких принципах, как право наций на самоопределение и интернационализм. Исходя из раздвоения национального вопроса для «нации угнетающей» и «нации угнетенной» определялись свои задачи, сводившиеся, в конечном счете, к объединению их в социалистическую нацию (лишенную этнического содержания).

Национальный вопрос был тесно связан с задачей восстановления народного хозяйства, с его социалистическим развитием. В этом смысле он являлся преимущественно крестьянским вопросом, ибо население национальных окраин, в том числе и Северного Кавказа, состояло главным образом из крестьян. Партия должна была выработать методы вовлечения отсталых народов в строительство социализма, минуя стадию капитализма.

Институциональным оформлением решения национального вопроса и самоопределения народов стало национально-государственное строительство. Не являясь принципиальными

сторонниками федерализма (а скорее, его противниками), большевики все же были вынуждены приступить к национально-государственному строительству на федеративных началах. К этому неизбежно подводил поиск оптимального устройства (воссоздания) многонационального государства. Вместе с тем необходимо было обеспечить незыблемость доктрины социалистической революции. Поэтому, в начале 1920-х г., особенно после образования СССР, разворачивается дискуссия о «советском федерализме». Советские правоведы первого поколения были твердо убеждены в том, что «национальные» республики, области, округа являются производными формами советской автономии, историческая сущность которой сводилась к выполнению ряда политических и хозяйственных задач [5].

На основе признания неравномерности развития различных территорий народов выстраивалась определенная иерархия, в соответствии с которой автономии наделялись теми или иными полномочиями. Тем самым принцип централизации приводился в действие, хотя все атрибуты автономии сохранялись и были законодательно закреплены.

Любые попытки скорректировать национальную политику в сторону расширения прав автономий пресекались, а их сторонники обвинялись в уклонизме. Основные вопросы решались на высшем партийном уровне, закреплялись в резолюциях, а затем спускались на места в качестве директив. В качестве основной консолидирующей идеи при этом выступал пролетарский интернационализм, формально объявляющий государствообразующей силой рабочий класс вне его национальных рамок [6].

Зато в создании национальных автономий широко приветствовалась местная инициатива, конечно, направленная в русло социалистической целесообразности. Съезды народов обеспечивали легитимность партийных решений. Кроме того, существовало объективное требование обратной связи, так как опыт национально-государственного строительства только складывался, и необходима была его «диагностика». Этой же цели служили протоколы общих собраний того или иного селения, составленные примерно по одной схеме [7].

Как правило, сначала национальные образования совпадали со старыми административно-территориальными границами. Но уже в начале 1920-х г. процесс национально-государственного строительства упорядочился, каждый конкретный случай обсуждался на всех уровнях, и окончательное решение принималось в высшем партийно-государственном эшелоне.

Партийное руководство при каждом удобном случае, чтобы не стимулировать «национальных тенденций» стояло за возможно более крупное территориальное объединение «с учетом национальной специфики», таковой являлась Горская республика [8].

Объективный процесс этнической консолидации вносил свои коррективы, с увеличением числа автономий нельзя было не согласиться. Но их полномочия постепенно урезались и передавались краевым властям. Причем становление региональной модели сопровождалось лоббированием со стороны различных сил. В целом победила тенденция к централизации и курс на создание единого административного региона. 2 июля 1924 г. Президиум ВЦИК провозгласил образование Юго-Восточного края (с 16 октября переименованного в Северо-Кавказский край) [9].

Северокавказская общественная мысль (в непосредственной связи с партийно-государственной деятельностью) вырабатывала свои варианты региональной интеграции, генетически связанные с дореволюционными демократическими идеями, но адаптированные к советской действительности.

Рядом северокавказских руководящих работников были составлены тезисы «К вопросу об экономическом объединении автономных республик и областей горцев Северного Кавказа» (14 апреля 1922 г.), в которых отмечено, что Крайэкосо не уделяет должного внимания горским национальным районам, занимаясь экономически более рентабельными Кубанью, Доном, Ставропольем. Горские государственные образования оторваны друг от друга, т.к. все вопросы решаются через край. Поскольку центр лучше учитывал местные условия, необходимо упрочить связь с центром через представительства и объединить все горские автономии в одном краевом экономическом органе «Сто» Крайэкосо горцев Северного Кавказа», так как «все государственные и хозяйственные единицы региона сильно тяготеют друг к другу и имеют ряд общих задач» [10].

По-прежнему актуальным оставался вопрос, не только об экономическом, но и политическом единстве северокавказских народов на федеративных началах: «Автономные республики и области должны бы объединиться в одну мощную организацию в партийном и хозяйственном отношении — в «Северокавказскую Федерацию Автономных Республик и областей» [11].

Не отрицая важности единства региона, а также его включение в общегосударственное, советское пространство, партия оставляла за собой право определять характер интеграции с учетом классового подхода и интересов социалистического строительства. Субъектами диалога становились не просто этнические общности, а национально-территориальные административные единицы.

В целом исследователи отмечают механицизм и функционализм советской национальной политики, ее популизм, выраженный в тактике временных уступок, несовместимость классового подхода, истинно «коммунистического понимания» решения национального вопроса и сложных многоуровневых процессов развития национальных отношений.

В то же время в сфере управления национальной политикой был создан достаточно действенный исполнительный механизм. Впервые в структуру власти входит орган, специально занимающийся национальной проблемой, — Наркомнац, созданный в октябре-ноябре 1917 г. в составе СНК во главе с И.В. Сталиным. Но Наркомнац был, прежде всего, выразителем воли партии. Постепенно он перестал отвечать требованиям организации эффективной национальной политики.

Потребности «титульных наций», получивших государственность обеспечивались через их органы власти. Но попытки решения национального вопроса этим не исчерпывались. В связи со сложным этническим составом населения, особенно на окраинах, и принципом равноправия наций вставал вопрос об обеспечении прав национальных меньшинств, или этнодисперсных групп населения, широко представленных на Северном Кавказе. Термин «на-

циональные меньшинства» входит в активное употребление после октябрьской революции 1917 г., но критерии его определения были нечеткими: народности нерусского языка, народы, не объединенные в национальные республики и области, часть этносов, живших оторвано от своего основного массива, малочисленные коренные народы. В Конституции термин употреблялся без пояснений. Также расплывчата была и практическая деятельность по решению проблем нацменьшинств [12].

Для этнического состава региона было характерно многообразие, которое отразили первые послереволюционные переписи населения. Большую часть населения Северного Кавказа составляли русские — 45,9%, и украинцы — 37,1% (1926 г.) [13]. Значительное количество русского населения проживало в «национальных» районах или по соседству.

Эти показатели варьировались в течение 1920-х гг. Если перепись 1920 г. зафиксировала в Донской области 92,86% русских, в Кубано-Черноморской области — 79,67%, то в 1926 г., соответственно, 45,87%, 33,45% (Кубань), 33% (Черноморье) [14]. Причем русскоязычного населения было больше, чем собственно русского. Причина столь резкого снижения численности русского населения заключается в различных критериях определения этнической принадлежности при проведении переписей. Кроме того, на этническую самоидентификацию оказывали влияние процессы «коренизации» и «украинизации».

Характерной тенденцией с 1920-х гг. становится рост численности коренных народов Северного Кавказа [15]. Для коренных этносов Северного Кавказа было характерно компактное расселение, рассеивание среди других этносов было ограничено. Например, кабардинцев в КБАО проживало 87,8%, в Черкеской АО — 8,8%, в Адыгейско-Черкесской АО — 1,04%. В Дагестане проживало 100% даргинцев, 99,34% аварцев. Большинство осетин — 88,41% — проживало в Северной Осетии, в КБАО — 2,57%, в Карачаевской АО — 1,96% [16]. Это обуславливало не только прочную привязанность к земле, но и ненарушенную целостность мировосприятия в родной среде обитания, традиционализм.

Национально-государственное строительство внесло коррективы в этнодемографический баланс. При создании национально-государственных образований титульный этнос не всегда оказывался большинством. В Ингушской АО ингуши составляли 93,1%, в Чеченской АО чеченцы — 94,0%, в Карачаевской АО карачаевцы — 81,3%, В Кабардино-Балкарской АО кабардинцы — 60,0%, балкарцы — 16,3%, в Адыгейско-Черкесской АО проживало 44,8% черкесов, 25,6% русских, 23,3% украинцев, в Черкесской АО черкесы составляли 7,2%, родственные им кабардинцы 33,3%, абазины 16,8%. Пестрой являлась этническая картина Дагестана [17]. Подобное соотношение не могло не сказаться на климате межэтнического взаимодействия, так как политическую институциализацию получили не все этносы, претендовавшие на нее.

Особого подхода в регионе требовал «русский вопрос» (шире вопрос о соотношении и взаимодействии славянского и горского компонентов). С одной стороны, русским в самоопределении было отказано. С другой стороны, в ряде районов Северного Кавказа русские попадали под определение национального меньшинства. К тому же этническая чересполосица определяла конфликтогенный характер взаимодействия славянских и горских народов. Необходим был поиск компромисса.

В ходе реализации национально-государственного строительства, административно-территориальных переделов и внутренних миграций в ряде автономий процент русского населения уже к середине 1920-х гг. уменьшился. Если в ГАССР русские в 1923 г. составляли 29,61%, то в 1926 г. Кабардино-Балкарской АО — 7,5%, в Северо-Осетинской АО — 6,6%, в Черкесской АО — 4,0%, в Чеченской АО — около 2,9%, в Ингушской АО — 1,2%. В Адыгейско-Черкесской АО численность русских снизилась с 30% в 1923 г. до 25,6% в 1926 г. В Дагестане, наоборот данный показатель увеличился с 2% до 12,5% [18].

Снижение доли русских в численности населения, уменьшало их представительство в органах местной власти и возможность отстаивать свои интересы. Проживание русских в иноэтничной среде не всегда способствовало установлению национального мира. Осо-

бенно острый характер межэтническое взаимодействие приобретает в условиях национально-государственного размежевания северокавказских народов и земельных переделов.

Возложение основной ответственности за ликвидацию фактического неравенства на русский пролетариат, а более широко на весь русский народ и уступки, приспособление принципов коммунизма к национальным «предрассудкам» создавали диспропорцию в национальном вопросе с политическими, экономическими и социокультурными последствиями.

Постулат о самоопределении наций, первые мероприятия советской власти делали горцев союзниками большевиков, способствовали общегосударственной интеграции. В то же время сохранялось отношение к славянскому населению, как к колонизаторам, и национально-государственное становление северокавказских этносов сопровождалось стремлением к выселению русских за пределы автономий (необходимо отметить, что причины лежали в основном в плоскости земельного вопроса). Такая ситуация сложилась, например, в Карачаево-Черкесской автономной области, о чем свидетельствует письмо крестьянина И.К. Гаврилова. Препятствием стало требование выяснить возможность переселения, т. е., наличие свободных земель и оплаты убытков [19].

Отношение к подобным мероприятиям в целом было осторожное, но прецеденты выселения, санкционированные центром, имели место: ряд казачьих станиц Сунженской линии. Проведенное в сжатые сроки, непродуманное выселение казаков породило ряд политических и социально-экономических проблем [20].

Славянское население, чтобы защитить свои интересы стремилось к национально-территориальному объединению. Партийно-государственное руководство согласно марксистско-ленинской доктрине, возлагало на великорусскую нацию ответственность за недавнее еще национальное угнетение инородцев и исключало возможность русского самоопределения, во всяком случае, если это пересекалось с интересами национальной политики. В частности, ходатайство делегатов Сунженского Окружного Исполнительного комитета ГССР в Президиум ВЦИК от 19 июля 1921 г.: «Объединить все русское население в один Сунженский округ» было отклонено [21].

К концу 1920-х годов рамки самоопределения уже были четко обозначены, и стремление к изменению «национального» статуса не поощрялось. Система административно-территориального оформления этнических общностей, как один из способов регулирования межэтнического взаимодействия, через ряд льгот удовлетворявшая национальные нужды в зависимости от степени развития, не решала всех старых проблем и инициировала ряд новых.

Этнодемографические трансформации на Северном Кавказе в 1920-е гг. были связаны не только с процессами прироста и движения населения, но и политическими и социокультурными процессами, происходившими в регионе в рамках советского национально-государственного строительства. Главным выражением изменений в данной сфере стало не только изменение численности населения, но и перераспределение этносоциальных статусов, что оказывало уже непосредственное влияние на процесс межэтнического взаимодействия в регионе.

Таким образом, национальная политика Советской власти была достаточно противоречивой. С одной стороны, был создан функциональный механизм для решения вопросов, связанных с этнокультурными особенностями развития различных народов. С другой стороны, многие факторы не учитывались при доминировании классового подхода. Результаты данной политики внесли существенные изменения в этнополитический и этнодемографический баланс в регионе. Парадоксальным образом проводимая политика, с одной стороны, соответствовала внутренним тенденциям развития региона, с другой стороны, эти тенденции игнорировала, фиксируя в рамках идеологического проекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. — М., 1999. — С. 32.
2. Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. — М., 1994. — С. 54–55.

3. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р.–158. Оп.1. Д.82. Лл. 37–40.
4. ГАКК. Ф. Р.–158. Оп. 1. Д. 82. Л. 38.
5. Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии: Дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2003. — С. 19, 59.
6. Зорин В. Национальные аспекты российского федерализма // Свободная мысль. — 1996. — №10. — С. 27, 29.
7. ГАКК. Ф. Р. — 102. Оп. 1. Д. 1. Лл. 139, 140.
8. Ненароков А.П. К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924. — М., 1991. — С. 93.
9. Даудов А.Х. Горская АССР (1921–1924 гг.). Очерки социально-экономической истории. — СПб., 1997. — С. 207.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р.–1318. Оп. 1. Д. 155. Лл. 142, 142 об.
11. ГАРФ. Ф. Р.–1318. Оп. 1. Д. 464. Л. 6.
12. Данилова Е.Н. Советская власть и национальные меньшинства (1917–1920-е гг.) // Российское государство и общество. XX век. — М., 1999. — С. 152.; Северный Кавказ: выбор пути национального развития: Сб. ст. / Адыгейский респ. Ин-т гуманит. исслед., Ин-т российской истории РАН / Редкол. Бугай Н.Ф. и др. — Майкоп, 1994. — С. 159–161, 168, 171–172, 174.
13. Население России в XX веке: В 3-х т. — М., 2000. Т. 1. — С. 115, 146–147.
14. Там же. — С. 115.
15. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. — СПб., 1996. — С. 110; Население России в XX веке: в 3-х т. — М., 2000. Т. 1. — С. 121, 146–147.
16. Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-государственным строительством в РСФСР. — М., 1992. — С. 25.
17. Население России в XX веке. В 3-х т. — М., 2000. Т. 1. — С. 146–147.
18. Стасевич Национальный состав населения РСФСР // Жизнь национальностей. — М., 1924. Кн. I (VI). — С. 160–162.
19. Российский государственный архив экономики. Ф.396. Оп.4. Д.28. Лл. 95, 95 об.
20. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р. — 1390. Оп. 5. Д. 634. Лл. 10–10 об., 110–113 об., 130–134.
21. ГАРФ. Ф. Р.–1318. Оп.1. Д.155. Л.134.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ РЕГИОНА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Б. Б.-А. Абдулвахабова
(г. Грозный)

ПУТИ ПОИСКА ИНТЕГРАЦИИ ЧЕЧНИ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ СИСТЕМУ РОССИИ (вторая половина XIX — начало XX века)

Исследование различных аспектов межэтнических взаимоотношений, их влияние на процесс становления и развития российской государственности, опыт межэтнического партнерства в прошлом в рамках Российского государства представляются на современном этапе актуальными, т.к. проблемы межэтнического взаимодействия в современном многонациональном Российском государстве можно преодолеть, если мы объективно и толерантно будем изучать и осмысливать опыт прошлого.

Переломные изменения в политике России в первой половине XIX века, привели к Кавказской войне и завершению процесса установления полного российского господства в этом регионе. Включение в состав России территории Чечни совпало с модернизационными процессами в самой России и проведением административных, аграрных и судебных преобразований на территории Чечни.

Коренное население с трудом адаптировалось к новым порядкам, зачастую идущим в разрез с их многовековыми устоявшими обычаями и традициями, и противодействовало различными способами. Необходимо было найти пути оптимального режима интеграции чеченских обществ в общеимперский организм. С одной стороны — это были пути военного подавления и превентивные военные действия против населения присоединяемых тер-

риторий, со всеми вытекающими отсюда известными последствиями [1]. Однако существовали и другие средства, пути (социальные, культурно-просветительские, экономические и другие) инкорпорирования горцев в состав Российской империи. И эти средства социокультурной адаптации имели положительные стороны для чеченцев, несмотря на определенные издержки в этом направлении.

Российское самодержавие внедряло формы экономического и культурного развития в том виде, в каком считало их необходимым и неопасным для существования империи. Как уже отмечалось, завершение политического завоевания совпало с эпохой реформ в России и в Чечне, отмена крепостного права, окончание Кавказской войны, интенсивное железнодорожное строительство, были «тремя китами» экономической модернизации Северокавказского региона в последней трети XIX века [2]. Развитию производительных сил в пореформенной Чечне благоприятствовали не только разнообразие природных условий и богатство естественных ресурсов, но и появление возможности заимствования технических достижений, производственного опыта более развитой России [3].

30 декабря 1869 года крепость Грозная преобразовывается в город Грозный. С этого времени он становится центром Грозненского округа, входившего в состав Терской области.

В структуре городского населения были представлены различные этнические группы. Большинство городского населения было представлено русскими [4]. С 1862 по 1897 год население Грозного увеличилось в 6 раз. Среди жителей Грозного на второй позиции после русских прочно закрепились горские и европейские евреи и армяне. На численность чеченцев в Грозном повлиял действовавший в 1893–1901 гг. закон «О воспрещении горцам, не состоявшим на казенной службе или находившимся в отставке (не в офицерских чинах), проживать в городе». Согласно этому закону, в 1894 г. из Грозного выслали примерно два десятка чеченцев и вплоть до 1901 г. запрещали селиться в нем чеченским торговцам [5]. Этой искусственно созданной препоной администрация пыталась оградить от конкуренции русских предпринимателей, потому что всё активнее проявляла себя местная национальная буржуазия. Многие состоятельные чеченцы-предприниматели вынуждены были окольными путями заниматься торговлей и приобретать недвижимую собственность [6].

Значительный общий рост народонаселения после 1871 г. связан с предоставлением крепости Грозной статуса города и установлением 5-летнего срока, в течение которого приписанным к городу гражданам бесплатно выделялись земельные участки под застройку. Среди жителей Грозного на второй позиции после русских прочно закрепились горские и европейские евреи.

Несмотря на малочисленность чеченской общины в городе, она была довольно активной и мобильной частью городского населения. Значительная часть городской торговли довольно быстро переходит в руки к чеченским купцам. Каменные и кирпичные дома в Грозном принадлежали купечеству, в том числе зарождавшейся чеченской буржуазии: А. Чермоеву, Д. Мациеву, Г. Мациеву, Арсамирзоеву, Ш. Чуликову, Эльмурзаевым, Арсанукаевым, Башировым и другим [7].

В структуре городского населения кроме указанных этнических групп, были представлены татары, грузины, персы, азербайджанцы, представители дагестанских народностей и многие другие. Развитие капиталистических отношений в городской экономике проходило быстрыми темпами.

Многоликий традиционный материально-предметный мир горожан переживал трансформационные явления под воздействием промышленности и торговли. Одни элементы традиционной бытовой культуры вытеснялись рынком, другие, напротив, в условиях урбанизации обретали новую жизнь. Основными хранителями этнокультурных традиций в одежде были неимущие и средние слои. Городская элита сохраняла их в качестве реликтово-знаковых элементов быта. Степень потребления европейских форм бытовой культуры, в том числе и в одежде, определялась не этнической, а социальной принадлежностью горожан.

Масса смешанных форм сложилась в одежде городских чеченцев. Для мужской одежды было характерно сочетание европейских пиджаков, жилетов, рубашек и галстуков с каракулевой шап-

кой, мягкими кожаными сапогами. Европейские брюки заправлялись в сапоги. Плащ европейского покроя, шляпа с полями или военная фуражка сочетались с кавказской рубахой, отличающейся воротником-стойкой и застежкой на ряд мелких, обтянутых тканью пуговиц. Популярным видом одежды молодых и средних лет мужчин была тужурка — военная двубортная куртка. Ее могли носить с национальным головным убором, сапогами. Престижным элементом европейской мужской одежды были галстуки, жилеты. Горцев из высшего сословия выделяла и такая деталь как часы на цепочке, прикрепленной к одежде. Представители других национальностей, проживавших в городе Грозном (персы, татары, грузины, армяне и другие) также предпочитали этническую традиционную одежду с элементами европейской одежды

Одежда русских, украинцев и поляков почти не сохраняла этнической специфики. Основной тенденцией в развитии городской одежды была ее европеизация. Подъем экономики, расцвет торговли и промышленности оказали прямое воздействие на одежду горожан.

Таким образом, в указанный период в городе Грозном были объединены не только представители различных народов, населявших наш край и имевших свои культурные традиции, но, что особенно важно, они являлись носителями мировоззрений крупнейших мировых религий — ислама, христианства, иудаизма. Общие экономические, политические и культурные интересы этих народов помогали сближению различных мировоззрений, жизненных укладов, что ярко отразилось в их повседневной жизни.

Город Грозный с его нефтяными промыслами и заводами, основным промышленным центром Терской области, где было сосредоточено больше половины общего количества рабочих области. С началом промышленной добычи и переработки нефти резко возрастает и потребность в рабочих руках, которая удовлетворялась за счет переселенцев из российских губерний, а частично — за счет лежащих вокруг Грозного чеченских селений, откуда в поисках заработка приходили безземельные и малоземельные крестьяне. Грозный притягивает избыточное сельское население. Их в основном использовали в

качестве чернорабочих. Постепенно они приобретали доступные им рабочие специальности: токарей, слесарей, связистов и т.д. Например, первым машинистом из чеченцев стал И. Магомаев, который в 1893 г. окончил Владикавказское ремесленное училище. В 1897 г. И. Магомаев получил право самостоятельно управлять локомотивом, а с 1900 г. становится машинистом пассажирских поездов.

Быстрому промышленному развитию Грозного, а также общему экономическому подъему Терской области способствовало строительство железной дороги. В 1894 году железнодорожное сообщение соединило Грозный с общероссийским и внешними рынками. С его появлением решилась и проблема вывоза грозненской нефти. Из Грозного железнодорожная ветка прошла дальше через Гудермес, Хасав-Юрт к Порт-Петровску и далее на Баку. Создание промышленного центра в Чечне — Грозненского нефтепромышленного района способствовало значительным изменениям социально-экономического облика не только края, но и местного населения. Русский и иностранный капитал, участвовавший в разработке нефтяных месторождений, втягивал Чечню в международные торговые отношения, нивелировал его местные особенности, создавал рынок сбыта продукции своих фабрик. Начиная с 1896 года, грозненская нефть большими партиями стала поступать в крупнейшие промышленные центры России. Весьма значителен был и экспорт. К примеру, в 1895 году в Англию было вывезено 20 миллионов пудов грозненской нефти. Бурный рост нефтяной промышленности привел к появлению в Грозном целого ряда обслуживающих отрасль промышленных предприятий. Возникают котельные заводы Итанова, Фреу и Жедырева, Прохорова, Воробьева, котельно-заклепочные, кузнечные и литейно-механические мастерские Степанова, Газиева, Фаниева, Хохлова, плотнично-столярные фабрики «Работник», «Плотник» «Славянин» и другие [8].

Несмотря на то, что российское законодательство, в сочетании с государственной бюрократией, в целом препятствовал участию чеченцев в нефтяном бизнесе, формируется слой чеченских предпринимателей, выступавших в качестве самостоятельных фигур в нефтяном бизнесе: Абдул-Межид (Тапа) Чермоев, А. Арсамирзаев,

М. Мациев и др. Но многие чеченцы работали на нефтяных промыслах в качестве наемных рабочих. Часть из них зарабатывала на жизнь извозом нефти, которая в бочках телегами вывозилась на продажу на рынки северокавказских торговых центров.

Нефтяной бум в Грозном привел к увеличению его населения. С началом промышленной добычи и переработки нефти резко возрастает потребность в рабочих руках, которая удовлетворялась за счет переселенцев из российских губерний, а частично за счет чеченских селений близ Грозного, откуда в поисках работы приходили безземельные и малоземельные крестьяне. Кроме русских переселенцев, среди которых значительную часть составляли профессиональные рабочие, Грозный притягивает и избыточное сельское население Чечни. Здесь также были крупные армянские и горско-еврейские общины. Местное население привозило в Грозный сельскохозяйственную продукцию, покупая здесь фабричные товары. Крупнейшими в Чечне были Грозненские ярмарки, которые проводились два раза в год: весной и осенью. Популярны у чеченцев были ярмарки в Моздоке, Кизляре, Владикавказе и т. д. В крупных чеченских селах действовали еженедельные базары (Урус-Мартан, Старые Атаги, Ведено и т. д.). Российские купцы открывают свои торговые лавки не только в Грозном, но и в чеченских селах и аулах.

Начало разработки крупных нефтяных залежей привлекло в Грозный крупные капиталы, что выразилось в открытии отделений крупнейших российских банков. Так, в 1895 году открывается в Грозном Терское отделение Азово-Донского банка.

Значительные изменения происходят в материальной культуре чеченцев, что нашло отражение в типах поселений, жилищ, одежды, пищи. К примеру, традиционная одежда чеченцев претерпела кардинальные изменения. Усложняется покрой, появляются новые элементы. Ткани кустарного производства вытесняются дешевыми фабричными тканями. Появляются в обиходе европейский костюм, фабричная обувь. Чем больше чеченцы втягивались в культурную, экономическую и политическую жизнь России, тем шире используются элементы европейской одежды. Социальная верхушка первой начала вводить в обиход новые предметы быта, в том числе и одежду. Один из современников писал: «даже самый внешний вид горца меняется — все чаще и чаще национальный костюм заменяется блузой мастерового или пиджаком торговца; вместо кинжала — аршин, вместо ружья — кирка и лом чернорабочего. Меняются и взгляды горца, он, прежде с презрением относившийся к торговле, теперь только и мечтает о лавке...» [9].

Расширение культурных, экономических, торговых связей также отразилась в пищевом рационе чеченцев. В системе питания чеченцев появляются заимствованные блюда (борщ, русский хлеб и прочее), появляются новые виды ягод и овощей. Изменения наблюдаются и в культуре питания.

В то же время, влияние чеченцев на своих соседей, в первую очередь, казаков, было заметно в одежде и оружии, во внутреннем убранстве домов, снаружи построенных по русскому образцу, а внутри напоминавших дома горцев. Казаки переняли горский плуг и манеру вспашки, эффективную в местных условиях. Немало было казаков, которые свободно общались на чеченском языке.

Новым веянием было развитие светского образования и культуры среди горцев. Был составлен один из первых чеченских букварей И.А. Бартоломеем (русский ученый немецкого происхождения) в 1866 г. В 1862 году ученый-этнограф, генерал-майор русской службы на Кавказе П.К. Услар, при содействии чеченского переводчика на русской службе Кеди Досова издает научный труд «Чеченский язык».

В 1852 году на чеченском языке были записаны лирические песни молодым офицером Л.Н. Толстым со слов своего кунака Садо Мисербиева и Балты Исаева.

В 1863 г. в Грозном была открыта так называемая Горская школа, которая просуществовала до 1917 года. Грозненская горская школа помогала, хотя и небольшой части чеченцев, приобщиться к европейской и русской культуре. Ее в свое время закончили будущий композитор А.М. Магомаев и будущий государственный деятель Чечни Т. Эльдерханов.

В 1872 году появилось первое чеченское этнографическое исследование офицера — чеченца Умалата Лаудаева — «Чеченское

племя». Эти и другие прогрессивные сдвиги (данный ряд примеров можно было бы продолжить) в чеченском обществе свидетельствовали, что более действенными средствами интеграции горских обществ в рамки модернизирующейся российской империи были культурные, экономические, просветительские и иные, мирного характера, векторы.

Таким образом, развитие промышленности, нефтяной отрасли, строительство железной дороги способствовало повышению социальной мобильности местного населения. Через российское культурное поле, чеченцы, как и другие народы Кавказа, получили возможность приобщения к достижениям европейской цивилизации и формирования аналогичных сфер жизнедеятельности в своих местных историко-культурных условиях.

И сегодня так важно, как никогда, извлечь уроки из нашего общего прошлого, учитывать их при выстраивании новых отношений в попытках геополитического реформирования России в этом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гапуров Ш.А., Израйлов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны: страницы хроники русско-горской трагедии XIX века. — Нальчик, 2007. — С. 3–22.
2. Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. — Армавир, 2001. — С. 59.
3. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 1. Грозный, 2006. — С. 434.
4. Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // ЧИНИИ. Известия. Т. 2. — Вып. 1. История. — Грозный, 1960. — С. 4, 19.
5. Головлев А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818–1998 гг.) // Известия Русского географического общества. Т. 132. — СПб., 2000. — С. 75.
6. Абдулвахабова Б.Б. Одежда в культуре повседневности дореволюционного города в конце XIX века (на примере г. Грозного) // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы Международной научной конференции. — Махачкала, 2012. — С. 231.
7. Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. — Ростов н/Д,1995. — С. 93. .С.93
8. Северный Кавказ в составе Российской империи. — М., 2007. — С. 240.
9. Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. — Грозный, 1989. — С. 30.

С. Л. Дударев, Д. С. Дударев
(Армавир)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОБ УЧАСТИИ КАВКАЗСКИХ ЖЕНЩИН В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Как медлен был и крут, невыносимо
Неторный путь к тебе, моя Россия!
Как нелегка дорога в высях горных,
Как круты нравы предков непокорных,
Глядевших на тебя из-под бровей
В кинжальной непокорности своей!
Тебя гяуром яростно ругали
И именем твоим детей пугали,
Но каменные тронула уста
Улыбка — добродушна и всесильна...
Как тягостна была и непроста
Дорога неизбежная к России!

Исхак Машбаш. «Путь к тебе, Россия»

Тема «Северный Кавказ в творчестве российских и зарубежных художников XVIII–XIX вв.» плодотворно разрабатывалась представителями Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова на разных этапах деятельности этого научного коллектива применительно к тем или иным районам региона (Чечня, Ингушетия, Кубанский регион) [1–5]. Авторы данной работы ранее специально не занимались изучением тех произведений художников, которые были навеяны знакомством последних с кавказскими реалиями, однако использовали отдельные зарисовки, полотна и т. п. для иллюстрирования исследуемых ими регионоведческих сюжетов периода первой половины — середины XIX в. Впрочем, трактовка определенных эпизодов отношений представителей Север-

Рис. 1. Панорама Ф.А. Рубо «Штурм Ахульго» (фрагмент).

ного Кавказа и Большой России, к которым обращались специалисты по изучению указанной темы, служила недавно предметом комментирования одного из авторов [6].

Ныне мы посчитали возможным обратиться к одному из наиболее известных полотен выдающегося художника-баталиста Ф.А. Рубо «Штурм аула Ахульго», фрагмент которого неоднократно использовался многими историками-кавказоведами в качестве яркой иллюстрации к истории упорной и ожесточенной «Кавказской войны», в особенности, противоборства российской армии и вооруженных формирований имамата Шамиля (рис. 1).

Оно уже привлекло внимание исследователей, рассказавших о трагической судьбе самой поистине монументальной (120 х 12 м) панорамы, от которой уцелело только несколько фрагментов [7]. В 1990-е годы, благодаря усилиям П.С. Гамзатовой — тогдашнего директора Дагестанского музея изобразительных искусств — и сту-

Рис. 2. Н.Н. Соломин. Эскиз-копия панорамы «Штурм аула Ахульго». Холст, масло, Фрагмент. 1997.

дии военных художников им. М. Грекова, специализирующейся на батальной живописи, во главе с заслуженным художником России Н.Н. Соломиным, была создана копия-эскиз панорамы «Штурм Ахульго» (рис. 2) о России [8]. Описывая основные мизансцены этой монументальной картины, авторы уже обратили внимание на группы женщин, принимавших непосредственное участие в драматическом столкновении горцев с российской армией. «Ахульго, частью подожженный, оставлен воюющими горцами, оставшиеся же женщины и старики столпились на плоских крышах, поддерживают своих, стреляя в наших сверху. Одни женщины, полуобнаженные, с разметанными волосами, с диким видом бросают камни во врагов, другие в исступлении швыряют детей прямо на штыки русских и бросаются затем сами с воплем в обрывы, третьи, более спокойные, стараются спасти детей и скарб, разными трудными спусками ища выхода из этого ада. Главный бой кипит пе-

Рис.3. Панорама Ф.А. Рубо «Штурм Ахульго» (фрагмент).

ред мостом, который уже подожжен. Воинственные жены стараются остановить некоторых бойцов, обратившихся в бегство, принуждая их возвратиться в бой» [9]. На наиболее популярном у современных историков фрагменте панорамы, который отображает приблизительно центральную часть полотна, хорошо видна группа женщин из 9 человек. Она располагается у края левой части панорамы, в его середине (рис. 3).

Весьма любопытно, что в дореволюционной литературе мы встречаем описание участника сражения у Ахульго, русского офицера Дубровина, очевидца событий, которое во многом совпадает с только что приведенным. К сожалению, мы не можем использовать оригинал воспоминаний Дубровина, и приводим отрывок из них, переопубликованный не так давно в сборнике «История горских народов Кавказа», вышедшем в сериале «Народы Кавка-

за: страницы прошлого». Сборник издан под эгидой Ученого совета Северо-Кавказского государственного института искусств. На с. 58 сообщается, что Дубровин участвовал во взятии Ахульго, после чего приводится следующий текст: «Это произошло незадолго до окончания войны (? — *Авт.*). Я вскарабкался во главе моего батальона на крутую тропу. Над нашими головами прекратили грохотать пушка. Ветер рассеивал тучи дыма, которые поднимались как занавес, между нами и крепостью, когда мы заметили на плато, нависшем над бездной, отряд женщин. Они знали, что победа не на их стороне, но гордо решив скорее погибнуть, чем оказаться в руках русских, они катили огромные каменные блоки с вершины скалы и бросали их на врага. (...) В пылу борьбы они сбросили свои туники, их волосы развевались в беспорядке на их полуоголенных плечах. Я увидел молодую женщину, остававшуюся до пор спокойной наблюдательницей происходящего, но вдруг оторвавшую от своей груди младенца, цеплявшегося за нее, и, разбив его голову о камень, бросившуюся в пропасть и устремившуюся за ним вместе со своими спутницами» [10].

Нас не должно смущать то, что Дубровин описывает увиденное, как случившееся «незадолго до окончания войны». Взятие Ахульго 3 сентября 1839 г. не было окончанием «Кавказской войны». Но участники событий воспринимали завершение экспедиции в качестве такового. Практически неприступный Ахульго — центр имамата на тот момент — был взят, горцы, ценой больших потерь со стороны российской армии, потерпели поражение, Шамиль бежал в Чечню. Командующий Кавказской линией генерал-адъютант П.Х. Граббе был совершенно уверен в том, что взятие Ахульго окончательно подорвало политическое и религиозное влияние Шамиля [11–12].

Вряд ли стоит ожидать буквального совпадения всех деталей полотна Рубо, и увиденного Дубровиным. Последний видел только часть сражения, художник же, создававший свое творение спустя пятьдесят с лишним лет после описываемых событий, пользовался, разумеется, информацией различных участников «Кавказской войны» и, вероятно, самого штурма Ахульго. Возможно, Рубо озна-

комился и с опубликованными воспоминаниями ветеранов военных действий. Вновь воссоздавая картину происходивших в 1839 г. событий, художник выступал в роли их «реконструктора» и мог располагать «фигурантов» своего произведения, как с учетом реалий сражения, так и в соответствии со своим замыслом. Одна из групп групп женщин-горянок, участвующих в сражении, изображение которой нам доступно, передана весьма реалистично, близко к тому, что описывал Дубровин [13].

В то же время, очевидно, что художник изобразил часть горянок даже с еще более обнаженной верхней частью туловища, чем это видно из текста Дубровина. Возможно, что это художественное преувеличение самого Ф.А. Рубо, который, тем самым, стремился передать драматизм происходивших событий. Так или иначе, здесь возникает вопрос о том, что послужило причиной для того, чтобы горянки предстали перед неприятелем и своими соплеменниками столь легко одетыми, ибо максимальное сокрытие фигуры является одним из непременных условий бытового поведения мусульманской женщины по шариату [13], что подтверждается материалами по Дагестану, особенно середины XIX в. — того времени, когда имамы осуществляли жесткую шариатизацию [14]. Впрочем, известный исследователь традиционной одежды народов Северного Кавказа, д.и.н. З.В. Доде отмечает, что, например, покрытие женских волос характерно для многих традиционных культур. При этом она ссылается на Ю.Ю. Карпова, который на северокавказских материалах пришел к выводу о том, что манипуляции с женскими волосами направлены на упорядочение женской стихии и достижение контроля над ней [15]. Иными словами, невозможно связывать скрывание частей женской фигуры только с мусульманскими обычаями, но следует учитывать и глубоко местные корни таких практик.

И коль скоро это так, то укорененность социального контроля над женской одеждой и головным убором — это дело, связанное с многовековыми предписаниями. Так в каком же случае их можно было их так радикально нарушить?

Полагаем, что дагестанских женщин к этому подтолкнула сама обстановка сражения. Широко известно о том, что горянки,

снимая с головы платок, мирили кровников и прекращали кровавые схватки. Подполковник русской армии Л. Штедер (свидетельство второй половины XVIII в.) писал: «когда они (т.е. женщины. — *Авт.*) вмешиваются в кровавые схватки *с криками и распущенными волосами* (курсив наш. — *Авт.*), то все, пристыженные, вкладывают сабли в ножны и расходятся до более благоприятных обстоятельств» [16]. Об этом же обычае, бытовавшем у черкесов, писал в начале XIX в. и С.М. Броневский: «Жещина без покрывала с распущеными волосами бросается в середину толпы сражающтхся, и тотчас останавливается кровопролитие, тем решительнее и скорее, буди она пожилых лет и знатного рода... всякое мщение, наказание, а тем более убийство не может быть произведено в присутствии женщин и отлагается до другого случая» [17]. Не попытку ли осуществить подобное мы видим в описании Дубровина и на панораме Ф. Рубо? Причем, попытку, которая, совершенно очевидно, не удалась. Российские военные не были знакомы с указанным обычаем.

И вот здесь можно предположить уже следующее. Сражение воспринималось его горскими участниками, как решительная, последняя битва за свою свободу, которая не терпит мирного исхода, а плен или переход на сторону неприятеля совершенно невозможны (женщины не только стреляли и бросали камни, но и убивали собственных детей, кончая затем самоубийством). Обнажение женщинами части своей фигуры, еще более подчеркнутое художником, чьей задачей было максимально заострить накал столкновения двух сторон, является, на наш взгляд, не только, да и уже не столько попыткой остановить кровавый бой, сколько отчаянной демонстрацией своей решимости погибнуть. По сути дела, участницы сражения представая полуобнаженными перед сражающимися, показывали свое желание умереть, но не сдаться. Знакомство с отдельными фрагментами картины указывает на весьма интересные детали. У одной из женщин (рис. 3), находящейся почти в самой гуще сражающихся, в полном противоречии с шариатом, открыта грудь, но зато голова укрыта платком и задрапирована нижняя часть лица. До того, как эта горянка вступила в бой, она, судя по всему, носи-

ла *никаб,* который предполагает наличие только полосы для глаз. Все остальное ее тело было укрыто одеждой. У остальных участниц битвы на данном участке поля боя торсы обнажены, лица открыты, платки либо сброшены, либо полоской охватывают волосы. Как видим, не все участницы стихийной демонстрации известного у горцев обычая, решались максимально открыть себя взору посторонних зрителей даже в экстремальной обстановке.

Сравнение же поведения дагестанских женщин в столь экстраординарной ситуации, как бой с неприятелем, с соседней Чечней, указывает на то, что на Северо-Восточном Кавказе существовали определенные отличия в модели поведения женщин, оказавшихся в боестолкновении.

Ярким примером для этого служит яркая драматическая история с взятием и уничтожением аула Дады-Юрт в Чечне в 1819 г. [18]. Немало женщин, оказавшиеся «на линии огня», бросались на солдат с кинжалами, т. е. оказывали вооруженное сопротивление также, как и при штурме Ахульго, другие закалывались ножами или бросались в горящие дома и погибали там, т. е. кончали самоубийством, как и жительницы Ахульго [19–20]. Разница была в том, что последние кидались в пропасти (поскольку таковые находились совсем рядом), что соответствовало принятым «правилам» суицида в горном Дагестане, когда женщины, кончавшие с собой, вешались, травились, либо находили смерть на дне ущелья [21]. Но еще одним «действенным» способом самоуничтожения для плененных жительниц Дады-Юрта оказалось то, что 46 из них, при перевозке пленных через Терек, бросились в реку, захватив с собой конвоиров.

Во всей этой связи явственно обращает на себя внимание не только еще более яростное сопротивление женщин-чеченок, которые дождались подходящего момента для мести при переправе через Терек. Мы видим, что они не прибегали к такой яркой демонстрационной форме примирения (и самоотречения), к которой прибегли дагестанки, как бросание платка, распускание волос и т. п. Вероятно, местные жительницы знали, то, о чем были не осведомлены их дагестанские соседки: русские солдаты не знакомы с

горскими обычаями. Иначе было много лет спустя в период первой чеченской кампании. Чеченки бросали под танки свои платки. Боевые машины не останавливались. Далекие потомки российских солдат XIX в. по-прежнему ничего не ведали о романтическом и отчаянном жесте кавказских женщин [22].

Подводя итоги, нужно сказать, что та страсть, с которой сражались женщины Дагестана и Чечни, указывает как на их высочайший патриотизм и мужество (слово, вроде бы не характерное для женщин), так и на степень яростной отчужденности от того мира, который явственно наступал на горский мир, неотвратимо включая его в себя и существенно преобразуя затем все стороны горской действительности. Впрочем, несмотря на сильнейшие преобразования жизни северокавказцев, ставших неотъемлемой частью Большой России, и в целом, российской цивилизации, поведение некоторых современных женщин-горянок («шахидки», «черные вдовы» и т. д.), являющихся орудием в руках враждебных, экстремистских, сил, указывает на то, что процесс интеграции автохтонных обществ в состав Российского государства не исчерпал еще полностью своего драматического потенциала и не может считаться окончательно завершенным, неся в себе «фронтирные» черты. Это указывает на серьезные задачи в социально-экономическом и культурном развитии региона, который все больше погружается в пучину демодернизации, роста патриархально-клановых структур и доминирования иррационализма, осложненных дерусификацией Северного Кавказа. Только масштабные, комплексные преобразования жизни северокавказцев, наряду с преодолением всей Россией деиндустриализации, депопуляции и обретением ей общегосударственной идеологии, способной дать надежду на будущее, смогут, наконец, полностью реализовать принципы «российскости» [23] и направить северокавказский регион на путь окончательного органического слияния с единым и могучим потоком российской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов Б.С. Пояснения к иллюстрациям // Русские писатели в нашем крае: Сб. ст. — Грозный, 1958.
2. Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ: Обзор литературы за 1976–85 гг.: итоги и перспективы изучения // История СССР. — 1987. — №3. — С. 98–99; Он же. Поселения и жилища Чечено-Ингушетии в живописи XIX века (этнографический комментарий) // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1984.
3. Виноградов В. Б. Памяти Вечная нить. — Грозный, 1984.
4. Виноградов В. Б., Чернова Л.Н. История Кубани в отечественном и зарубежном изобразительном искусстве (досоветский период). — Армавир,1995.
5. Хлудова Л.Н. Творчество российских художников как интегративный фактор в реальностях Северо-Западного Кавказа (XIX в.) // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. Материалы аспирантско-преподавательских семинаров. Вып. 2. — Армавир, 1999. — С. 14–16;
6. Дударев С. Л. Некоторые итоги дискуссии // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18 семинара Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. — Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. — С. 61–67.
7. http: // djamilu.livejournal.com/2999.html
8. Панорама Ф.А. Рубо «Штурм аула Ахульго» // http: // www.dmii.ru/subcat002.html ; http: // www.dmii.ru/i$L2ltY.dlcy9nY.xsZXJ5L3J1Ym8vNi5qcGc=.
9. Там же.
10. История горских народов Кавказа. — Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. — С. 58.
11. История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 г.). — М.: Наука, 1988. — С. 147.
12. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 272.
13. О большом реализме панорамы говорит, например, ее следующая частная деталь. На рис. 3, с группой сражающихся женщин, позади нее видна сакля, веранда которой и располагающаяся ниже плетневая конструкция обтянуты холстинами и кошмами (?). Смысл такого покрытия раскрывает нам современная «военная этнография», доступная в Сети (Youtube, репортажи ANNANews). В нынешних сирийских городах боевики подобным же образом используют ковры, паласы и т. п. из разрушенных и брошенных квартир для того, чтобы скрыть свои перемещения от огня правительственных войск.
13. Приведем две выдержки из Священного Корана: «И скажи [женщинам] верующим (...) пусть набрасывают свои покрывала на разрезы на груди (...) разве только своим мужьям, или своим отцам, или отцам своих мужей, или своим братьям, или сыновьям своих братьев, или своим женщинам, или тем, чем овладели их десницы, или детям, которые не постигли наготы женщин... (К.: 24.31:31); «О пророк, скажи твоим женам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытают они оскорбления... (К.: 33: 59: 59).
14. Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана XIX – начала XX в. — М.: Наука, 1981.
15. Доде З.В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в костюме народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. — №4. — 2013. — С. 140–141.
16. Там же. — С. 140.
17 Броневский С.М.] Новейшия известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. — СПб., 2004. — С. 171.

18. О причинах взятия аула дважды пишет Джон Баделли, автор, которого трудно заподозрить в симпатиях к России: «Жители аула в основном промышляли разбоем, но столь умело заметали следы своих грязных дел, что очень редко удавалось доказать их вину... Солдаты захватили богатую добычу, поскольку жители деревни, которые в основном жили за счет набегов и не упускали возможности «пощипать» русские поселения, были весьма зажиточны» (Баделли Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. — М.: Центрполиграф, 2011. — С. 110–111).
19. http: // checheninfo.ru/infoportal/chechanciklop/istoriya/noveisheevr/3944-%D0% A2% D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20 %D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B3%20%D0% 94% D0% B0% D0 %B4%D1%8B-%D0%AE%D1%80%D1%82%D0%B0..html.
20. Баделли Д. Завоевание Кавказа русскими. — С. 111.
21. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. — СПБ.: Петербургское востоковедение, 2007. — С. 193.
22. Доде З.В. Указ. соч. — С. 141.
23. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. — №45. — 2007. Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. В.В. Черноус. — Ростов н/Д, 2007. — С. 88–101.

В.А. Дзыба (г. Москва)

ЧЕРКЕССКИЙ ПОЛК КАВКАЗСКОЙ ТУЗЕМНОЙ КОННОЙ ДИВИЗИИ (боевое сотрудничество горцев и русских в Первой мировой войне)

23 августа 1914 г. из горцев Западного и Восточного Кавказа начала формироваться Кавказская туземная конная дивизия трехбригадного состава, из шести полков. Дивизии были приданы передовой перевязочный отряд, 22-й передовой санитарный отряд, 2-й конно-подрывной отряд, пулеметный отряд Балтийского флота, команда связи при штабе дивизии, автомобильный и мотоциклетный отряды.

Николай II назначил начальником дивизии младшего брата, генерал-майора Великого князя Михаила Александровича. В первую бригаду вошли Кабардинский и Дагестанский полки; во вторую — Чеченский и Татарский; в третью — Черкесский и Ингушский полки.

Черкесский конный полк сформирован из 4-х сотен: 1-я — из черкесов Екатеринодарского отдела, 2-я — из черкесов Майкопского отдела, 3-я — из абазин, черкесов, ногайцев и карачаевцев Баталпашинского отдела, 4-я — из абхазов Сухумского отдела и частично из причерноморских адыгов.

Командиром полка назначен подполковник, князь А.З. Чавчавадзе, командиром 3-й сотни-ротмистр Е.И. Озаровский, а офицерами сотни: поручик Л.В. Марданов, сотник С.В. Максимович и прапорщик, князь Мурза-Бек Лоов. В сотню младшими офицерами были назначены абазины: поручик Пшемаф Абуков и прапорщик Барасби Лиев, а также юнкер Басарби Лоов, урядник Джамалдин Шуков, всадники Крым Айсанов, Магомет-Гирей Лоов, Мухаджир Лиев, Магомет Хаупшев.

В Дударуковском ауле, 13.09.1914 г., в присутствии руководства Баталпашинского отдела и горской знати, кадии Исса Гонов

и Джафар Хачиров привели сотню к присяге. Под командованием прапорщика М.-Б. Лоова подразделение прибыло 17 сентября в военный лагерь под Армавиром.

Пройдя курс подготовки, всадники получили огнестрельное оружие: трехлинейную винтовку, револьвер казачьего образца и запас патронов; а также единую форму одежды: серые черкески, черные бешметы, рыжие папахи и красные башлыки, погоны красного цвета, с литерами «ЧП» («Черкесский полк»).

Полк 6 октября железнодорожным эшелоном прибыл в г. Проскуров Подольской губернии, где предстояло завершить боевую подготовку.

В первый бой 3-я сотня вступила 8 декабря, с австрийской пехотой. За геройство, проявленное в декабрьских боях, Георгиевскими крестами награждены: абазин, урядник Крым Айсанов; черкесы, юнкеры Асланбек Шарданов и Зачерей Хапачев.

За самоотверженные действия и героизм в февральских боях у с. Цу-Бабино и г. Станиславова, в Черкесском полку к Георгиевским крестам был представлен 51 всадник, в т.ч. абазины, корнет Ибрагим Лафишев и прапорщик Барасби Лиев, а к Георгиевским медалям — 32 военнослужащих. По сложившейся в армии традиции, и по наградному Положению, за отдельные периоды боев, на сотню полагалось 5, а всего на полк — не более 20-ти крестов и медалей.

Командиры других воинских частей, пораженные массовым героизмом, и чтобы отметить всех героев, выделили Черкесскому полку предназначенные для их частей медали и кресты: командир 11-го Армейского корпуса выделил 20 наград, командир 2-го кавалерийского корпуса — 24, командующий 8-й армии — 40, и таким образом, на каждую сотню Черкесского полка приходилось уже по 21-й медали и по 5 крестов, чего в российской армии до этого времени не было.

О февральских боях М.-Г. Крымшамхалов, всадник 3-й сотни Черкесского полка, написал своему дяде, полковнику Канамату Агирову, который опубликовал статью в «Кубанских областных ведомостях»: «...Полк наш принужден был выбить врага из деревни

Бабино...Мы пошли в атаку, несмотря на страшный орудийный и ружейный огонь. Австрийцы не выдержали такого напора, и, бросив свое вооружение, бежали... Начальник дивизии... благодарил нас и обещал наградить полк Георгиевским знаменем... В тот день, и всегда, наши черкесы идут на врага с большой храбростью. В коноводах никто не хочет оставаться.... Лошадей бросали на пленных австрийцев, а сами шли в атаку, не зная страха...» [1].

Участник этих боев, корнет 3-й сотни Черкесского полка, И.П.Жуков, писал: «...Наконец, мы дождались..., нас передвинули на равнину..., и тут наши горцы показали, что они действительные сыны своих предков и удалого Кавказа. 15 февраля 1915г. наш полк первый раз пошел в атаку в конном строю. Да, это была атака!

...Горцы неслись на своих конях, как ураган, враг бросился из... окопов в хаты, но и тут горцы, спешившись, с кинжалами в руках, находили врага. Атака эта названа... безумной, небывалой в военной истории, но красивой, не поддающейся описанию...» [2].

В одном из весенних боев 1916 г. на р. Днестре, всадники дивизии пленили унтер-офицера Австро-Венгерской Армии, Иосипа Броз Тито, будущего руководителя Югославии, который написал о своем пленении: «...На том участке фронта, где находился мой батальон, русские были остановлены..., но соседний батальон не устоял. Здесь был осуществлен прорыв черкесской конницы, их «дикой дивизии». Черкесы окружили нас, спешились, и с пиками в руках атаковали с тыла наши окопы...Мы даже не заметили, как они появились и ринулись прямо в наши окопы. Один из них, с двухметровой пикой, кинулся на меня, однако я, ... отразил нападение штыком. Вдруг я почувствовал страшный удар в спину. Обернувшись, увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные, черные глаза под густыми бровями...» [3].

В декабре 1914 г., для восстановления штатной численности погибшего воинского состава 3-й сотни Черкесского полка, в Баталпашинском отделе была сформирована 1-я запасная конная сотня из абазин, черкесов, карачаевцев и ногайцев.

Штабс-ротмистр М.А. Газданов, был командирован с фронта, из Черкесского полка, для комплектования этой запасной сотни,

трехмесячного обучения, экипировки и доставления в действующую армию.

В соответствие с «Именным списком нижним чинам Черкесской запасной конной сотни Баталпашинского отдела» [4], в марте 1915 г., в 3-ю сотню Черкесского полка, на действующий фронт, прибыли 53 всадника и урядника, в т.ч. абазины: герой русско-японской войны, урядник Мустаф Дзыба из Кувинского аула; Салех Дахов и Каплан Шавтыков из Бибердовского аула; Айса Тлисов и Ираджиб Адзинов из Шахгиреевского аула, Хамит-Бей Лоов из Лоовско-Кумского аула, Ислам Гедугов, Джамальбий Каблахов и Мыза Хачуков из Дударуковского аула, Хасанбий Гумжачев и Мурат Джанчеров из Лоовско-Зеленчукского аула, Абдул-Газиз Кишмахов и Давлет Кенжев из Лоовско-Кубанского аула.

Вновь прибывшие на фронт в составе запасной сотни абазины рвались на передовую, чтобы принять участие в боевых действиях и показать свои мужество и храбрость.

Так, 30 марта 1915 г. командир только что прибывшей на фронт Черкесской запасной сотни, штабс-ротмистр М.А. Газданов, под напором абазин, пишет рапорт командиру Черкесского конного полка, полковнику А.З. Чавчавадзе, что прибывшие всадники запасной сотни, Джамальбий Каблахов и Хамит-Бей Лоов, сын полного Георгиевского кавалера, прапорщика М.К. Лоова, просятся досрочно, в порядке исключения, на передовую, и он, как командир запасной сотни, рекомендует их, как наиболее подготовленных, направить на неделю на передовую. Однако командир полка 31 марта рассмотрел рапорт и написал: «... успеют еще повоевать...» [5].

Абазин М.-Г. Агиров в октябре 1915 г., в 17-летнем возрасте, являясь выпускником Владикавказского кадетского корпуса, используя связи отца, известного во всей Черкессии своим мужеством и храбростью, полковника Канамата Агирова, оказался на фронте, в Кавказской туземной конной дивизии, и командир 2-й сотни Черкесского полка, штабс-ротмистр Клыч Шаханович Султан-Гирей, представил командиру полка, полковнику А.З. Чавчавадзе, рапорт: «...Прошу зачислить в полк всадником-«охотником» из

Урядник Мустафа Исламович Дзыба перед отправкой на фронт в Черкесский конный полк (г. Армавир, 1915 г.).

вольноопределяющихся 1-го разряда, кадета 7-го класса Владикавказского кадетского корпуса, Магомет-Рауфа Агирова, без расходов от казны...», он был зачислен во 2-ю сотню Черкесского конного полка, и несмотря на возраст, показал себя отважным воином и настоящим командиром.

Приказом от 02.09.1917 г. командующего 8-й Армии, М.-Р. Агиров награжден золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» за бой 26.06.1917 г. у станции Циенжув на Юго-Западном фронте, когда он был «...направлен .... в разведку со своим взводом в 15 всадников, и под действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника вошел с ним в непосредственное соприкосновение, произвел рекогносцировку местности, установил силы врага и его намерения, потеряв одного убитым и трех ранеными..., чем содействовал общему успеху атаковать противника в лесу, выйти в тыл... и тем самым выручить... попавшую в окружение... 19-ю пехотную дивизию...», указано в наградном листе.

В соответствии с «Именным списком нижним чинам и всадникам 2-й Черкесской запасной конной сотни Баталпашинского отдела», в августе 1915 г. в Черкесский полк прибыли 148 всадников, из них в 3-ю сотню зачислены абазины Мурзабек Абитов, Абдул-Кадыр Аргунов, Каспот Губжоков, Джамбот Балов, Джандаров Амерби, Лафишев Умар, Лоов Аслан-Мурза, Лоов Магомет-Гирей, Асхат Лиев, Айда Лиев, Мурза-Бек Лаурсанов, Адиль-Гирей Кагов, Идрис Камбиев, Али Коков, Айса Озов, Узеир Хачуков, Хамит Цекисов [6].

Из Армавира в Черкесский полк 08.03.1916 г. прибыла следующая запасная сотня 3-й очереди, в составе 112 всадников, из них 27 зачислены в 3-ю сотню, третью часть их составляли абазины.

31 мая 1916 г. Черкесскому полку, в составе 41-го Армейского корпуса, было приказано захватить село и железнодорожную станцию Окно.

Во время конной атаки, первыми в село, во главе с штабс-ротмистром, итальянским маркизом Г.Ф. Делли Альбицци, ворвались урядник 3-й сотни Мустаф Дзыба, всадник Магомет-Гирей Лоов, ставший впоследствии поручиком и командиром Отдельной Абазинской сотни 3-го Черкесского коннного полка в белогвардейском движении, и урядники Алджирей Бжегаков и Исхак Ачмиз, захватившие трофеи: эшелон с каменным углем, интендантские склады, несколько пулеметов, и пленившие 157 австрийцев и венгров. Как сказано в приказе о награждении, «...увидев взводного офицера и двух всадников, окруженных неприятелем, бросились и изрубили всех врагов, чем спасли жизнь своего офицера...».

За эти подвиги, приказом по 41-му Армейскому корпусу Мустаф Дзыба, Магомет-Гирей Лоов, Алджирей Бжегаков и Исхак Ачмиз были награждены Георгиевскими крестами.

15 сентября 1916 г., по приказу по 41-му Армейскому корпусу, награждены двести всадников дивизии, проявивших с 15 по 30 июля 1916 г. выдающееся мужество и храбрость в боях за д.д. Езераны, Грушка, Хриниовцы, Пшеничники; г. Тлумач и Станиславов: причем, 108 из них — Георгиевскими крестами, 92 — золотыми и серебряными медалями «За храбрость». Георгиевским крестом 2-й сте-

пени награждены и два абазина: ст. урядник Крым Айсанов и мл. урядник Джамальбий Каблахов, ставший за год войны полным Георгиевским кавалером.

Подводя итоги июньских боев, Д.П. Багратион, указал в приказе: «...Считаю особенно приятным...объявить благодарность всем чинам дивизии за высоко честное отношение к долгу службы в ночном бою 29.06.1916 г. под г. Калушем, в центре которого части других войск, под воздействием...вина, пришли в расстройство, и вместо боя с врагом, постыдно занимались грабежом, насилием женщин и пьянством...

Высокоразвитое чувство долга службы перед Отечеством в частях Кавказской дивизии и воинская дисциплина, присущая сынам Кавказа и их боевым соратникам по дивизии, русским кадровым офицерам и пулеметчикам, и донским казакам 8-го дивизиона, нашли справедливую оценку в благодарности, выраженной командиром корпуса 12-й Армии, генерал-лейтенантом В.А. Черемисовым, который сказал мне: «...Я был спокоен за оборону г. Калуша, когда получил донесение, что кавказцы его защищают...».

Благодарственное письмо пришло и от командира 47-й пехотной дивизии, генерал-майора С.Н. Каменского, с которой Черкесский полк взаимодействовал в июльских боях: «...Приношу Вашему сиятельству, штабу и всем чинам доблестной дивизии благодарность...за отличную боевую работу 4 и 5 июля 1916 г., которой я восхищен и от души завидовал...Могу высказать только сожаление, зачем так скоро прекратилась наша совместная боевая работа... Да хранит Вас и Вашу дивизию Бог и да покроет всех Вас неувядаемой славой в предстоящих боях...».

В марте 1917 г., после отдыха, дивизия была переведена в г. Бендеры, а через 10 дней передислоцирована в с. Хреновка, около города Каменец-Подольск, где 18 марта приняла присягу на верность Временному правительству.

В начале июня дивизия включена в состав 8-й Армии, а 12 июня, юго-восточнее г. Коломыя, состоялся смотр дивизии вновь назначенным командующим 8-й Армии, генерал-лейтенантом Л.Г. Корниловым.

Потрясенный боевым духом, внешним видом всадников и конским составом, Корнилов заявил: «...Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть Вас в таком изумительном порядке. В Вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска... Когда вернетесь к себе на Кавказ, передайте от меня поклон ...Вашим отцам, что сумели воспитать и вдохнуть в Вас ту внутреннюю дисциплину, что предохраняет Вас от развала. Сейчас я зову Вас на ратный подвиг и убежден, что славная история Вашей дивизии обогатится еще многими страницами...». Багратиону командарм Л.Г. Корнилов заявил: «...Я, наконец, дышал военным воздухом!..».

С 18 июня дивизия вступила в боевые действия в районе д. Блудники. Всадники 3-й сотни, в т.ч. Узеир Хачуков, награжденный за этот бой золотой медалью с надписью «За храбрость», 27 июня первыми переправились через реку Ломницу и атаковали д. Блудники. Несмотря на ураганный огонь противника, и понесенные при переправе потери, сотня, внезапностью и удалью лихого налета произведя панику, достигла удара холодным оружием, и работая пикой и шашкой, истребляя холодным оружием сопротивлявшихся и бегущих, сбила две цепи противника, и принудив преобладающего численностью противника к бегству, захватила д. Блудники... Было захвачено около 60 единиц стрелкового оружия и пулеметы, взято в плен 50 спешенных венгерских гусар.

Командир 56-й пехотной дивизии, с которой взаимодействовал Черкесский полк, в приказе отмечал: «...Героями дня справедливо признать... всадников 3-й (баталпашинской) сотни..., которые с отменной отвагой атаковали перед самой темнотой через р. Ломнице противника в д. Блудники... От лица службы благодарю доблестных всадников 3-й сотни Черкесского полка...».

Полки 1-й бригады Кавказской дивизии и сотни Черкесского полка 4-го июля, совместно с батальоном Юхновского полка, «...блестяще атаковали наступающего неприятеля и спасли положение 47-й пехотной дивизии...». По этому поводу Багратион получил телеграмму начальника штаба Юго-Западного фронта, генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина: «...За...выдающуюся хра-

брость во время атаки 4-го июля..., Главнокомандующий жалует на каждую сотню, принимавшую участие в атаке, по десять Георгиевских крестов...», опять-же небывалый до этого случай награждения такого количества военнослужащих за один бой. К сожалению, наградные приказы по этому бою в архивах не сохранились.

8-го июля командующим Юго-Западным фронтом назначен генерал-лейтенант Л.Г.Корнилов, который должен был остановить отступление русских войск. По его приказу, боеспособная Кавказская дивизия была направлена на помощь 11-й Армии.

Дивизия находилась в пути 9 дней, «...совершая его среди панически отступавших, дезорганизованных пехотных передовых и тыловых частей. В этом хаотическом отступлении ярко проявилось значение дисциплины в полках Кавказской дивизии, стройное движение которой вносило успокоение в панические элементы нестроевых и обозов, к которым примыкали дезертиры пехоты 12-го Армейского корпуса, с позиций...», писал Д.П. Багратион.

На ночевке дивизии в г. Нижневе, где находился штаб 33-го Армейского корпуса, к Д.П. Багратиону обратился комендант штаба с просьбой дать ему три сотни горцев «...для охраны штаба от возможного нападения дезертировавшего с позиции пехотного полка...». «...Я ответил ему, — укажет в приказе Багратион, — что одно присутствие здесь кавказцев обуздает преступное намерение дезертиров, а если понадобится, то сотни явятся по тревоге. Моя уверенность в чисто военной репутации доблестных полков дивизии оправдалась, и дезертировавший пехотный полк преступной воли не проявил...».

Л.Г. Корнилов готовил поход верных ему войск на Петроград, по его приказу, с 10.08.1917г., от станции Гречаны у г. Проскурово в Карпатах, отходили эшелоны с полками Кавказской дивизии, в Псковскую губернию, на станцию Новосокольники, и далее, на станцию Дно.

Ночью, 29 августа, эшелоны с Черкесским и Ингушским полками, прибыли на станцию Вырица, и до Петрограда оставалось 60 километров, но впереди железнодорожные пути были разобраны. Утром, 29 августа, командир Черкесского полка, полковник Султан

Крым-Гирей, принял прибывшую из Петрограда делегацию членов Всероссийского мусульманского Совета в составе: председателя исполкома Всероссийского Совета (милли-Шуро) Ахмеда Цаликова, Айтека Намитокова, Шамиля Мухxамад-Захид, Кушбека, представителя грузин Мачабели, которые просили кавказцев не идти на Петроград, разрешать внутренние раздоры России.

Полковник Султан Крым-Гирей заверил, что свой полк в Петроград не поведет, с этим решением согласились командиры других полков и начальник дивизии Д.П. Багратион.

Новый командир кавказцев, генерал-лейтенант П.А. Половцев, 13.09.1917 г. издал приказ: «...Через несколько дней мы все уйдем на Кавказ... По Кавказу и по геройской службе Вашей на войне знаю ваш характер: рыцарски благородный, заступник обиженного, гордый своей честью, таков облик представителей Кавказа, в командование которыми я с гордостью вступил... Вы должны помнить, что на Вас будут смотреть, как на образец истинных воинов... Слава о ваших боевых подвигах отметила Вас среди народа. По Вас будут учиться дисциплине и порядку. Зная Ваш нрав и самолюбие, уверен, что Вы явите пример этой дисциплины, покажете себя достойными Вашего боевого прошлого...» [7].

В первых числах октября 1917 г. 3-я (баталпашинская) сотня прибыла в Баталпашинск и еще некоторое время функционировала как воинское подразделение; проводились учения и маневры.

Всего в Первой мировой войне сражались более 40 абазинских воинов, в т.ч. 11 офицеров, 7 младших офицеров и свыше 20 всадников: поручики Пшемаф Абуков, Магомет-Рауф Агиров, Шахим Трамов; подпоручик Аслан-Мурза Егибоков; прапорщики Камбулат Аджиев, Крым Айсанов, Барасби Лиев, Бек-Мурза Лоов, Хан-Гирей Цекисов; корнет Ибрагим Лафишев; урядники Атажуко Абуков, Ахмет Лафишев, Мустаф Дзыба, Джамалдин Шуков; юнкеры Джамальбий Каблахов, Мухаджир Лиев; всадники Ираджиб Адзинов, Джамиль Дармилов, Салех Дахов, Шерембий Заурумов, Шугаиб Лаурсанов, Магомет-Гирей Лоов, Хамит-Бей Лоов, Айса Озов, Исхак Пазов, Амербий Псху, Бекмурза Тамбиев, Айса Тлисов, Каплан Шавтыков, Магомет Хаупшев, Узеир Хачуков, Мирза

Хачуков, Султан-Гирей Хачуков.

За выдающиеся подвиги, орденом «Святой Анны» с надписью «За храбрость» 3-й и 4-й степеней награжден подпоручик Аслан-Мурза Егибоков; поручик Магомет-Рауф Агиров награжден высшей российской наградой-золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость».

Георгиевскими крестами награждены: юнкер Джемальбий Каблахов, ставший полным Георгиевским кавалером; прапорщик Барасби Лиев и корнет Ибрагим Лафишев — тремя крестами каждый; подпоручик Аслан-Мурза Егибоков и прапорщик Крым Айсанов — двумя крестами каждый; одним крестом награждены поручик Пшемаф Абуков, прапорщик Камбулат Аджиев, урядники Ахмет Лафишев, Мустаф Дзыба, Джамалдин Шуков, юнкер Басарби Лоов; всадники Магомет-Гирей Лоов и Магомет Хаупшев.

Таким образом, представленные в статье факты военного содружества абазин и других народов многонациональной Российской империи, имевшие место в годы Первой мировой войны, являются важной составляющей межэтнических взаимодействий, протекавших в пределах нашего государства в дореволюционный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кубанские областные ведомости. — Екатеринодар, 1916. — №22.
2. Кубанский край. — Екатеринодар, 1915. — №71.
3. «Новая и новейшая история». — Москва, 1987. — №4. — С. 110.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 3644, Оп. 1, Д. 8, Л. 394.
5. Там же, Л. 250.
6. Там же, Л. 1094.
7. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. — Москва, 1991.

Н.В. Кияшко (г. Москва)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ РОЛЬ В ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (из истории Ставропольской (Кавказской) епархии)

Состояние современной исторической науки открывает широкие перспективы для исследователя и позволяет чаще обращаться к микроисторическому анализу. Проникнуть вглубь социальных и общественно-политических процессов можно через локализацию человеческих сообществ, что позволяет считать «локальную историю» одновременно направлением и методом исторической науки и порождает перенос историка в поле «новой локальной истории» [1]. Следует отметить, что микроисторический анализ позволяет консолидировать и использовать с наибольшей полнотой творческий синтез дисциплин практически всего гуманитарного цикла.

Ломка и последовательная трансформация стереотипов в отечественной историографии способствуют усилению интереса научного сообщества к жанру персоналий, сочетающегося со стремлением отхода от догматических классовых оценок общественно-политических деятелей дореволюционной истории. Пересматриваются традиционные точки зрения, возвращаются многие забытые или игнорировавшиеся ранее имена.

Последовательный анализ локальных конфессиональных обществ Северного Кавказа позволяет выделить особенности их воздействия на население региона. Учитывая конфессиональную принадлежность населения Ставрополья, Кубани и, в частности, Закубанья, рассмотрим как локус Ставропольскую (Кавказскую) епархию Русской Православной Церкви (далее — РПЦ).

Необходимость интеграции Северо-Западного Кавказа в систему Российской империи обусловила комплекс регулирующих мер по укреплению влияния РПЦ на территории многосоставного

региона. С 1843 г. по 1885 г. на Северном Кавказе управление деятельностью Церкви происходило посредством Кавказской епархии с центром в г. Ставрополе, а затем была образована Ставропольская епархия, в территорию которой вплоть до крушения государственного монархического строя (1917 г.) входили Ставропольская губерния и Кубанская область.

Окончание Кавказской войны (1864 г.) актуализировало проблему обустройства Северокавказского региона, что способствовало интенсивному изучению исторического прошлого данной области, в том числе и истории христианства. Факт принадлежности северокавказских народов в древности к христианскому вероисповеданию должен был способствовать их сближению с православной Россией [2].

Многие представители духовенства Ставропольской (Кавказской) епархии, в том числе и архиереи, внесли большой вклад в сохранение и изучение древних христианских памятников на территории региона. На Северном Кавказе именно священнослужители стояли у истоков зарождения местного краеведения и археологии. Это священники Н.Т. Михайлов, Е.П. Тимофеевский, С. Никольский, Г. Михайловский [3]. Плодом исследований протоиерея Алексея Гатуева явился комплексный исторический очерк истории христианства в Северной Осетии. Благодаря усилиям священников было положено начало изучению истории многих населенных пунктов и местных этносов. Доминантной целью деятельности православного духовенства являлось смягчение конфессиональной дифференциации и последовательное культурное сближение с кавказскими народами. Со стороны государственной власти одним из прекрасных механизмов сближения с Россией явилось привлечение лучших представителей народов к службе в Собственном Его Императорского Величества Конвое [4].

Параллельно с мерами по организации приходского служения духовенства церковным начальством разрабатывался комплекс мероприятий, укрепляющих миссионерскую деятельность в регионе: учреждаются вакансии епархиальных и окружных миссионеров, и формируются новые направления миссий. В период

1860–1870 гг. учащаются случаи религиозной мобильности местного населения в направлении православия [5].

Межкультурная коммуникация этнических общностей Северного Кавказа с российским населением, переселенным на территории Закубанья и Ставрополья, проявляется в процессе взаимодействия горских культур с казачьей культурой. Северокавказское казачество отличалось пестрым этническим составом: наряду с русскими проживали кабардинцы, ногайцы, кумыки, чеченцы, ингуши. Географический фактор взаимодействия культур отразился на материальной и духовной культуре различных групп северокавказского казачества [6].

Квинтэссенцией интеграционной политики явились совместные действия государственной власти и РПЦ в области распространения просвещения среди коренного населения региона. С установлением фиксированного законодательства, санкционировавшего открытие школ духовного ведомства, православное духовенство юридически получает признание своей деятельности в сфере образования.

Можно отметить, что правительством и церковной властью неоднократно предпринимались попытки к учреждению миссии среди калмыцкого населения Ставропольской губернии, которая окончательно была образована лишь епископом Владимиром (Петровым) в конце 1880-х гг. С конца XIX в. приходские священники Кубани, как отмечает С.Н. Рыбко, занялись миссионерством среди мусульманского населения Баталпашинского, Майкопского, Екатеринодарского отделов. Очень часто миссионерские кружки соединялись с местными обществами трезвости [7].

Хочется выделить широкую благотворительную деятельность епархиального духовенства, в которой активное участие принимали кубанские священники [8]. Во время заключительных военных действий в Закубанье приходское духовенство оказывало помощь и покоренным горским народам. На приходские и личные средства священников организовывалась помощь неимущим людям и учреждались местные благотворительные общества.

Таким образом, несмотря на всю противоречивость взгля-

дов, присутствующих в отечественной историографии относительно роли РПЦ в интеграции Северного Кавказа в социокультурное пространство Российской империи во второй половине XIX века, нельзя отрицать совершенно очевидный вклад православного духовенства в развитие различных сторон жизни населения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Струполева Н.С. Перспективы микроисторического исследования церковной истории Северного Кавказа (по материалам церковно-приходских обществ Ставропольской епархии конца XIX – начала XX в.) // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа: Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений. — Вып. II. — Ставрополь, 2012. — С. 288.
2. Горожанина М.Ю. Изучение истории Русской Православной Церкви на Северном Кавказе: основные этапы и специфика // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа: Материалы IV Свято-Игнатиевских чтений. Вып. II. — Ставрополь, 2012. — С. 90.
3. Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. — Екатеринодар, 1911. — С. 399; Виноградов Н., свящ. Священник Евфимий Тимофеевский и его церковно-приходская летопись ст. Холмской // Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1913. Т. 18. — С. 293; Никольский Симеон, прот. Указатель статей неофициальной части Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостей за тридцатипятилетний период времени их издания 1873–1907 годы. — Ставрополь, 1907. — С. 125.
4. Матвеев О.В. Из истории изучения службы казаков в Собственном Его Императорского Величества Конвое // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — №1 (11). — С. 64.
5. Кумпан Е.Н. Религиозная политика Российской империи на Северо-Западном Кавказе: по материалам Российских архивов // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — №6 (16). — С. 41.
6. Волова Л.А. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. 2005. №12. — С. 7.
7. Рыбко С.Н. Деятельность приходского духовенства Кубанской области (в конце XIX — начале XX вв.) // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе: материалы V Международных Свято-Игнатиевских чтений. Вып. III. — Ставрополь, 2013. — С. 218.
8. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 439. Оп. 1. Д. 54. Лл. 1–4.

О.В. Ктиторова (г. Армавир)

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АБАЗИНСКИХ АУЛАХ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

После вхождения Северо-Западного Кавказа в состав России, народы, проживавшие в данном регионе, были вынуждены адаптироваться к новой социальной действительности. Изменения коснулись абсолютно всех сфер жизнедеятельности адыгов, абазин, карачаевцев и др. этносов, которые еще в первой половине XIX в. существовали в условиях традиционного догосударственного социума. Последний отличался весьма своеобразными чертами, коренившимися в характерном для региона хозяйственно-культурном типе — полукочевом скотоводстве, развивавшемся преимущественно в условиях предгорного ландшафта. Традиционным видам хозяйствования в Закубанье сопутствовали раннефеодальные отношения, значительно отличавшиеся от классических «западноевропейских» форм феодализма. Социальные отношения, получившие распространение в регионе, в регионоведении получили понятийную конкретизацию в термине «горский феодализм». Неотъемлемым спутником данного общественного устройства являлся целый комплекс патриархально-родовых обычаев, а также социальная практика домашнего рабства и пленопродавства. Традиционно-бытовая культура народов Закубанья испытывала на себе влияние не только природно-географических условий, системы хозяйствования и местных социально-политических структур; быт горцев также формировался под влиянием религиозных представлений и социально-правовых норм (адатов), действовавших на Кавказе.

В данной статье рассматриваются те преобразования в жизнедеятельности абазинской общины, которые появились одними из первых после присоединения Северо-Западного Кавказа к

России. Трансформация поначалу не затронула концептуальные мировоззренческие представления горцев о религии, семейно-брачных отношениях, социальных и культурных стереотипах [1], сосредоточившись в основном в сфере материально-бытовой и организационно-управленческой.

Постепенно изменялся внешний облик и внутренние основы функционирования поселений. В условиях мирного времени стали излишними оборонительные изгороди аулов; ушли в прошлое малодворные поселения. Тем не менее, скученная планировка, типичная для горских поселений, еще долгое время сохранялась в абазинских аулах пореформенного времени. Л.Я. Апостолов в работе 1897 г. так описывает поселения горцев: «Вид их аулов производит удручающее впечатление. Ни кустика, ни деревца нет внутри аула. Сакли их без окон и печей разбросаны по аулу без всякой симметрии и порядка. Только в последнее время в аулах стали появляться дома как у казаков» [2].

Еще в 1895 г. в Кубанской области было принято «Постановление об улучшении строительной части в станицах, хуторах, селениях», предполагавшее создание улично-квартальной планировки, отведение под застройку общественных зданий просторных улиц и площадей, посадку зеленых насаждений. Однако реализация этих планов без финансовой поддержки аульных обществ извне была труднодостижимой. В 1912 г. И. Щукин указывал на отсутствие четкой планировки в Лоовско-Кубанском ауле: «Наиболее характерной особенностью его является то, что все сакли в нем ориентированы передним фасадом в одну сторону, а именно на юг; благодаря этому они располагаются без какого-либо определенного отношения к довольно неправильно проходящим улицам и переулкам» [3]. Из числа абазинских аулов практически только в Кувинском в начале XX в. стала формироваться упорядоченная планировка, так как его жители были вынуждены переселиться, заняв более возвышенный район, из-за систематических разливов Б. Зеленчука [4].

В отдельных горских селениях скученная планировка сохранялась даже в советское время. Л.И. Лавров, описывая в конце 1930-х гг. бывший Шахгиреевский аул (ныне Апсуа), указывал, что

Бибердовский аул (рубеж XIX–XX вв.)

«глинобитные дома его с соломенными и черепичными крышами беспорядочно разбросаны под возвышенностью на правом берегу р. Большой Зеленчук» [5].

Так как во второй половине XIX в. горские селения обрели стабильное фиксированное местоположение, разделение больших семей, приводившее к появлению усадеб женатых сыновей на окраинах аула, нарушало квартально-родственный принцип расселения [6].

Традиционное горское жилище также претерпело некоторые изменения. По данным переписи 1897 г. в селениях абазин наряду с турлучными, стали появляться саманные, а также в незначительном количестве каменные и деревянные жилища, возводимые в основном местной знатью и, возможно, иногородними жителями [7]. Саманные постройки (больше всего их было в Дударуков-

ском, Кувинском, Лоовско-Зеленчукском и Шахгиреевском аулах) [8] были прочнее турлучных. Возведение горцами более основательных жилищ было обусловлено переходом к мирным условиям жизни, стабилизацией поселений. В абазинских жилищах, по примеру русских, постепенно стали появляться застекленные окна, печь (при сохранении традиционного очага) и т.д. Главным новшеством интерьера в конце XIX — начале XX в. стало распространение среди всех слоев абазинского общества деревянной мебели, доступной ранее лишь знатным сословиям [9]. Об этом свидетельствуют путевые заметки И. Щукина: «Снаружи и внутри стены сакли выбелены. Обыкновенно имеются одно или два небольших окна потолка в сакле нет... пол глинобитный. Влево от двери, у передней стены, помещается очаг, над которым сверху спускается дымоприемник... в нем на перекладине висит чугунный котелок для варки пищи. По обе стороны от дымоприемника поперек сакли проходят полки для посуды; такие же полки имеются и вдоль продольных стен, под самой крышей. Вдоль задней стены полки располагаются одна над другой от самого пола и большею частью завешены коврами; на них помещаются сундуки, а днем также спальные тюфяки и подушки. Остальную обстановку сакли составляют деревянный диван и такая же кровать, окруженная с трех сторон необычайно высокими перилами и раскрашенная цветными узорами, сундуки, низенький, употребляемый для еды, круглый столик на трех ножках...» [10].

В пореформенный период в быт абазин активно проникают покупная посуда и одежда. И. Щукин отмечал, что на абазинках «очень часто можно видеть, вместо национального костюма, обычное «городское» платье, которое скупается горскими евреями в городах и перепродается местным щеголихам» [11]. При изготовлении традиционной одежды нередко использовались фабричные ткани.

Во второй половине XIX в. в горских аулах увеличилось число общественных учреждений: наряду с традиционно возводимой мечетью, строились аульные правления, училища и фельдшерские пункты, торговые заведения и кустарные предприятия [12].

ОБЩЕСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ АБАЗИНСКИХ АУЛОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

№	Название аула	Числ. жит. 1914 г.	Административные учреждения	Торгово-промышленные заведения	Образовательные и другие общественные учреждения
1.	Бибердов ский	1540	аульное правление, горский словесный суд, обывательская почта	торговая лавка, водяная мельница, 3 кузницы	сельское нормальное училище, мечеть, аптека и фельдшерский пункт
2.	Дударуковский	1984	аульное правление	завод строительных материалов, кредитное товарищество, 2 кузницы	сельское нормальное училище, 3 мечети
3.	Лоовско-Зеленчукский	1275	аульное правление	кредитное товарищество, торговая лавка, водяная мельница	сельское нормальное училище, 2 мечети
4.	Лоовско-Кубанский	2029	аульное правление	2 торговые лавки, 3 кузницы	сельское нормальное училище, 2 мечети
5.	Кумско-Абазинский	2128	аульное правление	2 водяные мельницы, кузница, торговая лавка	3 мечети
6.	Кувинский	1995	аульное правление	кирпичный завод, кредитное товарищество, 2 торговые лавки, кузница, водяная мельница	сельское нормальное училище, мечеть
7.	Шахгиреевский	1257	аульное правление	—	сельское нормальное училище, мечеть
8.	Клычевский	1662	аульное правление	водяная мельница, 3 кузницы	сельское нормальное училище, мечеть
9.	Егибоковский	500	аульное правление	—	мечеть

Для осуществления административной функции в аулах строились сельские правления. При них в обязательном порядке содержались арестные помещения. В целях поддержки малообеспеченных семей и предотвращения последствий неурожайных лет в каждом селении имелся семенной фонд, хранившийся в специальном помещении — магазине. Общинный запас пополнялся установленной нормой зерна, собираемой ежегодно с каждого человека, или сюда шла часть урожая с общественной запашки [13]. Проникновение капиталистических, товарно-денежных отношений в абазинское хозяйство способствовало появлению отдельных элемен-

Мечеть в а. Бибердовском, построенная в 1880-е г.

тов торгово-промышленной инфраструктуры (кредитные товарищества, перерабатывающие предприятия, пункты розничной торговли). Торговые лавки были рассредоточены по всему аулу, находясь при дворах их владельцев [14]. Для удовлетворения религиозных нужд каждое селение возводило мечеть, причем отдельные аулы обзаводились несколькими квартальными мечетями, при наличии главной соборной.

В конце XIX в. в абазинских селениях появились первые школы, в 1910 г. число их достигло 7 [15]. Элементами социальной инфраструктуры являлись также медицинские учреждения (аптека и фельдшерский пункт в Бибердовском ауле) [16].

Забота о благоустройстве селения лежала на сельской администрации, которая обязана была изыскивать средства на сооружение общественных зданий, их ремонт. Для этих целей могли использо-

ваться штрафы, взимаемые с жителей аула (за превышение нормы покосного пая, количества скота, выпасаемого на общественном пастбище, потраву посевов, самовольное занятие земли или отлучку из селения, уклонение от общественных работ и т.д.) [17]. На общественные нужды использовалась также прибыль от аренды аульных угодий и денежные сборы с общинников, формирующие в целом доход аульного общества. Так, Лоовско-Зеленчукское селение в конце XIX в. кроме юртовой земли имело «дополнительный надел 1200 десятин на р. Мало-Чеблановке, — сообщал Г.Г. Коваленский, — который сдается ежегодно по 3–4 тыс. руб. и сумма эта идет на покрытие обложения общества или на иные непредвиденные надобности, как, например, теперь на постройку аульного правления и мечети» [18]. В 1895 г. бибердовское аульное общество от сдачи в арендное содержание свободной земли получило 3704 руб. и 2774 руб. от раскладки податей на дворы. Собранные суммы были использованы (помимо уплаты государственных налогов и жалованья сельской администрации) на ремонт хлебного магазина, трех мостов, постройку нового здания правления, на содержание обывательской почты [19].

Рядовые горцы активно способствовали возведению общественных объектов, не только участвуя в сооружении мостов, дорог, зданий и т.д. (в рамках так называемой натуральной повинности), но и внося целенаправленно определенные суммы для этого. В.П. Невская, например, отмечает, что «школы строились на средства аульных обществ», для чего собиралось по 1,5 руб. с крестьянского двора [20]. Вместе с тем, изложенное в работе «Абазины» мнение о том, что «правление Кубанской области не оказывало сельским обществам материальной поддержки» и «все затраты по благоустройству селений ложились на общества» [21], является излишне преувеличенным. Руководство области содействовало сооружению важных объектов и учреждений, хотя, конечно, недостаточно. Так, заинтересованная в открытии как можно большего количества школ и медицинских учреждений, администрация области выделяла средства на возведение зданий школ и аптек, содержание библиотек, приобретение медикаментов, выплату жало-

ванья служащим и т.д. В ведомости за 1897 г. перечислены училища Баталпашинского отдела с указанием ежегодной стоимости их содержания (Бибердовское — 482 руб., Лоовско-Кубанское — 535 руб., Кувинское — 510 руб. и т.д.), при этом указано, что от казны каждая школа получала по 300 руб. [22]. В 1907 и 1909 гг. на средства, полученные «из сумм дополнительного земского сбора с торговых документов и питейных патентов» были отремонтированы мосты у сел. Бибердовское (280 руб.) и Лоовско-Кубанское (550 руб.) [23].

Уровень развития социально-бытовой инфраструктуры аула зависел от его размеров, состоятельности жителей, степени удаленности от административных центров, транспортных коммуникаций и прочих условий. Если по данным статистики в 1914 г. в Дударуковском ауле, где проживало 1984 чел., находились: аульное правление, правление кредитного товарищества, завод строительных материалов, две торговые лавки, три мечети и училище, то в Егибоковском селении (500 чел.) имелись только аульное правление и мечеть.

Наибольшее число общественных учреждений располагалось в Бибердовском ауле, в пореформенный период возглавившем одноименный участок Баталпашинского отдела, в ведомстве которого находились абазинские, черкесские и ногайские аулы. Жители Бибердовского селения, полагали, что их населенный пункт стал административным центром благодаря географическому положению: «...аул наш сосредоточен в середине юртов всех ближайших аулов, почему по воле Высшего Начальства учреждена почтовая станция под приезд разных лиц по делам службы и казенным надобностям (из трех троек)... аул наш, как середина в юртах всех аулов делается часто съезд с аулов для советов по служебным и домохозяйственным делам в улучшении быта...» [24]. Являясь центром Бибердовского участка Баталпашинского отдела Кубанской области селение имело почтовую станцию, училище, горский словесный суд, аптеку, фельдшерский пункт и т.д.

Таким образом, в пореформенный период образ жизни абазинских общин подвергался существенным изменениям. Наряду с трансформацией бытовых условий жизни горцев, можно констатировать складывание во второй половине XIX в. в абазинских аулах качественно новой социально-бытовой инфраструктуры, включающей такие несвойственные для горских поселений начала XIX в. элементы, как: почтовая связь, дорожное сообщение, медицинское обеспечение, образовательные учреждения, торгово-промышленные заведения. Приоритетное значение в их создании принадлежало российской администрации, как местного, аульного, так и уездного, областного значения, при широкой поддержке религиозной и светской общественности, особенно в деле просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лавров Л.И. Революция быта на Кавказе // Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. — Нальчик, 2009. — С. 430.
2. Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Вып. 23. — Тифлис, 1897. 1 паг. — С. 244.
3. Щукин И. Из поездок по верхней Кубани // Землеведение. — М., 1914. — №3. — С. 30.
4. Абазины (историко-этнографический очерк). — Черкесск, 1989. — С. 93; Российский Государственный архив древних актов. Ф. 1354. Оп. 203. Д. К–76.
5. Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). — Л., 1982. — С. 64.
6. Абазины (историко-этнографический очерк). — Черкесск, 1989. — С. 94.
7. Македонов Л.В. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 года. Екатеринодар, 1906. — С. 346–347, 350–351, 354–355, 358–359, 362–364.
8. Там же. — С. 350–351, 354–355, 362–363.
9. Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. — Черкесск, 1956. — С. 138; Абазины... — С. 107.
10. Щукин И. Указ. соч. — С. 31.
11. Там же. — С. 33.
12. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 1325 Л. 111 об.; Там же. Оп.5. Д.103. Л.32, 72об–79; Государственный архив Ставропольского края. Ф. 133. Оп.1. Д. 28. Л. 1; Кавказский календарь на 1914 год. — Тифлис, 1913. 2 паг. — С. 192; Кубанский календарь на 1912 год. — Екатеринодар, 1912. — С. 243–245; Кубанский календарь на 1914 год. — Екатеринодар, 1914. — С. 464, 488, 504, 510, 516, 586, 490; Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. — Черкесск, 1993. — С. 192; Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. — Екатеринодар, 1881. — С. 40–43; Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Карачаево-Черкесии (1790–1917). Сборник документов. — Ростов н/Д, 1985. — С. 166–167; Фелицын Е.Д. Кубанская область. Списки

населенных мест по сведениям 1882 года // Сборник сведений о Кавказе. Т. 8. — Тифлис, 1885.
13. Ктиторова О.В. Формирование социально-бытовой инфраструктуры в аулах абазин (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вопросы северокавказской истории: Сборник научных статей. Вып. 1. Ч. 1. — Армавир, 2001. — С. 87.
14. Зверева Ю.И. Поселения абазин в XIX – начале XX в. (историко-этнографическое исследование). Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1985. — С. 125.
15. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие... — С. 178; Кубанский календарь на 1910 год. — Екатеринодар, 1910. — С. 211.
16. Туков М.Ш. Здравоохранение // Бибаркт-Эльбурган: Материалы, посвященные празднованию 330-летия аула Бибаркт-Эльбурган. — Черкесск, 1996. — С. 38.
17. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д.1325. Л. 129–130; Данилова Е.Н. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX в.). — М., 1984. — С. 135.
18. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие... — С. 167.
19. ГАКК. Ф.454. Оп.5. Д.103. Л.72об., 73.
20. Невская В.П. Первые учителя Карачая и Черкесии // Тарих. — Махачкала, 1994. — №1. — С. 31.
21. Абазины... — С. 93.
22. ГАКК. Ф.454. Оп. 5. Д.103. Л.34.
23. Извлечение из отчета начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1907 г. // Кубанский сборник 1909 год. Т. 14. — Екатеринодар, 1908. — С. 41.
24. ГАКК. Ф.574. Оп. 1. Д. 1522. Л. 4–4 об.
25. Там же; Туков М.Ш. Указ. соч. — С. 38.

С.Б. Манышев (г. Москва)

ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЕРБЕНТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Дербентская губерния была создана 14 декабря 1846 года. В ее состав были включены Кубинский и Дербентский уезды Каспийской области, Самурский и Даргинский округа, Кюринское и Казикумухское владения, а также земли к югу от Аварского Койсу [1]. Общая площадь губернии составляла 19923 квадратных версты, а население к середине 1850-х годов равнялось 469152 человека [2]. 5 апреля 1860 года Дербентская губерния была упразднена, а ее большая часть (исключая Кубинский уезд) вошла в состав Дагестанской области. Просуществовав на административной карте Российской империи всего лишь 16 лет, она показала несовершенство и недостатки российского управления на Кавказе.

Состояние здравоохранения в Дербенте еще до создания губернии было весьма плачевным. В конце 1842 года лекарь Степан Харкевич сообщал старшему доктору Дербентского военного госпиталя Григорию Минякову, что, например, дербентская городская аптека «состояла и поныне состоит из нескольких пакетов сгнивших трав и кореньев и из очень умеренного количества расшибленных банок, с много-различными целебными веществами» [3].

В 1846 году по предложению князя М.С. Воронцова было создано Управление медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе, которому подчинялись все медицинские и фармацевтические учреждения Закавказского края и Кавказской области, а также все медицинские чины. Это управление со дня его учреждения и до 1854 года возглавлял Эраст Степанович Андреевский, подчиненный непосредственно кавказскому наместнику [4]. Уже освободившись от этой должности, доктор Андреевский признавал, что несовершенство устройства системы управления Кавказом в целом также мешало и организации медицинской части. Он констатировал: «Встречая таким образом разного роду затруднения, я по ме-

дицинскому управлению не был в состоянии сделать всего того, чего желал и успел только по некоторым предметам» [5].

Согласно положению об управлении Дербентской губернией от 14 декабря 1846 года в Кубинском уезде сохранялась должность уездного врача. В Дербентском же уезде, согласно утвержденным штатам, врач не предусматривался, но в случае необходимости непосредственно в Дербент мог быть определен городовой врач с содержанием за счет средств города [6].

Высочайшим указом 9 июня 1849 г. штаты губернии были изменены и было повелено: в г. Дербент определить городового врача, старшего лекарского помощника и повивальную бабку с жалованием из городских доходов [7].

В 1849 году среди расходов города Дербента по гражданской части значатся — 300 рублей на содержание двух лекарских учеников и 325 рублей на содержание повивальной бабки [8].

До 1855 года должность кубинского уездного врача оставалась вакантной, а обязанности были возложены на лекаря военного ведомства Петра Федоровича Порфирьева [9]. Но с 1855 года эту должность занял титулярный советник Николай Прокофьевич Стецкевич [10]. До 1858 года оставалась вакантной и должность дербентского городового врача, которую занял всего лишь на год Готфрид Викентьевич Гурко [11], а в последний год существования губернии — Соломон Иванович Саранжев [12].

Должность же губернского врача оставалась не занятой вплоть до 1860 года, а его обязанности исполнял ординатор Дербентского военного госпиталя, который кроме своих обязанностей по городу и по госпиталю при надобности командировывался и в Дербентский уезд [13].

Должность акушерки в Дербенте занимала Анна Липольд [14], а в Кубе — Морцелина Авалианова [15].

Большую роль в присоединении Кавказа к России играли природно-географические факторы. Малярия и лихорадки косили большое количество солдат Отдельного кавказского корпуса, а эпидемии вносили свои корректировки в планы военных операций [16].

В 1850 году дербентский губернатор Александр Иванович Гагарин, отмечая взаимосвязь природно-климатических условий края и господствующих болезней, писал: «Местные болезни в Дербентском и Кубинском уездах именно горячки и лихорадки, причину которых должно полагать в быстрых изменениях в температуре воздуха, происходящих от соседства моря к тем уездам и местности их, открытой для ветров с севера, востока и юга, имели обыкновенный свой ход; виды этих болезней, в особенности воспаление легких, имело по примеру прошлых лет большое число жертв в осеннее время...» [17].

Дважды Дербентскую губернию за период ее существования охватывали эпидемии холеры — в 1847 и в 1857 годах. Первые вспышки холеры были зафиксированы в Кубинском уезде еще в середине февраля 1847 года, но тогда удалось остановить ее распространение. В первых же числах апреля холера усилилась и стала принимать угрожающие размеры в Кубинском уезде, а спустя неделю появилась в Дербенте и далее распространилась по Северному Кавказу и вглубь империи [18].

В 1857 году в Дербентском уезде из 73 заболевших умерло 33 человека. Намного хуже дело обстояло в Кубинском уезде, где холерой заболело 958 человек, из которых 350 умерло [19]. Как сообщал князь А.И. Барятинский в Кавказский комитет, всем губернаторам было предписано принять против холеры те же предохранительные мероприятия, которые предпринимались в 1847 году [20].

В отличие от более ранних эпидемий, врачам к этому времени удалось выработать некоторые меры борьбы, отличные от тех, которые применялись в предшествующие периоды как во время чумных, так и во время холерных эпидемий. Так, Медицинский департамент Министерства внутренних дел рекомендовал «не прибегать к средствам карантинным, как-то оцеплению, обсервации, окуриванию и тому подобное, на границе Империи и в других местах подвергать суда, обозы и проезжавших осмотру с тем, чтобы оказавшихся холерных больных отделять и помещать в больницу» [21].

В Кубинском уезде помимо вышеупомянутых болезней в 1850 году существовали в некоторых местах эпидемические корь и оспа,

из которых первой заболело 147 человек, а умерло 10; второй же заболело 20 человек, а умер 1 [22].

Еще в середине XVIII века, опасаясь заноса чумы, на окраинах империи начали создавать карантинные заставы. В Дербентской губернии существовало два карантинных поста: один в Дербенте, а другой — на Низовой пристани в Кубинском уезде. Однако, отсутствие в 1846 — 1860 годах чумных эпидемий на Кавказе сводило функции этих застав лишь к сборам таможенных пошлин и недопущении на территорию России лиц, которым был запрещен въезд на территорию империи. Как отмечал из года в год в своих отчетах дербентский губернатор, в указанных карантинах «все обстоит благополучно и вообще зараз не появлялось» [23].

Вплоть до 1857 года оспопрививание было одной из важных забот Вольного экономического общества. Ежегодно государством отпускались определенные суммы Обществу для приобретения ланцетов, оспенной материи и других оспенных пособий, которые затем передавались в губернские и уездные оспенные комитеты [24]. В Дербентской губернии оспопрививание производилось как штатными оспопрививателями, которые чаще всего были представителями местных народов, так и самими врачами и лекарскими учениками. Обязанности по контролю за оспопрививанием также возлагались на врачей гражданского ведомства.

В 1850 году оспа была привита — 1157 младенцам, в 1851 г. — 1376, в 1852 г. — 2410, 1853 г. — 1432 [25], в 1855 г. оспа была привита 2461 младенцу [26].

Стоит отметить, что в начале 1852 года оспа была занесена в город Дербент, где заболело 19 человек, из которых 1 умер [27].

Условия военного противостояния на Северном Кавказе в первой половине XIX века вынуждали российскую власть содержать в регионе военные госпитали. Такой госпиталь на 300 человек был учрежден в Дербенте еще в 1842 году. Для него было специально построено здание, а также учреждена подвижная инвалидная рота «в составе восьми унтер-офицеров и ста рядовых», которые назначались по распоряжению командира Отдельного кавказского корпуса [28].

Побывавший в 1847 году на театре военных действий русский хирург Николай Пирогов писал: «Дербент, ...расположенный на горе, на берегу Каспийского моря, составляет после Темир-Хан-Шуры самый важный пункт в военно-медицинском отношении. В него свозятся после экспедиций в Дагестане на осень и зиму значительное число раненых. Из операций, которые мы произвели здесь, замечательны особливо два выпиливания головки плечевой кости с пулями, засевшими в существе самой кости» [29].

В 1849 году хозяйственными средствами расположенного в Дербенте линейного № 16 батальона была начата постройка военного госпиталя на 900 человек. К 1855 году работы по возведению госпиталя были окончены с завершением строительства третьего флигеля госпитального здания [30].

К 1853 году в Дербентской губернии было всего 2 госпиталя — в Кубе и в Дербенте [31].

В 1859 году князь А.И. Барятинский поручил П.Е. Коцебу провести ревизию с целью выяснения успехов гражданского управления в крае и его соответствия потребностям. 30 декабря 1859 года Коцебу представил свой отчет, в котором говорилось и о том, что «при возрастающем доверии туземцев к нашей медицине, наличный состав медиков Дербентской губернии оказывается весьма недостаточным к удовлетворению требований врачебного пособия. Тот же недостаток в медиках и средствах служит причиною неточного исполнения обязанностей, требуемых по этой части законом» [32].

Так как в Дербентской губернии отсутствовали госпитали и амбулатории гражданского ведомства, их функции в оказании медицинской помощи населению в округах выполняли военные госпитали и полковые лазареты. Здесь жители могли получить квалифицированную медицинскую помощь. Такие госпитали работали в селениях Ахты и Кумух, но к 1 января 1857 года они были упразднены [33].

Врачебная часть в губернии состояла из губернского и городового врачей в Дербенте и уездного врача в Кубе, подчиненных управляющему медицинской частью гражданского ведомства на

Кавказе. Как говорится в отчете губернатора, «городовой и уездный врачи мало приносят больным пользы, будучи часто отвлекаемы для дел медико-полицейских» [34].

В губернии отсутствовали как аптеки гражданского ведомства, так и вольные аптеки, что являлось огромной проблемой в деле обеспечения медикаментами, «так как аптеки военных госпиталей и полковых лазаретов не всегда могут удовлетворять частными требованиям по ограниченности их каталогов» [35].

В условиях отсутствия профессиональных врачей гражданского ведомства главными специалистами оставались представители народной медицины, которые в Дагестане пользовались особым уважением и почетом [36].

Даже во время первого камерального описания, проведенного в Дербентской губернии в 1850 году, профессиональные лекари в селах были записаны по своей профессии. Например, из него известно имя лекаря из селения Ахты Самурского округа Абдул Кедира Пир Сеида оглы [37].

При этом к услугам местных лекарей прибегали и представители еврейской общины. Связано это было с тем, что, по мнению горских евреев, «ученые доктора» оказывали слишком мало внимания больным. К тому же часто профессиональные врачи прописывали лекарства, запрещенные для употребления евреям. В противоположность им, местные «хакимы» всегда показывали большую заинтересованность своим пациентам, разъясняя им то, какие лекарства были прописаны [38].

Все это происходило на фоне законодательно введенного запрета как для российских, так и иностранных граждан на занятие врачебной или ветеринарной практикой без соответствующего диплома Медико-хирургической академии или медицинских факультетов университетов [39]. Однако на Кавказе в силу нехватки профессиональных врачей администрация смотрела на деятельность «туземных врачей» сквозь пальцы по принципу, что не запрещено, то допускается [40].

Организация здравоохранения в Дербентской губернии очень показательна и типична для кавказской окраины Российской империи. В рассматриваемый период система здравоохранения в регионе представляла собой своеобразное «лоскутное одеяло», в котором были соединены гражданская, военная и народная медицина. При этом наблюдалось их взаимовлияние и взаимопроникновение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее — ПСЗРИ). Т. XXI. Отделение второе. 1846. — СПб., 1847. — №20704. — С. 655.
2. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 3 (Командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае). Оп. 1. Д. 27. Л. 4–4 об.
3. Медицина в Дербенте в 1842 г. / Сообщил П-й // Русская старина: Ежемесячное историческое издание. — СПб., 1876. Т. XVI. — С. 725.
4. Отношение кн. Чернышева к кн. Воронцову от 18-го декабря 1846 года, №1841 // Акты, собранные Кавказкой археографической комиссией (далее — АКАК). Т. X. Тифлис, 1885. — С. 223. До 1846 года гражданское медицинское управление в крае состояло из врачебных управ в Ставрополе и Тифлисе, а также областного врача Каспийской области в Шемахе.
5. Андреевский Э.С. Управление медицинской частью на Кавказе // Из архива К. Э. Андреевского. Т. III / Под ред., с предисловием и примечаниями С.Л. Авалиани. Одесса, 1914. — С. 263–264.
6. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. Отделение второе. 1846. — СПб., 1847. №20704. — С. 656.
7. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир–Хан-Шура, 1906. — С. 201.
8. Козубский Е. И. Указ. соч. — С. 243.
9. Кавказский календарь на 1851 год. Тифлис, 1850. — С. 60.
10. Кавказский календарь на 1857 год. Тифлис, 1856. — С. 567.
11. Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис, 1857. — С. 464.
12. Российский медицинский список на 1860 год. — СПб., [б/г]. — С. 337.
13. ЦГА РД. Ф. 130 (Канцелярия Дербентского военного губернатора). Оп. 1. Д. 2А. Л. 184.
14. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851. — С. 611.
15. Кавказский календарь на 1856 год. Тифлис, 1855. — С. 670.
16. Петербургский историк В.В. Лапин посвятил этому вопросу отдельный параграф своей монографии под названием «Природа Кавказа как противник». См.: Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. — СПб., 2008. — С. 109–121.
17. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Л. 9.
18. Архангельский Г. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. Диссертация на степень доктора медицины. — СПб., 1874. — С. 137–138.
19. Отношение кн. Барятинского к председателю Кавказского комитета от 11-го апреля 1858 года, №305 // АКАК. Т. XII. — Тифлис, 1904. — С. 175.
20. Отношение кн. Барятинского к председателю Кавказского комитета от 30-го июля 1857 года, №540 // АКАК. Т. XII. — Тифлис, 1904. — С. 174.
21. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Ч. III. Кн. 3. — СПб., 1861. — С. 399.

22. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Л. 10.
23. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Лл. 62–63.
24. Подробнее о роли Вольного экономического общества в деле распространения оспопрививания в Российской империи см.: Ходнев А.И. История Императорского вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. — СПб., 1865. — С. 297–314.
25. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Л. 9, 62, 105, 184.
26. ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 18 об.
27. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Лл. 105 –106.
28. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. Отделение второе: 1842. — СПб., 1843. — №16228. — С. 139.
29. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. 1849 г. // Н. И. Пирогов в Дагестане и народная медицина кавказских горцев: Сборник материалов / Отв. ред. Х.М. Доного. — Махачкала, 2012. — С. 48.
30. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Л. 67; Козубский Е.И. Указ. соч. — С. 241–242.
31. ЦГА РД. Ф. 11 (Коллекция копий документов Центрального государственного исторического архива г. Ленинграда, Центрального государственного военно-исторического архива СССР по истории Дагестана до образования области за 1722–1860 гг.). Оп. 2. Д. 9. Л. 1.
32. Козубский Е. И. Указ. соч. — С. 206–207.
33. ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 19; Аликишиев Р. Ш. Очерки по истории здравоохранения Дагестана. — М., 1958. — С. 36.
34. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Л. 9.
35. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2А. Л. 184.
36. См. подробнее: Манышев С.Б. Мужская профессия: народные лекари Дагестана в XIX веке // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: Материалы Шестой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года, Нальчик. Т. 1 / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, М.А. Текуева. — Нальчик, 2013. — С. 95–97; Манышев С.Б. Адат как источник для изучения медицины и здравоохранения народов Дагестана // Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. ред. В.М. Грусман, А.В. Коновалов. — СПб., 2009. — С. 310–315.
37. ЦГА РД. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2. Лл. 117 об. — 118.
38. Махмудова З.У. Дербент в XIX — начале XX века. Этническая мозаичность города на «вечном перекрестке». — М., 2006. — С. 48.
39. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Отделение второе. 1838. — СПб., 1839. — №11896. — С. 451.
40. См. полемику по этому вопросу: К вопросу о правах на лечение туземных лекарей // АКАК. Т. XI. — Тифлис, 1888. — С. 867–871.

А.Г. Сидякина (г. Усть-Лабинск)

ДОРОЖНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА КУБАНИ (XIX – начало XX века)

Неотъемлемой частью военно-колонизационного процесса является становление системы транспортных коммуникаций. В первой половине XIX в. Закубанье представляло собой территорию, практически лишенную удобной дорожной сети. Причиной тому являлись, в первую очередь, природно-географические условия. Гужевое сообщение на территории Закубанья было возможно лишь в летнее время года. Весной же и осенью дороги становились непроходимыми от распутицы и разлива рек, зимой свободному передвижению препятствовал глубокий снег [1]. А.Н. Дьячков-Тарасов, анализируя уровень развития системы дорог у абадзехов, отмечал: «Частые дожди в этой местности нередко делали сообщение между аулами затруднительным, и, хотя абадзехи любили прокладывать свои аробные дороги по вершинам хребтов, все же последние зимой были малодоступны, и сношения поддерживались верхом» [2]. На горных участках дороги часто разрушались обвалами и размывами рек, что затрудняло сообщение между селениями. Другая причина слабого развития транспортного сообщения на территории Северо-Западного Кавказа вытекала из характера социально-политических и экономических условий жизни коренных народов региона: здесь сказывались неразвитость торговых отношений, обусловленная натуральным характером хозяйства горцев, и присущая данному региону внутриполитическая напряженность. В итоге в первой половине XIX века «в старом черкесском Закубанье, — отмечала отечественная исследовательница В.П. Невская, — где не только каждое племя, но и каждый аул жил замкнутой изолированной жизнью, почти не было путей сообщения, соединявших разные части области» [3].

С приходом России ситуация постепенно меняется. Во второй трети XIX в., прежде всего, военная администрация прилагает немалые усилия по прокладке системы грунтовых дорог. Процесс дорожного строительства на Левобережье Кубани и Черноморском побережье активно начал осуществлялся под руководством А.А. Вельяминова. Он являлся последовательным сторонником расширения транспортных коммуникаций, которые рассматривались им как гарантия экономического преуспевания государства. С другой стороны, после заключения Адрианопольского мира с Турцией, именно в период нахождения А.А. Вельяминова на посту начальника Кавказской линии и Черномории, Россия начинает свое поступательное продвижение за р. Кубань.

Первоначально большая часть дорог, сооружавшихся в Закубанье, имела военное назначение. Однако уже тогда дорожное строительство воспринималось как один из существенных путей приобщения (включая весь спектр возможных действий: от военного до гражданского) коренных жителей Кубани к российской государственности. Так, в 1840 г. при прокладке дороги от Ново-Георгиевского укрепления до Прочного Окопа начальник Правого фланга Кавказской линии Г.Х. Засс подчеркивал: «Как для означения расстояния, так и для того, чтобы горцы более привыкли считать Закубанье Русскою землею, — я приказал поставить верстовые столбы, окрашенные по установленному образцу...» [4].

В 1843 г. под начальством командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Гурко шло возведение укрепления на р. Кяфар у устья р. Бежгона (ныне это ст. Сторожевая), а также сооружение мостов и дорог, которые должны были обеспечить коммуникацию новой крепости с опорными пунктами на Зеленчуках и Кубани [5].

Довольно подробный отчет генерал-лейтенанта Гурко позволяет представить сложность, противоречивость и неоднозначность, отношений с коренными жителями этого района Закубанья в 1840-е г. Строительство дорог, мостов и укрепления проходило в окружении «в прошлом году отложившихся», т.е. непокорных, абазин-башилбаевцев, а также на тот момент враждебных к Рос-

сии адыгов-бесленеевцев. Вместе с тем, наряду с перестрелками и пленением российских солдат содержание контактов с горцами составляли торговые отношения (в российском лагере был устроен базар) и различные формы взаимного военного и экономического сотрудничества. Так, в благодарность за разрешение пасти скот и косить сено в районе лагеря жители соседних селений охраняли подходы к местности, где расположился российский отряд, от партий немирных горцев, отговаривали своих соотечественников нападать на солдат, отправлявшихся группами за строительным материалом в лес, изъявляли свою покорность. «Высшим проявлением доверия российским военным, — как отмечает Гурко, — стало возвращение одного башилбаевского аула на прежнее место жительства, рядом с дорогой, ведущей в лагерь» [6].

Не только упомянутые офицеры, но и другие участвовавшие в покорении Кавказа российские военачальники и администраторы (в том числе М.С. Воронцов [7] и А.И. Барятинский) понимали важность проведения сети дорог для замирения региона. Так, назначенный в 1856 г. наместником на Кавказе, А.И. Барятинский указывал, что «Вступив в управление краем, я обратил особое внимание на внутренние и внешние сообщения, предположив устройство капитальным образом важнейших путей» [8].

После присоединения Северо-Западного Кавказа к России и проведения в регионе буржуазных реформ изменяется назначение транспортных артерий. На первое место выступают социально-экономические причины: охват населенных пунктов дорожной сетью с целью интенсификации торговли и вовлечения в хозяйственные и социокультурные процессы коренного населения региона. Сохранялся и военный фактор, хотя его значимость стала менее актуальна.

Следует отметить, что во второй половине XIX в., наряду с обустройством грунтовых дорог, в Российской империи происходит масштабный процесс создания сети железнодорожных магистралей. Если шоссейные и грунтовые дороги в основном были рассчитаны на сообщение внутри региона, то железнодорожные артерии должны были связать Кавказ с остальной частью Российского го-

Один из мостов, возведенных российскими властями в Закубанье (через р. Дах).

сударства. О важности проведения железнодорожной линии по территории, недавно вошедшей в состав империи, высказывались многие государственные деятели. Среди них следует упомянуть наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича, который направил в январе 1869 г. императору записку о необходимости соединения Кавказа с общероссийской железнодорожной сетью магистральной линией от Ростова до Владикавказа. В ней, в частности говорилось: «Линия эта произведет желаемый коренной поворот в сношениях Кавказского края с Россиею как в гражданском, так и военном отношениях. Предоставляя полный простор русскому элементу влиять на эту богатую страну как в нравственном смысле, так и в коммерческом отношении, проектированная дорога обеспечит рассматриваемую пограничную область

от всяких случайностей, внутренних беспорядков и внешних вторжений, сделав всякие попытки наших врагов против Кавказа почти невозможными» [9]. Принципиальным выглядит мнение Михаила Николаевича о том, что сокращение расстояний между Кавказом и остальной Россией, которое станет результатом проведения железной дороги, будет способствовать «покорению духовному» края [10].

В 1875 г. планы Михаила Николаевича воплотились в жизнь: Северный Кавказ был связан с другими районами государства Ростово-Владикавказской железной дорогой. В первые два десятилетия XX в. в Кубанской области и Черноморской губернии сооружается целый ряд других железнодорожных линий: Армавир-Туапсинская, Ейская, Черноморско-Кубанская, Черноморская [11], которые стали важным дополнением к существующим в регионе грунтовым и шоссированным дорогам.

Изучение процесса строительства на Кубани транспортных коммуникаций в процессе интеграции региона в состав России убеждает в том, что ориентиром в политике российских властей являлся конструктивный путь вовлечения самых разных народов полиэтничного Кавказа в российское сообщество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. — М., 1846. — С. 21.
2. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи (историко-этнографический очерк) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX века. — Нальчик, 2004. — С. 599.
3. Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. — С. 131.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 6490. Л. 10, 11, 13 об., 14, 16–17 об.
6. Ктиторова О.В. Методы привлечения закубанских горцев на сторону России (на примере абазин) // Северный Кавказ в межцивилизационных контактах и диалогах: от древности к современности. Тезисы региональной научной конференции, посвященной 10-летию исторического факультета АГПИ. — Армавир, 2001. — С. 34.

7. Пылков О.С. «Следует идти по системе менее наступательной, шагами, может быть, более верными, но тихими» (О строительстве дорожно-транспортной сети на Кавказе при наместнике князе М.С. Воронцове) // Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. — Армавир; Ставрополь, 2010. — С. 91.
8. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII — первая половина XIX вв.) Армавир, 2011. — С. 99.
9. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Исторический очерк. Т. 2. Составлен Н.А. Кислинским. — СПб., 1902. — С. 35.
10. Там же. — С. 34.
11. Леусян О.А. Деятельность частных железнодорожных обществ Кубанской области и Черноморской губернии в начале XX века // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края. Т. 1 (22) — Краснодар, 2006. — С. 155–168.

Н.С. Степаненко (г. Армавир)

О ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ В ПЕРИОД «КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ»

События военного характера, развернувшиеся в первой половине XIX в. на Северном Кавказе, продолжают вызывать острые дискуссии в научных кругах исследователей-кавказоведов. В связи с проведением XXII Зимних Олимпийских игр в городе Сочи обострился и общественный интерес к этому непростому периоду нашей истории. Информационная сеть Интернет стала площадкой для активного обсуждения причин, хода и итогов «Кавказской войны». К сожалению, в сети все чаще можно встретить радикальные мнения, которые формируют негативное представление об истории взаимоотношений народов нашей страны, как между собой, так и с российским государством. Мы считаем необходимым обратить внимание на такое явление периода «Кавказской войны» как воинская доблесть.

Доблесть — это высшее душевное мужество, стойкость, благородство; высокое свойство души, высшая добродетель, великодушие, самопожертвование [1]. Главной целью России в первой половине XIX в. на Северном Кавказе было установление мира и спокойствия в регионе [2]. Во имя этой задачи, осознанно или неосознанно, военнослужащие иррегулярных и регулярных частей российской армии, сами жители региона, проявили массу примеров героизма, отваги, самопожертвования. Приведем лишь некоторые примеры из истории Северо-Западного Кавказа.

Народы, населявшие Закубанье, неоднозначно относились к усилению здесь роли России. Одни противились этому процессу, прибегали к вооруженной борьбе, другие, напротив, видели в России гарант порядка и собственной безопасности, которые они так же готовы были защищать. Примером последнего служит ногайский владетель Измаил Алиев, который в 20-е годы XIX в. на левобережной Кубани считался одним из самых лихих наездников.

Однако после бесед с другими владетелями, находившимися под покровительством России, Измаил решил переселиться со своими людьми ближе к Линии, на реку Уруп. Ногайский владетель получил чин поручика, покончил с набегами и начал жить мирной жизнью. Но 17 апреля 1829 года партия «немирных» горцев под предводительством Кучук-Аджи-Гирея и Бабукова, напала на улус Измаила, угнала табун и захватила пленников. Измаил Алиев со своими нукерами устремился в погоню. Догнав неприятеля, они завязали с ним перестрелку. Внезапно один из нукеров упал с лошади и тут же был окружен горцами. На помощь ему направился Измаил, сразивший первым выстрелом Кучук-Аджи-Гирея, однако другой предводитель — Псинаф Бабуков выстрелом в живот нанес ногайскому владетелю смертельную рану. Но у Измаила было еще достаточно сил, и Бабуков был убит наповал [3]. Жертвуя собой, ногайский владетель спас своего сподвижника и избавил Линию от нападений указанных абреков.

Мирной интеграции Закубанья в российское государственное пространство способствовали некоторые представители мусульманского духовенства. Одним из них являлся турок по происхождению Исмаил Немчанов, главный эфенди мирных черкесских аулов, населявших 1-ю часть Черноморской Кордонной линии. С 1820-х годов он вел свою проповедническую деятельность среди горцев и укреплял у них верность России. 11 января 1845 г. горская партия напала на аул мирного владетеля корнета Алагум Цухо. Исмаил Немчанов воодушевлял защитников духовным убеждением. И не только. С оружием в руках он сражался в первых рядах защитников, за что впоследствии был награжден золотой медалью [4].

В период «Кавказской войны» основной силой, охранявшей спокойствие на Кубани, была армия. Дореволюционный историк В.А. Потто констатировал, что русское общество конца XIX в., впрочем, как и современное, мало знакомо с тем духом подвигов, которые существовали на Кавказе, когда генералы одним словом вели за собой подчиненных и давали пример геройской смерти своим солдатам. Те в свою очередь, с трогательной простотой сознательно отдавали жизнь за общее дело и не подозревали, что совершают нечто необыкновенное [5]. Иллюстрацией слов В.А. Потто является случай, произошедший на Старой Кубанской линии в 40-е годы XIX в.

2 августа 1845 г. небольшая группа немирных горцев, численностью около пятнадцати человек, незаметно подобралась к Усть-Лабинской крепости. Близ укрепления они увидели двенадцатилетнюю девочку, дочь одного из солдат Тенгинского полка, и попытались взять ее в плен. На отчаянные крики девочки за крепостной вал выбежали солдаты Тенгинского полка, и окружили неприятеля. Началась жестокая рукопашная свалка. Горцы уже не помышляли о своей добыче и старались вырваться из окружения. Девочка была спасена. Два тенгинца — Осип Проценко и Алексей Введенский были убиты, рядовой Илья Чернявский лишился левой руки. Историк Тенгиского полка Д.А. Ракович назвал этот эпизод «Кавказской войны» «прекрасным порывом самоотвержения» [6]. Такие примеры самопожертвования не позволяют характеризовать кавказского солдата, как абсолютно бесправного, темного, бессловесного, служащего лишь для достижения захватнических целей царизма [7].

Не только солдаты, но и казаки несли тяжелую кордонную службу. Нередко им приходилось отдавать жизнь за безопасность станиц и хуторов, находившихся за их спинами. Так 27 марта 1835 г. через Кубань близ Ямановского поста переправилась партия «немирных» горцев. Нечаянно она наткнулась на казачий разъезд, состоящий из 9 человек. Произошла отчаянная схватка, так как казаки решили не сдаваться живыми в плен. Пять казаков были убиты в этом бою, а четверо получили тяжелые ранения. У горцев также несколько человек было убито и ранено [8].

В первой половине XIX в. на Кавказе столкнулись народы, которым в высшей мере были присущи отвага, мужество, самопожертвование. Как справедливо отметили А. Луночкин и А. Михайлов: «Независимо от политической оценки, воинская доблесть остается таковою, с чьей бы стороны она ни проявлялась. Это понимали, кстати, и сами горцы, с уважением относившиеся именно к самым решительным и опасным противникам» [9]. Приведен-

ные примеры показывают, что русские, ногайцы, черкесы и представители других народов сражались, порою гибли, ради одной цели — установления мира и спокойствия на Кубани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. — Москва: Русский язык, 1978. — С. 442.
2. Великая Н.Н. О некоторых причинах отсутствия геноцида в Российской империи // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 17 / под ред. С.Н. Ктиторова. — Армавир, 2011. — С. 95–97.
3. Потто В.А. Кавказская война. Т. 5. — Ставрополь: Кавказская жизнь, 1994. — С. 357–364.
4. Пылков О.С. На службе России // Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе (Материалы 10-й Всероссийской научно-практической конференции) / Под ред. В.Б. Виноградова. — Москва; Армавир, 2007. — С. 100–101.
5. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. — Ставрополь: Кавказская жизнь, 1994. — С. 9.
6. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. — Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. — С. 378–379.
7. Аутлев М.Г. Адыги и русские: дорогами второго тысячелетия. — Краснодар: Периодика Кубани, 2000. — С. 53–54.
8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. — Краснодар: Краснодарские известия, 2007. — С. 482.
9. Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов // Родина. — 1994. — №3. — С. 96.

А.А. Трандофилов (г. Армавир)

ГРЕКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ (вторая половина XIX – начало XX века)

Греческое население облюбовало территории современного Краснодарского края ещё со времен античной колонизации VI в. до н.э. — IV в. н.э. Причины освоения данных земель древними греками были весьма разнообразны, основной из которых являлась экономическая: необходимость создания новых аграрных поселений из-за нехватки пространств в метрополии, поиск рынков сбыта продукции и т.п. Из античных источников мы знаем названия древнегреческих поселений на Черноморском побережье Кубани: Горгиппия, Гермонасса и др. Пребывание эллинской цивилизации на территории Кубани не заканчивается с окончанием эпохи античности. Во время 1000-летнего существования Византийской империи колонизационные потоки греческого и эллинизированного населения порой были настолько сильны, что по своим темпам иногда перекрывали аналогичные в эпоху древности. Но и с прекращением византийского влияния на землях Северного Причерноморья и установлением впоследствии османского, греческое население не «испарилось» из этих территорий. Всю эпоху турецкого владычества и в Крыму, и на Кубани повсеместно имелись крупные греческие диаспоры, продолжившие свое существование и до установления над территориями Крыма и Кавказа российского суверенитета.

С момента восстановления Элладой своей независимости в 20–30 гг. XIX века на территорию Российской империи, в том числе и на земли современного Краснодарского края, стали направляться подданные Греческого королевства, среди которых были и служащие, и торговцы, и промышленники, и деятели культуры, и духовенство. Другим источником пополнения греческой диаспоры Причерноморья и Кубанской области было греческое населе-

ние Понта и других смежных территорий, бежавшее от антихристианской и антигреческой политики Порты, политики геноцида. Таким образом, по результатам переписи 1897 года греки составляли 1,05% населения Кубанской области (греческий своим родным языком назвали 20137 человек) [1], [2]. Ощутимая по размерам греческая диаспора активно участвовала во многих сферах жизни региона. Активную позицию греки занимали в торговле (в том числе и внешней), табаководстве, банковском деле, производстве хлеба и подсолнечного масла. Значительные по численности и влиянию общины жили в столице области — Екатеринодаре, также в станицах Крымской, Славянской, Анапе, селении Армавире.

К концу XIX века в Екатеринодаре сформировалась довольно мощная греческая община. Как и во многих местах она тоже была неоднородной. Часть греков были выходцами из Трапезундского вилайета, часть из Карса (греки-понтийцы). Основу греческой интеллигенции составляли подданные Греческого королевства, находившиеся в России с различными миссиями политического, экономического или религиозного характера. Были также греки-старожилы (в основном черкесские греки, жившие рядом с черкесогаями), или же перешедшие в российское подданство.

В Екатеринодаре существовало Эллинское благотворительное общество. В него входили различные группы населения: купцы, служилые люди, государственные служащие, духовенство и т.д. Целью Общества была экономическая и социальная координация представителей греческой диаспоры города.

Необходимо отметить тот факт, что к началу 60-х гг. XIX века в Екатеринодаре одна из улиц получила название «Посполитакинская» в честь войскового старшины Александра Лукича Посполитаки. На ней располагались многочисленные торговые и производственные предприятия греков. Так, например, там находился дом и табачный склад А.И. Сарантиди.

О самом А.Л. Посполитаки «Кубанские областные ведомости» писали, что он играл важную роль в торговле на Кубани, являлся откупщиком. Он же спонсировал строительство в городе церкви Всех Святых на кладбище. В 1847 году после своей отставки с поста войскового старшины он решил построить в городе 20 торговых лавок.

Другим ярким предпринимателем был греческоподданный Христофор Иванович Фотиади, который владел обувной фабрикой, занимался кожевенной торговлей. Его сын Геракл Христофорович Фотиади дослужился до чина генерала.

На той же Посполитакинской улице в 1890 году Адам Дмитриевич Адамули начал строительство первой в городе торговой бани.

Харлампий Иванович Вафиади занимался торговлей хлебом. В период 1891–1899 гг. являлся гласным Екатеринодарской Городской Думы [3].

Ещё в седой древности древними эллинами были обжиты места, на которых располагается современная Анапа. Греческое поселение Горгиппия было основано более 2500 лет назад. В IV до н.э. в период расцвета Боспорского царства Горгиппия, благодаря удобной гавани, стала крупным портом, через который шла оживленная торговля с греческими государствами. В VI веке при императоре Юстиниане I земли Боспорского царства входят в состав Византийской империи. Непродолжительный период эти владения были под властью киевских князей в XI веке. В XIV–XV вв. политическую и экономическую инициативу в этом регионе перехватывают венецианские и генуэзские купцы и колонисты. Условной датой конца их гегемонии на Северочерноморском побережье можно считать 1453 год — время падения Константинополя, так как турки-османы закрыли черноморские проливы для торговли. На 400 лет над этими землями установился турецкий гнет.

Главным итогом многочисленных русско-турецких войн XVIII–XIX вв. стало присоединение территорий Северного Причерноморья к Российской империи. С этого момента и начинается история современной Анапы. На протяжении второй половины XIX в. поселение стремительно развивалось. В 80–90 гг. в городе наряду с развитием сельского хозяйства начинает процветать дачное строительство, туризм, торговля. В Кубанских календарях упоминаются многочисленные анапские купцы 1-й и 2-й гильдии. В эти годы большинство лавок, кофеен, рыболовных и кирпичных

заводов принадлежало грекам, среди которых в том же Календаре упоминаются Элефтерий Симеонович Популиди, Константин Николаевич Кариофили, Иван Ставрович Янакулов, Николай Элефтерович Триандафиллиди, Трифон Юрьевич Попандопуло и др. В основном они жили на Кубанской улице и Греческом переулке, где и по сей день стоят добротные каменные дома. А кирпич приобретали на четырех кирпичных заводах, принадлежавших Лазарю Константиновичу Яполаки, Екатерине Христофоровне Фомаидис, Федору Константиновичу Ставраки и Дмитрию Константировичу Киреки [4].

На протяжении XIX–XX вв. греческая община играла одну из первоопределяющих ролей в жизни Анапы. И в наши дни происходит консолидация национальных сил греческой диаспоры города, проявляющаяся во многих сферах: культурной, экономической, духовной. В настоящее время в Анапе создаются многочисленные образовательные и культурные объединения, основанные на приобщении людей к греческой культуре.

В Армавире к началу XX имелась относительно многочисленная греческая диаспора (269 человек по переписи населения Российской империи 1897 года), сформировавшаяся в основном из двух потоков: греческие беженцы из Османской империи (переселялись наряду с армянским населением из Западной Армении, Карса, Трапезунда) и греческоподданные торговцы, промышленники, ученые и т. п. Многие греческие предприниматели владели рядом предприятий в селе. Известными хлебными торговцами были Г.С. Бациоти, В.Г. Дусманис, П.Н. Гаганис, Г.И. Вокаяни, А.М. Евангелиди, П.М. Гаганис, К.Г. Кадурос, А.И. Кологереси, П.С. Анастасиади, К.Ф. Вамварис, И.Д. Аподиако, Е.И. Кусидис, А.Н. Спари, И.Д. Хрисанти, К.Ф. Вамварис, чьи имена были известны во всем городе и упоминались в Кубанских календарях начала XX века.

Маслобойный завод армавирского купца-миллионера П.Д. Спари был построен в селении в 1901 году рядом с предприятиями братьев Бабаевых и Унановых. По опубликованным в 1909 г. статистическим сведениям здесь насчитывалось 80 человек рабо-

чих. От остальных предприятий завод П.Д. Спари отличался наличием шестиэтажного элеватора, возведенного для хранения семян подсолнечника [5].

Одним из портовых городов в то время был Ейск. Морские пути шли от Ейского порта через Керченский пролив в различные города черноморского побережья разных стран, в первую очередь Османской империи. Среди жителей Ейска, занимавшихся морской торговлей было немало греков. Так, например, в 1857 году в Екатеринодаре наместник Кавказа князь Барятинский принял делегацию ейских купцов. Её возглавлял купец 1-й гильдии Георгий Какодаки. Торговля ейских купцов, в том числе и греческого происхождения, была разноплановой.

Например, в мае 1858 года к причалу Ейского порта привел свой корабль «Божья Матерь» шкипер Σάββας Παπαδόπουλος (Савва Попандопуло) с грузом турецкого табака для купца Καπόράκη (Капораки). А шкипер Ανδρέας Σαχτούρης (Андрей Сахтури) на судне «Солон» привез масло.

Деятельность предприимчивых греческих людей Ейска не ограничивалась только торговлей. Греческая диаспора была представлена и в банковской сфере. В 1883 году в городе Ейске открывается отделение Азовско-Донского банка. А в 1898 году его главой стал Харлампий Харлампиевич Франкопуло (Χαραλάμπιος Χαραλαμπίου Φραγκόπουλος).

Можно привести другие примеры, показывающие широкое представление греческой диаспоры Ейска в экономике города и региона. Так, клиентами Азовско-Донского банка были: купец Григорий Калараки, занимавшийся чугунолитейным производством, Илья Павлович Пигиди (Ιλίας Παύλου Πηγίδης) [6].

Давним местом пребывания греков являются земли современных Славянского и Крымского районов Краснодарского края. И по сей день в таких населенных пунктах как г. Крымск, г. Славянск-на-Кубани с. Мерчанское, ст. Нижнебаканская, х. Новоукраинский и др. имеются крупные греческие общины, в некоторых из них составляя большинство в процентном соотношении от количества всех жителей.

К 10-м г. XX века станица Славянская представляла собой довольно крупный населенный пункт. В 1916 году через ее территорию были проложены железнодорожные пути. Данное обстоятельство оживило экономическую жизнь станицы. К этому моменту в Славянской имелось около 150 предприятий различной направленности. Среди владельцев объектов промышленности и торговли имелись и греки. Торговлей зерном занимались Таксопуло и Рамониди, производством лимонадных напитков — Христофор Афанасьевич Арачиди. В сфере торговли лесом находился бизнес Григория Григорьевича Ксандопуло [7].

На протяжении второй половины XIX – нач. XX в. греки принимали активное участие в жизни Кубанской области, активно проявляя себя во многих ее сферах. Ситуация резко изменилась после революции 1917 года и годы гражданской войны. Предприятия, магазины, сельскохозяйственные угодья были национализированы. В последующие предвоенные десятилетия многие представители греческой диаспоры Кубани были либо репрессированы, либо вынуждены были уехать заграницу (зачастую по причине того, что являлись гражданами и подданными других государств), в частности на историческую родину в Грецию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 65. Кубанская область. — СПб., 1905. — С. V.
2. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период 1839–1918 гг.). — Армавир, 2002. — С. 180.
3. Кочериди Ю.Д. Греки в истории Кубани. — Краснодар, 2011. — С. 24–29.
4. Там же. — С. 178.
5. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период 1839–1918 гг.). — Армавир, 2002. — С. 180.
6. Кочериди Ю.Д. Греки в истории Кубани. — Краснодар, 2011. — С. 407.
7. Там же. — С. 424.

Д. О. Шамов (г. Армавир)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ГОРСКИХ ОПОЛЧЕНИЙ В СОСТАВЕ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Актуальность темы заключается в том, что в современной историографии события вышеуказанного периода зачастую изображаются как военное противостояние всех горцев Северного Кавказа против России. Однако при этом не берется в расчёт то, что на стороне России сражалось немало выходцев из данного региона. Многими известными фактами просто пренебрегают. На наш взгляд, важно собрать и обобщить разрозненные факты, для того чтобы представить целостную картину взаимодействия горцев и российского государства. Важно понимать, что речь идёт и о таком значимом процессе как межэтнические отношения.

Цель данной статьи — показать участие горцев Северного Кавказа в боевых действиях на стороне русской армии в первой половине XIX века.

Источниками для написания работы послужили воспоминания участников кампаний данного периода. Важные сведения по теме содержатся в трудах Р.А. Фадеева [1], В.А. Потто [2] и других авторов.

Можно выделить несколько различных видов участия кавказских горцев в военных делах русской армии. Так, например, в воспоминаниях офицера русской армии Ф.Ф. Торнау подробно описываются его переходы в труднопроходимых местах, а также разведка и описание местности и особенностей различных народов. Но всё это было бы не возможно без участия проводников из горской среды. Тем самым мы видим индивидуальное оказание содействия российским офицерам.

Следует отметить, что в воспоминаниях многих офицеров прослеживается отношение горцев к силам, враждебно настроен-

ным к России. Так, например, Р.А. Фадеев указывает: «В 1843 году горцы сами ринулись из глубины своих ущелий, отняли у нас Аварию и Кайсубу, несмотря на то, что население этих стран храбро стояло за нас» [3]. Аналогичные наблюдения при описании боевых действий встречаются у офицера, участвовавшего в Даргинской экспедиции 1845 года, Н.В. Норова: «Нельзя не отдать при сём полную справедливость участвовавшим добровольно в деле 12 апреля мирным чеченцам, жителям Умаханюртского предместья по обоим берегам Сунжи; они много содействовали войскам нашим к прогнанию неприятеля» [4]. Данное описание относится к периоду, когда Шамиль имел большой успех на Кавказе в распространении своих идей и власти. Историк Венков в своей работе также писал: «Скопище чеченцев во главе с наибом Талгиком... было разбито. Причем били хищников и русские и мирные чеченцы» [5].

Интересные данные приводит в своих трудах В.А. Потто. Историк описывает, как в 1812 году некто Медокс пытался собрать кабардинское формирование, состоящее не только из князей, но и из узденей, дворян и уорков, а также ополченцев из закубанских черкесов. «Успех дела превзошел самые смелые ожидания, и вместо гвардейской сотни, о которой притом прежде только мечтали, теперь явилась возможность двинуть в действующую армию несколько тысяч отборной конницы...От кабардинского ополчения ожидали весьма много» [6]. Но, к сожалению, ополченцы так и не вступили в дело и были распущены. Властям того периода не удалось закрепить успех и правильно выстроить отношения с горцами.

В описании различных участков Кавказского театра военных действий встречается много сведений о народных ополчениях. Так, в воспоминаниях Н.В. Норова упоминаются отряды добровольцев «сухарной экспедиции»: Чеченский отряд включал в себя 7 сотен Грузинской, Кабардинской, Дигорской, а также Осетинской конных милиций; Дагестанский отряд включал две сотни дагестанских всадников и милиции [7]. Из этих сведений видно, что участие в народных ополчениях принимали выходцы из различных областей Кавказа.

В воспоминаниях Ф.Ф. Торнау также упоминаются такого рода формирования. «Для прикрытия работ на левом берегу Бзыба необходимо было выдвинуть авангард на правый берег реки и устроить для него сообщение с главным отрядом. С этой целью N. вызвал к войскам владетеля с несколькими сотнями абхазских милиционеров, которых он расположил в лесу за Бзыбом, дав им в подкрепление две русские роты» [8]. При этом Торнау поясняет, что части эти были сформированы на добровольной основе и служили для «охраны порядка и безопасности в данном районе» [9].

Так же для поддержания связи между крепостью Грозной и кумыкской плоскостью были направлены в охранение аула Акбулат-Юрт рота пехоты с орудием и 25 кумыков-милиционеров. В июле 1846 года ополченцы выступали и в качестве конвоя командующего Кумыкской линией Козловского на фуражировке. Полковник Слепцов в операцию по взятию Шалинского окопа в августе 1850 года включил в состав своих войск отряды горских ополченцев. Милиция в его подразделениях составляла значительную часть (несколько сотен) и принимала активное участие в наступательных действиях. 20 ноября в бою за аксаевские кочевья против 1500 всадников Шамиля принимало участие несколько сот казаков и кумыкская милиция. В летней экспедиции 1851 года под начальством Барятинского Бакланову было поручено руководить всей конницей отряда. 11 декабря 1854 года при взятии чеченского аула Халин участвовали сунженский полк и грозненская милиция [10].

В 1842 году для конвоя командующего войсками Северного и Нагорного Дагестана были сформированы две сотни «Дагестанских всадников». Этот опыт оказался удачным, и уже в 1850 г. число всадников было увеличено до 400, а в следующем году сформирована 5-я сотня. Одновременно возникла мысль объединить сотни в самостоятельный полк. Такое мероприятие совпадало с общей политикой российских властей на Кавказе. В 1851 году Николай I одобрил идею и утвердил «Положение о Дагестанском конно-иррегулярном полку». Этот день стал датой старшинства новой части. В феврале 1852 г. была сформирована 6-я сотня, а окончательное устройство полка завершилось к маю 1852 года.

С самого начала Дагестанский конно-иррегулярный полк принимал активное участие в «Кавказской войне». Уже через месяц после сформирования полк выступил на позицию у Кутишинских высот. В июле 1852 года три сотни участвовали в походе на аул Кудух, а 2-я сотня отличилась в деле у Аркаса, где отбила яростные атаки горцев. После этого в составе Дагестанского отряда полк нёс сторожевую службу. В 1853 году Дагестанский отряд совершил «исторический и почти безпримерный» переход через Главный Кавказский хребет в Джаро-Белоканский округ на выручку отряда князя Орбелиани. Полк перенёс все трудности похода. Своим появлением отряд предотвратил разгром Кахетии Шамилем.

В 1854 году Дагестанский полк отличился при взятии приступом горного селения Уркарах, где двум сотням пришлось в пешем строю брать штурмом сакли, затем полк сражался у Буртуная. В следующем году 5-я сотня дагестанцев наткнулась у Аркаса на 5-тысячный отряд горцев под предводительством сына Шамиля Кази-Магомета. Несмотря на неравенство сил, сотня приняла бой. Благодаря неустрашимости и хладнокровию командира сотника Абдурахмана, около десяти яростных атак горцев были отбиты. После прибытия подкрепления — роты пехоты — сотня перешла в атаку и принудила Кази-Магомета отступить. Чтобы сохранить в 5-й сотне память об этом блистательном деле, командующий войсками в Прикаспийском крае князь Орбелиани подарил сотне значок из белой материи с золотой бахромой и золотой надписью по обеим сторонам на русском и арабском языках: «Аркас. 26 окт. 1855 г.» [11].

Также важно отметить, что горское ополчение участвовало не только во внутренних конфликтах, но и во внешних. Одним из ярких примеров тому, может послужить участие их формирований в Крымской войне. Р. Фадеев писал об этом следующее: «Эти самые люди..., поступив охотниками в горские дружины, будут верными солдатами, как это доказал конно-дагестанский полк, лучшею полицией в горах и превосходным войском для внешней войны, — французскими туркосами, только высшего качества» [12]. Некоторые формирования горских ополченцев при-

нимали участие в боях на Закавказском фронте. Под руководством Бакланова летом 1855 года находилась кавалерия Александропольского отряда генерал-лейтенанта Бриммера, состоявшая из 7 полков конницы, включая дивизион черкесской милиции. Это подразделение состояло из кабардинской и осетинской сотен. Черкесский дивизион входил в летучий отряд генерала Бакланова, основной функцией которого было нарушение сообщения с западной стороны между осажденной турецкой крепостью Карс и основными силами турок от села Бозгалы до Ардаганской дороги. 21 июля ополчение участвовало в перехвате продовольственного транспорта, состоящего из каравана в 60 вьюков, двигавшегося с северной стороны в крепость. Командующий корпусом генерал Бриммер вспоминал: «В особенности сильный отряд генерал-майора Бакланова часто привозил значительные транспорты на вьюках, то с хлебом, то с фруктами, старавшиеся прорваться в крепость с горной стороны». 25 июля для плотной блокировки Карса с севера создали сводный отряд, в который вошли кабардинская и осетинская сотни. 18 августа дивизион участвовал в сшибке регулярной кавалерией и башибузуками. 22 августа милиция первой налетела на фуражиров и начала рубку с башибузуками, но в одиночку справиться не могла, вовремя на выручку подоспели казаки [13].

Историк Ш.М. Батчаев указывает, что во время Крымской войны от карачаевских обществ в горской милиции служили более ста ополченцев. Они выполняли различные функции. Часть из них, примерно 20 человек, служили в Закавказье и участвовали во многих сражениях кампаний 1854 и 1855 годов против турецкой армии. Другие несли важную службу по охране горных перевалов от проникновения турецких войск со стороны Абхазии [14].

Таким образом, горцы Северного Кавказа принимали участие в ряде походов русской армии. Форма их участия была различной, наиболее ярко она проявлялась в народных ополчениях, создаваемых преимущественно на добровольной основе. Отряды горской милиции возникли во многих местах Кавказа: Абхазии, Дагестане, Осетии, Кабарде, Чечне и др. Основой для взаимодействия с рус-

ской армией стало понимание общих целей, достижение мира и порядка на Северном Кавказе [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фадеев Р.А. Кавказская война. — М.: Эксмо, 2003.
2. Потто В.А. Кавказская война: в 5 томах. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. — М.: Центрполиграф, 2007.
3. Фадеев Р.А. Указ. соч. — С. 58.
4. Даргинская трагедия. 1845 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века» / Составление текстов Г.Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б.П. Миловидова. — СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.68.
5. Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. — М.: Вече, 2008. — С. 296.
6. Потто В.А. Указ. соч. С.514.
7. Даргинская трагедия. 1845 год. С.132.
8. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера / Подготовка текста Макарова С.Э. — М.: Аиро–XX, 2000. — С. 91.
9. Там же. С.347.
10. Венков А.В. Указ. соч. — С. 181, 186, 271, 278, 289, 367.
11. Михаил Васильев. Дагестанский конный полк 1851–1914 // Журнал «Цейхгауз». 2000. №10. (Интернет ресурс: http: // siberia-miniatures.ru/forum/showthread.php?fid=10&tid=226).
12. Фадеев Р.А. Указ. соч. — С. 103.
13. Венков А.В. Указ. соч. — С. 371, 378, 380.
14. Батчаев Ш. М. Карачаевцы в войнах России (2-я пол. XIX — начало XX вв.). 2009. — С. 40. (Интернет ресурс ...2b6/karachaevci_v_voinah_Rossii.doc).
15. Горские авторы писали, что взятые для службы у русских были людьми с плоскости (предгорной равнины), которые служили под принуждением. Они отрицали у них наличие боевых качеств в силу осознания своего традиционного превосходства над населением равнины, территория которой уже в силу своего географического положения имела очевидные изъяны (См.: Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПБ.: Петербургское востоковедение, 2007. — С. 49). О том, что эти авторы могли ошибаться, свидетельствуют и другие статьи данного сборника (см. статью О.Б. Емельянова).– Ред.

ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И ДОБРОСОСЕДСТВА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

С.С. Авакян (г. Армавир)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕНТРЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВЛАДИКАВКАЗА КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Владикавказ всегда отличался многоконфессиональной пестротой. На небольшой по размерам территории города были представлены едва ли не все известные миру конфессии. В 1852 году численность населения крепости достигала 3653 человека, из которых 3199 представляли православную общину, 154 — католическую, 171 — мусульманскую, 96 — армяно-григорианскую, 27 — лютеранскую [1].

Православная община дореволюционного Владикавказа была представлена русскими, осетинами, грузинами, греками.

9 мая 1785 года был издан Указ Государыни Императрицы Екатерины II в котором говорилось: «В построенной крепости при входе в горы Кавказские позволяем Мы соорудить церковь православного нашего закона.....». Так в крепости Владикавказ появилась первая церковь [2].

Храм был сооружен в центре Владикавказской крепости. Ныне на этом месте находится Пушкинский сквер. Церковь была выстроена из турлука и обмазана глиной. В 1818 году вместо нее была сооружена деревянная Спасо-Преображенская церковь. В 1858–1859 гг. храм был расширен приделами на юг и север. В 1863 году церковь становится собором и переходит в собственность города Владикавказа. В ограде собора были погребены герои недавно завершившейся войны, а также знатные горожане. Здесь находились

могилы, как основателей Владикавказа, так и владикавказцев начала XX века [3].

Осетинская церковь Рождества Пресвятой Богородицы была основана в 1815 году и более 50 лет обслуживала все православное население дореволюционного Владикавказа. Небольшое деревянное здание неоднократно подвергалось перестройке. В 1823 году на месте деревянной церкви была построена каменная.

В ограде церкви находилось кладбище, где нашли вечный покой многие знатные горожане. В первые годы на кладбище хоронили участников «Кавказской войны». Здесь были погребены лучшие представители осетинской интеллигенции [4].

В 1872 году началось строительство храма Михайло-Архангельского собора в ознаменование окончания «Кавказской войны». В то время он величественно возвышался над городом и был виден из каждой его точки. В 1894 году храм был освящен. В советское время собор постигла судьба большинства храмов Владикавказа. Он был разрушен [5].

Свою церковь имел в городе и Тенгинский полк. Сначала здание было деревянным, потом, в 1879 году, на его месте была сооружена каменная, пятиглавая с колокольней церковь во имя Св. Апостолов Петра и Павла [6].

В ноябре 1887 года была основана Братская церковь во имя святой Троицы и освящена экзархом Грузии. Свято-Троицкое братство объявило своей целью утверждение религиозно-нравственного просвещения, христианского благочестия и нравственности среди населения города. Членами Братства могли быть лица всех званий и состояний обоего пола, сочувствующие целям данной организации и оказывающие духовную, а также материальную помощь в их осуществлении [7].

Со временем представители православной общины пожелали иметь свои религиозные учреждения, в которых богослужение проводилось на родном языке.

Грузины в 1898 году создали свою церковь во имя Святой Нины Просветительницы при училище. Это была первая грузинская церковь на Северном Кавказе [8].

Рождественская осетинская церковь (освящена в 1824 г.).

3 июня 1902 года была освящена греческая церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы [9].

В 1843 году была открыта армяно-григорианская церковь. В 1862 году армянская консистория подняла вопрос о строительстве каменного храма. Численность армянского населения неуклонно росла, небольшая по своим размерам церковь с трудом вмещала всех верующих, особенно в дни религиозных праздников. 18 августа 1902 года состоялось торжественное освящение перестроенной церкви [10].

В 1864 году проживавшие в городе евреи обратились с просьбой к Начальнику Терской области об открытии синагоги. Был построен деревянный молитвенный дом во 2-й части города. В 1862 году синагога была освящена [11].

27 марта 1911 года «Терские ведомости» сообщили об освящении евангелическо-лютеранской церкви: «На первой обедне присутствовало много горожан и посторонней публики». В городе эту церковь называли немецкой кирхой. Она была построена в готиче-

Владикавкаская суннитская мечеть (освящена в 1908 г.).

ском стиле, к ней примыкало одноэтажное здание, в котором располагалась немецкая школа [12].

В 1868 году поляками был построен Римско-католический костел св. Антония [13].

Мусульманская община города была представлена татарами, кумыками, частью осетин, ингушами и персами.

В 1900 году было выдано разрешение на строительство мечети, а открытие ее состоялось 14 октября 1908 года. Более пятидесяти тысяч рублей были потрачены Муртазой Мухтаровым на строительство мечети. Поэтому она известна также как мечеть Мухтарова. Причиной проявления такой щедрости была любовь азербайджанца к осетинке. Именно во Владикавказе Муртаза Мухтаров встретил свою жену Лизу Туганову и здесь же сочетался с ней законным браком. После женитьбы супруги переехали в Баку. Активными прихожанами церкви были и осетины, и кумыки, и другие мусульмане города [14].

Мусульмане-шииты тоже имели свою мечеть. Построена она была на средства персов-шиитов, проживающих во Владикавказе

(70-х гг. XIX в.) Архитектор здания неизвестен. В настоящее время в нем размещается планетарий. С вершины купола был убран шток с полумесяцем [15].

Таким образом, религиозные центры Владикавказа выполняли различные функции: религиозно-культовую, благотворительную, культурно-просветительскую. Храм как неотъемлемая часть духовной культуры был хранителем традиций и обычаев, а также средством сохранения национальной самобытности. Между представителями различных конфессий складывались толерантные отношения. Храмы принимали активное участие в создании и распространении городской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кавказский календарь на 1852 год. — Тифлис. 1851. — С. 310–315.
2. История Владикавказа (1781–1990 гг.). Сборник документов и материалов. — Владикавказ, 1991. — С. 18.
3. Киреев Ф.С. По улицам Владикавказа. — Ростов, 2008. — С. 44.
4. Там же. — С. 50–53.
5. Старый Владикавказ // Электронный ресурс: http: // oldvladikavkaz.ru (дата обращения: 25.01.2014).
6. Гутиев З. Эти здания Владикавказа расскажут о многом // Северная Осетия. — 2002. — № 150.
7. Семенов Л.П., Тедтоев., Кусов Г.И. Орджоникидзе-Владикавказ. Очерки истории города. — Орджоникидзе, 1972. — С. 74–76.
8. Канукова З.В. Старый Владикавказ. — Владикавказ, 2008. — С. 182.
9. Там же.
10. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1988. Л. 8.
11. Владикавказ — Дзауджикау. Краткий историко-краеведческий справочник. — Владикавказ,1999. — С. 124.
12. Терские ведомости. — Владикавказ,1911. — № 11.
13. Метревели О. Калейдоскоп событий // Северная Осетия. — 2000. — № 46.
14. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1960. — С. 89.
15. Там же. — С. 90.

С.А. Голованова, Е.В. Шутемова (г. Армавир)

ИНСТИТУТЫ ДОБРОСОСЕДСТВА У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вопрос толерантности и признания культурных, национальных различий становится одним из важнейших условий дальнейшего развития человечества. Однако решение данной проблемы лежит не в этнической унификации, национальной индифферентности и социокультурной автономности социальных общностей, а в нахождении моделей социальной коммуникации, позволяющих сохранить или сформировать позитивно-ресурсные основания национальных культур в условиях усиливающегося и усложняющегося межэтнического взаимодействия, которое, в свою очередь, по-своему определяет и влияет на особенности формирования локальных социумов и социальных групп. Накоплен большой исторический опыт сотрудничества народов, сформировался общий пласт культуры, выступающий в настоящее время, в свою очередь, фактором относительной межэтнической стабильности.

В основе этнической интеграции находится толерантность, рождающая традиции добрососедства. Согласно Н. Г. Соловьевой «...к ним можно отнести тесные межэтнические контакты, такие как куначество, алатычество, гостеприимство, побратимство и пр.» [1]. Данные институты добрососедства включают в себя целый калейдоскоп традиций и обычаев и являются показателем зрелых межэтнических отношений.

Пожалуй, самой высокой степенью межэтнической интеграции можно считать заключение межэтнических браков. Межкультурное взаимодействие в национально-смешанных семьях характеризуется созданием унифицированного слоя культуры. Э. С. Асанова отмечает: «Подобная семья вырабатывает общие, обоюдно приемлемые формы семейной жизни: язык внутрисемейного общения, элементы семейного быта и семейной обрядности» [2]. Другими словами, культуры, встретившиеся в одной семье, не самоуничтожаются, а сосуществуют в весьма причудливых сочетаниях и проявлениях.

Признается, что межэтнические браки возникают в полиэтничных обществах в условиях постоянных контактов людей различных народов в производственной, бытовой сферах, и традиции межэтнической брачности тем прочнее, чем дольше контакты и чем меньше имеют место искусственные запреты на браки между лицами разных национальностей. Показателен, в данном случае, факт бракородственных связей между казаками и горцами. Как неоднократно отмечалось исследователями, казаки, изначально представляя исключительно мужское население, роднились с местными северокавказскими народами, беря себе жен из местной среды, а также принимали в свою среду отдельных представителей горцев. А.Н. Мануйлов, говоря об этнических стереотипах, связанных с выбором брачного партнера, считает, что как в XVI, XVII, XVIII вв., так и в конце XIX – начале XX в., наблюдалось «невнимание» казачьей семьи к этническому происхождению предполагаемого брачного партнера. Это, по его мнению, свидетельствовало об иной, отличной от этнической сущности казачьей самоидентичности и единства культурной традиции [3]. О родстве гребенских казаков с чеченцами свидетельствуют ряд казачьих фамилий, в числе которых Гуноевы, Гулаевы, Закаевы, Молаевы, Харсеевы и др. [4]. Н.Н. Великая приводит этнографические материалы, согласно которым у червленского казака С.М. Фролова, жившего в первой половине XIX в., жена была из рода кабардинских князей Таймазовых, жительница станицы Червленной называлась тавлинкой (горянкой), так как родом была из дагестанского аула Ахульго [5].

Необходимость сосуществования в условиях культурного, социального, этнического многообразия способствовала возникновению у народов Северного Кавказа институтов, назначением которых было преодолевать существующее обособление и отчуждение этнических и социальных миров, с помощью которых удавалось налаживать связи и контакты, устанавливать пути взаимного

общения и доверия между разными народами и разными группами одного народа. Этой цели служили такие традиционные институты, как гостеприимство, куначество, аталычество, побратимство и другие, чрезвычайно многообразные на Кавказе формы заключения искусственного родства.

Соседские отношения у народов Северного Кавказа зачастую приравнивались по значению к родственным. Мнение соседей нельзя было не учитывать, всеми силами стремились избегать конфликтов с соседом, быть с соседями заодно. Сосед считался настолько «своим», что у некоторых народов Кавказа браки с соседями фактически были запрещены. О желательной модели поведения по отношению к соседям говорят пословицы карачаевцев, адыгов, лезгин, вайнахов. Например, «Если сосед слепой, жмурь глаз и ты»; «Плохая собака бросается на соседа»; «Если сосед с соседом заодно, то они вместе — как обоюдоострый клинок»; «Унижая соседа, сам унижаешься»; «Пища без воды и еда без соседа — грешны»; «Выбери себе соседа до того, как построишь дом» и др.

Причина формирования подобных воззрений — необходимость единения перед лицом различных угроз и опасностей: нападения врагов, стихийные бедствия, болезни и эпидемии. Н.Н. Павленко проанализировал горские и казачьи пословицы и поговорки и увидел в них отражение традиций добрососедства: «В одиночку человек ни на что не способен»; «Удалью одного храбреца крепость не взять»; «Одно дерево — не сад, один камень — не стена»; «Кто не с людьми — тот вроде и не родился»; «Отделившийся от стада получает палку». Только сообща можно решить даже самые сложные задачи: «Сабля народа рубит, даже если она из войлока»; «Если все помогают, то и войлочный кол в землю войдет»; «Когда все вместе, тогда и Надир-шах глуп»; «Перед народом и лев склонится»; «Мясо, сваренное в большом котле, сырым не останется»; «Общий котел и на льду закипит» [6].

Правила гостеприимства, безусловно, распространялись на людей иной веры и иной национальности. Строгое соблюдение адыгами обычая гостеприимства отмечено в сборниках адатов, составленных в первой половине XIX в.: «Гостеприимство у черкес считается первейшей добродетелью, и гость у них, кто бы он ни был, есть особа неприкосновенная». Как отмечают исследователи, сосредоточение в кунацкой адыга всего лучшего (оружие, ковры, посуда и т. д.), что есть в доме, имело целью не только украсить помещение, но и подчеркнуть, что все в доме принадлежит гостю. Обычай также предписывал хозяину защищать гостя в случае нанесения ему обиды и всячески помогать ему в его делах, даже если это был преступник или кровник.

Широко распространенный среди горцев Северного Кавказа обычай куначества способствовал укреплению межэтнических отношений, разрушал культурные, языковые и иные барьеры. Отношения куначества завязывались между гостем и хозяином при первых же встречах. Они, как правило, становились друзьями, верными, как родные братья, обменивались подарками. Согласно Ш.М. Карпееву и И.В. Казиеву, «в честь такого побратимства кунаки выпивали молоко или вино из одной чаши, в которую в знак постоянной и «нержавеющей» дружбы бросали золотые или серебряные монеты» [7]. Кунаков связывали взаимопомощь и участие в важнейших делах друг друга. Случалось, что кунак занимался воспитанием детей вместо умерших родителей, заботился о них до совершеннолетия.

Данный обычай связывала кунаков не только гостеприимством, но и взаимопомощью. Горец считал своим первым и священным долгом оказывать при надобности материальную помощь кунаку-казаку. Точно так же относились казаки к своим кунакам-горцам.

Казаки и горцы не только поддерживали обычай куначества, но и «гордились своей дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению» Нередко можно было встретить в горских аулах гостей — казаков и казачек. В этой связи большой интерес представляет предание, указывающее на то, что русская женщина «ходила одна по черным и лысым горам». Очевидно столь свободное «путешествие» русской женщины в горах, с какой бы целью оно ни предпринималось, говорит, прежде всего, о добрососедских и дружеских отношениях. «Кроме того, казачка

нередко в горских аулах встречалась и в качестве жены того или иного горца — казачьего кунака» [См.: 8].

Своеобразной формой семейных отношений на Северном Кавказе было аталычество. М.О. Косвен определил «аталычество (от слова *«ата»* — отец), как передача детей для воспитания в другие семьи. Особенно распространено оно было у адыгов, осетин, балкарцев, карачаевцев и кумыков [9]. Институт аталычества выходил за рамки одной этнической общности. Через него воспитывались дети других народностей, и этот институт служил одним из важных рычагов сближения разных племен и народностей. Это все способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению их культур. Причем воспитание в семье аталыка не способствовало социальному или экономическому выравниванию статусов в полиэтническом обществе, а скорее подчеркивало вассально-сюзеренные отношения между контактирующими народами.

Связи воспитанника с семьей аталыка на протяжении всей его жизни были очень тесными, аталык по обычаю считался главным советчиком и руководителем воспитанника. Аталык (формально — второй отец) нередко был даже ближе воспитаннику, чем родной отец. Жена аталыка считалась приемной матерью воспитанника, дети аталыка — братьями и сестрами.

Царское правительство, стремясь ослабить влияние кабардинских феодалов на соседние народы, предприняло попытку запретить этот обычай. В 1822 г. А.П. Ермолов издал прокламацию на уничтожение аталыческих взаимоотношений между кабардинскими феодалами и соседними народами Кавказа: «Отныне впредь воспрещается всем кабардинским владельцам и узденям отдавать детей своих на воспитание к чужим народам, то есть: к закубанцам, карачаевцам и вообще горским народам, но воспитывать их в Кабарде. Тех, кои отданы прежде, тотчас возвратить» [10].

Тем не менее, отдача детей на воспитание продолжалась, хотя и в значительно меньших масштабах, и в последующие годы. Причиной этого исследователи считают то обстоятельство, что установление аталыческих связей было выгодно обеим сторонам: «даже в условиях глубокого кризиса традиционного общества и утраты политической самостоятельности воспроизводились механизмы поддержания упорядоченных регулируемых по понятным правилам, а потому мирных межэтнических отношений».

Повсеместно было распространено молочное родство: оно возникало и как следствие действительного кормления грудью чужого ребенка (при отсутствии молока у матери), и как стремление примирить кровников или обрести покровительство того или иного человека — когда взрослый человек символически касался губами груди женщины. Побратимство (а у некоторых народов и посестримство), оформлявшиеся различными способами (питье из общей чаши, обмен оружием или подарками), — также известно всем северокавказским народам.

Особой формой искусственного родства были присяжные или клятвенные братства, которые в зависимости от местных условий и конкретных ситуаций оформлялись или как индивидуальное, или коллективное усыновление, или как побратимство [11].

Согласно одной из них горцы, в частности адыги использовали любые способы, чтобы войти в контакт с казаками. Не смотря на экзогамные запреты, к бракам с адыгами относились более терпимо, чем к бракам с иногородними. По свидетельству Ф.А. Щербины, смешанные браки были достаточно обычным явлением, а черкесы и черноморцы хотели родниться: черкешенки не прочь были выйти за русских, а казачьи старшины мечтали о женитьбе на черкесских княжнах [12].

По другим данным межэтнические браки затруднялись запретами вступать в брак представителям разных конфессий, осуждались в своей этнической среде и не превышали 0,3%-0,5% от общего числа браков. Немного этот процент вырос в советские годы, когда роль религиозного влияния значительно упала.

Как бы там ни было, но именно межэтнические браки формируют тот пласт унифицированной культуры, который рождает наиболее толерантных личностей и сочетает в себе лучшие достижения кубанских народов.

Предпринятый анализ традиций, определявших межэтническое сотрудничество народов Северного Кавказа и Кубани, в част-

ности, свидетельствует об их богатстве и многообразии. Народы этого региона накопили богатейший опыт взаимной терпимости, разумного приспособления, достойных компромиссов, разностороннего сотрудничества.

Симбиоз всегда носит диалектический характер. Вышеописанные примеры дружественных и даже родственных отношений прекрасно уживались с набегами, воровством, угоном людей и скота на свою территорию и считались явлением обычным и нормальным. В.В. Гудаков справедливо заметил, что восприятие враждебности того или иного рода и даже войн как нормального явления, как неизбежного зла были составной частью мировоззрения людей того времени безотносительно к этнической психологии и стереотипам поведения. На Кавказе в то время война тоже считалась делом обычным и неизбежным. Другое дело, что у адыгов набеги были составной частью наездничества, неразрывно связанного с этническим стереотипом поведения, всем полностью военизированным бытом [13].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьева Н.Г. О культурном диалоге казачества и горского населения Карачаево-Черкесии (вторая половина XIX — первая треть XX вв.) // Вопросы казачьей истории и культуры. — Вып. 7. — Майкоп, 2011. — С. 105.
2. Асанова Э.С. К вопросу о межэтнической брачности // Материалы V Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь». Т. 3. — Майкоп, 2008. — С. 87.
3. Мануйлов А.Н. Статус женщины в обычноправовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX — 20-е годы XX века). — Армавир; Краснодар, 1998. — С. 15–16.
4. Великая Н.Н. Свадебная обрядность казаков и вайнахов как показатель этнокультурных связей // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Второй Международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. — Армавир, 2000. — С. 51.
5. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. — Ставрополь, 2012. — С. 84–85.
6. Павленко Н.Н. Культура толерантности в традициях народов Северного Кавказа // Ф.А. Щербина, казачество и народы Юга России. — Краснодар, 2007 [Электронный ресурс]: URL // http // www // slavakubani.ru.
7. Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке [Электронный ресурс]: URL // http: // www.nnre.ru/kulturologija.

8. Взаимосвязи русского населении и горских народов [Электронный ресурс]: URL // http: // kvkz.ru/history.
9. Косвен М.О. Аталычество [Электронный ресурс]: URL // http: // constitutions.ru/archives/6319.
10. Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке [Электронный ресурс]: URL // http: // www.nnre.ru/kulturologija.
11. Павленко Н.Н. Культура толерантности в традициях народов Северного Кавказа [Электронный ресурс]: URL // http // www.slavakubani.ru/history.
12. Бобикова Ж.Н. Взаимодействие и взаимовлияние культур кубанских казаков и адыгов (конец XVIII – XX век) // Власть и общество: национальная политика и межнациональные отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг. — Краснодар, 2006. — С. 7–10.
13. Гудаков В.В. Этногенез кубанского казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. — Вып. 2. — Майкоп, 2003. — С. 17.

Ю.А. Комарова (г. Армавир)

СПЕЦИФИКА КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО АРМАВИРА

В современном обществе, в связи с возникающими конфликтами, зачастую имеющими религиозную подоплеку, все чаще проявляется интерес к изучению истории различных религиозных течений и связанных с ними культовых объектов. А в рамках полиэтничного и многоконфессионального Армавира эта тема является особенно важной.

Следует также отметить, что, несмотря на резкие социальные и религиозные контрасты, здесь интенсивно вырабатывались традиции совместного проживания различных народов. Между представителями этнических общин Армавира сохранялись мирные добрососедские отношения. Это объясняется во многом тем, что у многих этнических общин Армавира существовала определенная профессиональная специализация. Занимая отдельные экономические, хозяйственные и культурные ниши и выполняя общественно-значимые функции, представители разных народов, с одной стороны, наиболее эффективно реализовывали себя в привычных сферах деятельности, а с другой — существенно ограничивали возможности конфликта на базе столкновения взаимных интересов.

Главные храмы города являлись центрами культурной жизни и обмена информацией, а также местом религиозного поклонения представителей различных течений христианства, например, православных верующих и представителей григорианского вероисповедания что, конечно, демонстрирует выработку традиции совместного проживания народов и атмосферу добрососедских отношений его жителей.

Проведение в 1875 году через Армавир Владикавказской железной дороги стало переломным моментом в его истории. Новая

транспортная магистраль оказала самое непосредственное влияние на быструю трансформацию всех сфер местной жизни. Сонный и патриархальный аул черкесских армян, переименованный в 1876 году в село, преображался буквально на глазах, в результате чего резко изменился состав и численность населения. Сюда стали прибывать массы переселенцев из различных уголков России. Удачное месторасположение Армавира на линии железнодорожной магистрали, посреди обширного сельскохозяйственного района с плодородными черноземами, вблизи от важнейших торговых центров Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии привлекало сюда не только русских, но и представителей многих других народов, живущих в нашем Отечестве [1].

Этническим общинам Армавира была присуща разная степень организации. В качестве объединяющих факторов могли выступать: общая профессиональная ориентация, территория компактного проживания, национальные учебные заведения, политические группы и партии, просветительские и благотворительные общества, собственные органы внутреннего самоуправления (например, Волостное правление у черкесо-гаев) и т. п. Однако важнейшим условием сохранения национальной идентичности в то время являлась религия. И в Армавире представители разных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих духовных нужд.

Вместе с увеличением иногороднего населения в Армавире получают распространение различные формы вероисповедания. Большинство приезжих русских, греков, грузин, чехов, литовцев, поляков были христиане, однако принадлежавшие к разным его течениям.

В конце XIX века в Армавире начинают сооружаться православные храмы. Так в 1884 г. на собранные верующими средства на одной из площадей селения был сооружен молитвенный дом во имя Святителя Николая [2]. Вскоре рядом была заложена каменная Николаевская церковь, освящение которой состоялось в 1892 г.

В 1939 г., в соответствии с постановлением Армавирского городского совета, храм был уничтожен.

Большинство ассирийцев Армавира также исповедовали православие. Однако из-за непонимания русского и тем более церковно-славянского языка халдеи неохотно посещали православные храмы селения. Ввиду этого, в начале 1910-х гг. они устроили в Армавире собственный нелегальный молитвенный дом, где под руководством священника Давида Вениаминова читали евангелие «на сирохалдейском языке, поочередно произносили проповеди для своего назидания и пели стихи нецерковного содержания» [3]. Там же действовала начальная ассирийская школа, где обучалось около 50 детей.

Говоря о втором направлении христианства — западном (католическом), то в Армавире у него также были свои последователи: местная община поляков, чехи, литовцы, небольшая группа немцев и армян.

В Армавире функционировал римско-католический дом. В источниках начала XX в. молитвенный дом чаще всего назывался католическим или польским костелом, так как подавляющее большинство его прихожан составляли поляки [4].

Для этой цели местное сельское общество подарило прихожанам обширный участок земли размером около 2 десятин на углу улиц Шереметьевской и Новой (ныне на этом месте стоит офисное здание по ул. Энгельса, 25). Строительные работы завершились примерно к 1909 году. Первоначально все религиозные обряды в костеле совершались приезжими священниками, а позже богослужения здесь стали проводить собственные ксендзы, назначавшиеся епископами Тираспольской римско-католической епархии. Первым настоятелем храма стал священник Роман Смолинский, утвержденный в этой должности 2 октября 1912 г. С его приездом уже в начале ноября того же года в костеле было введено ежедневное богослужение и исполнение необходимых обрядов.

Здесь отмечались не только религиозные католические праздники, но и совершались богослужения в честь важнейших событий в жизни России. Одновременно с костелом в Армавире возникает

приходское католическое кладбище, располагавшееся на западной окраине, рядом с русским и немецким некрополями.

Что же касается многочисленной армянской общины, то армяне были очень крепки своей идейной силой, определенным тяготением к духовному мировоззрению, выражавшемуся в исповедуемой ими христианской религии.

Весной 1840 г. на центральной площади аула (ныне площадь между улицами: Кирова, Жукова, Дзержинского и Осипенко) началось строительство первой деревянной армяно-григорианской церкви. Строительные работы шли быстро, но в одну из ночей 1842 г. недостроенный храм полностью сгорел [5]. Местные жители подозревали, что это был поджог, так как в ту ночь из аула внезапно исчезли трое гостивших здесь горцев.

Армавирцы не отчаивались. В условиях отсутствия церкви религиозные обряды совершались во временном молитвенном доме. Уже 15 августа 1842 г. последовало повеление российского императора о постройке в Армянском ауле, вместо сгоревшей, новой каменной церкви и о предоставлении для этого пособия.

Новую церковь начали возводить на месте сгоревшей старой. 25 августа 1861 г. кирпичная армяно-григорианская церковь была торжественно освящена Астраханским архиепископом Матевосом, получив название Верапохумн Сурб Аствацацни (Успения Святой Богородицы). В русском варианте этот храм обычно именовался Успенским [6].

Церковная площадь стала первым духовным, административным и экономическим центром Армавира. Еще в 1841 г. на ее южной стороне открылся торговый ряд, и до 1887 г. здесь действовал главный базар селения. Рядом с храмом располагался «сборный дом», куда для обсуждения важнейших вопросов внутренней жизни Армавира сходились коренные мужчины-домохозяева. Возле Успенской церкви открылись и функционировали первые в ауле армянские мужское и женское начальные училища.

У многочисленной немецкой общины Армавира имелся свой духовный очаг — евангелический лютеранский молитвенный дом,

который в газетной хронике того времени обычно именовался лютеранской церковью.

В лютеранском молитвенном доме богослужения совершались пасторами, несколько раз в год приезжавшими в Армавир из других центров региона. В здании евангелического лютеранского молитвенного дома функционировало немецкое приходское училище. Неподалеку от храма, у шоссе, ведущего на кирпичные заводы, находилось лютеранское кладбище [7].

К сожалению, никаких изображений внешнего облика молитвенного дома не сохранилось, но по данным различных источников, это было обширное деревянное, обложенное кирпичом одноэтажное здание.

Как было отмечено ранее, в конце XIX – начале XX в. в Армавире складывается многочисленная община мусульман. Они также имели возможность для удовлетворения своих духовных нужд.

В 1910 г. в Армавире, на окраинной Войсковой улице (ныне ул. Пугачева, 23), силами местной общины казанских татар была воздвигнута суннитская мечеть.

Главным инициатором и ходатаем в этом деле выступил ротмистр Индриз Бекович Тутаев. Значительные средства на храм пожертвовал богатый ногайский князь Атажук Адильгиревич Капланов-Нечев. Сооружение мечети осуществила строительная контора М.И. Мисожникова. Несмотря на относительно небольшую смету, составлявшую около 7 тыс. руб., у армавирских мусульман появился прекрасный капитальный храм, возведенный в духе татарского культового зодчества. Над зданием возносился восьмигранный 3-х этажный минарет с изящным шлемовидным куполом и полумесяцем на высоком шпиле. С располагавшегося здесь балкончика 5 раз в день муэдзин громко призывал правоверных совершить намаз. С 1912 г. обязанности муллы здесь исполнял Гимади Камалович Байгильдеев — родной брат будущего классика советской татарской литературы писателя Камала Шарифа [8].

Армавирские мусульмане ощущали себя полноправными членами семьи народов России, отмечая в храме не только свои религиозные, но и общегосударственные праздники и даты.

В 1911 г. при мечети стало действовать русско-мусульманское училище, где получали начальное образование дети местных татар. Любопытно, что в этой школе мальчики и девочки обучались совместно, что для мусульман являлось тогда большой редкостью. В 1928 г. армавирские мусульмане лишились своего духовного очага. В бывшей мечети открылась «трудовая татарская школа». Сегодня здесь находится несколько жилых квартир. Несмотря на то, что старинная мечеть официально причислена к памятникам архитектуры, ее здание продолжает искажаться пристройками, постепенно ветшает и разрушается.

Таким образом, необходимо отметить, что в Армавире представители различных конфессий имели все возможности для удовлетворения своих духовных нужд. Неоднородность населения практически никогда не оборачивалась межнациональным и межрелигиозным противостоянием. Приверженцы различных конфессий находились в тесном взаимодействии. Интенсивное общение и участие в совместном решении житейских проблем не мешали армавирцам сохранять своеобразие в области духовной культуры.

Прихожан разных храмов объединяло общее Отечество, о благополучии которого они возносили свои молитвы. Эта солидарность особенно зримо проявлялась в критические моменты истории Российского государства. После начала Первой мировой войны во всех армавирских храмах состоялись богослужения о скорейшей победе России.

На сегодняшний день в городе мирно и дружно проживают более ста национальностей, со своей специфической культурой и религиозной жизнью, создано десять диаспор. И горожане, и городские власти гордятся стабильностью и межнациональным согласием, которое всегда было, есть и будет отличительной чертой армавирцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). — Армавир, 2002. — С. 183.
2. Ктиторов С.Н. Лики старого Армавира. — Краснодар, 2010. — С. 93.
3. Ассирийцы Краснодарского края. Сборник информационно-методических материалов. — Краснодар, 2007 // http: // www.atranews.com. (29.01.13).
4. Виноградов В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). — Армавир, 1995. — С. 130.
5. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира // http: // 86137.ru. (30.11.12).
6. Иванов Е.М. Армавир — мой город родной. Записки краеведа. — Армавир, 1996. — С. 18.
7. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.). — Армавир, 2002. — С. 201.
8. Ктиторов С.Н. Лики старого Армавира. — Краснодар, 2010. — С. 99.

С.Н. Ктиторов (г. Армавир)

АРМАВИРСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРОЦЕССАХ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)*

После проведения через Армавир в 1875 г. Владикавказской железной дороги сюда устремился поток переселенцев из различных губерний страны. Основную массу иногородних жителей составляли выходцы из российского Черноземья, Новороссии и Поволжья — русские и украинские крестьяне, торговцы и ремесленники. Не имея первоначально в селении собственной церкви, православные вынуждены были отправляться в ближайшую станицу Прочноокопскую, что в условиях бездорожья и в пору распутицы часто представляло собой непосильную задачу.

В 1884 г. на собранные русскими средства на одной из площадей селения был сооружен небольшой деревянный, обложенный кирпичом, молитвенный дом во имя Святителя Николая Чудотворца Мирликийского (ныне на этом месте находится Парк им. 30-летия Победы) [1]. Об этом событии корреспондент ставропольской газеты «Северный Кавказ» сообщал: «Торжество было полное. Надо отдать благодарность начальнику 19 артиллерийской бригады генералу Тезенгаузен, который отдал распоряжение, чтобы две батареи были в наряде, и сам в продолжении всей службы находился в церкви, предварительно поставя свою икону Николая

* Выполнено в рамках регионального конкурса «Северный Кавказ: традиции и современность» 2014 — Краснодарский край. Проект № 14-11-23003. Тип проекта: «а(р)». Название проекта: «Локальные этнические сообщества города как фактор формирования поликультурного пространства Российского государства: проблемы адаптации и идентичности (региональный контекст)». Руководитель — декан исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, канд. ист. наук С.Н. Ктиторов.

Чудотворца, украшенную регалиями. По окончании обедни войска сделали 101 пушечный салют, что придало больше эффекта этому торжеству» [2]. Первым православным священником Николаевского молитвенного дома стал Александр Николаевич Осецкий. В 1888 г. рядом была заложена каменная Николаевская церковь, торжественное освящение которой состоялось в 1892 г. Инициаторами и щедрыми жертвователями строительства являлись русские купцы: Г.И. и С.П. Меснянкины, Н.Г. Локтионов, П.А. Лысоконенко, Ф.Т. Руднев, И.М.Месенев и А.И. Тимонин [3]. После начала богослужений в новом храме в здании бывшего молитвенного дома открылись мужская и женская церковно-приходские школы.

Первоначально Николаевская церковь была невелика, вмещая около 800 молящихся. Впоследствии усилиями ктитора Н.Г.Локтионова храм значительно перестраивается и расширяется так, что на службе уже могли присутствовать до 2000 верующих. Над церковью вознеслись 9 лазурных куполов, на которых искрились маленькие золотые звездочки. Кроме главного престола во имя Святого Николая появляется придел в честь Казанской Иконы Божией Матери [4]. После долгих препирательств Армавирское сельское общество отвело православным прихожанам обширную площадь вокруг церкви, на которой был разбит прекрасный декоративный сквер (ныне на этом месте Парк имени 30-летия Победы). На собранные верующими средства вся эта территория была обнесена капитальной металлической оградой на каменном цоколе, для главных ворот здесь сооружается высокая парадная арка с куполом и иконой Святого Николая.

Николаевская церковь играла роль не только главного духовного очага русских жителей Армавира. Храм превратился в настоящий центр межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Кроме русских, к которым в дореволюционный период относили великороссов, малороссов и белорусов, прихожанами Николаевской церкви были местные греки, грузины, болгары и ассирийцы. На богослужениях нередко можно было встретить принявших православие немцев, армян, латышей, евреев и представителей других народов.

Армавирская православная Николаевская церковь (снимок 1911 г.).

О степени интенсивности межэтнического и межконфессионального общения можно сделать вывод на основе анализа записей метрических книг, которые велись при церкви. В первую очередь, изучение подобного источника позволяет получить материалы о распространенности брачных союзов между представителями различных народов. По данным О.В.Ктиторовой, тщательно исследовавшей метрические записи Николаевской церкви за 1913 г., из 245 венчаний в 25 случаях (10%) были зарегистрированы межнациональные семьи [5]. Чаще всего русские (включая украинцев) венчались с армянами (в том числе коренными армавирцами черкесо-гаями, черкесскими армянами). Из 11 таких союзов в 6-ти муж был армянином, а жена — русской, и в 5-ти семьях наоборот — муж русский, а жена армянка. Также в метрической книге за 1913 г. зафиксированы браки восточных славян с немцами, поляками и грузинами [6].

Получить представление о нескольких конкретных межэтнических и межконфессиональных семейных союзах, можно на примере метрических записей о бракосочетавшихся в Николаевской церкви всего лишь за два дня 1913 г.: 7 июня и 13 ноября [7]:

Сочетались браком 7 июня 1913 г.

Жених	Невеста
Подполковник, начальник Армавирского жандармского управления Сергей Николаевич Петропавловский. Православный	Жительница с. Армавир София Христофоровна Давидова. Армяно-григор.
Житель с. Армавир Рубен Ильин Каракашев. Армяно-григор.	Крестьянка Витебской губернии Елена Савелиевна Богданович. Православная
Крестьянин Курской губернии Герман Трофимов Раков. Православный.	Крестьянка Виленской губернии Мария Станиславова Кахнович. Римско-католич.
Мещанин г. Екатеринодара Владимир Петров Камельман. Православный	Казачка ст. Невинномысской Любовь Николаева Михайлова. Православная

Сочетались браком 13 ноября 1913 г.

Крестьянин Тифлисской губернии Николай Давидов Бицкинашвили. Православный	Крестьянка Полтавской губернии Параскева Емельянова Тацин. Православная
Крестьянин Черниговской губ. Леонтий Тарасов Цыганок. Православный	Мещанка г. моздока Елена Степанова Цилинова. Армяно-григор.
Потомственный почетный гражданин сын священника Сергей Александров Журавлев. Православный	Австрийско-подданная Генриетта Цецилия Янова Иванова Памульская. Римско-католич.

Еще чаще представители разных народов и конфессий встречались среди поручителей жениха или невесты. По подсчетам О.В.Ктиторовой, таких случаев в 1913 г. было зафиксировано 28 или 11,4% на 245 всех бракосочетаний [8]. Как правило, поручителями выступали 4 человека: по двое с каждой стороны. Приглашение в качестве свидетелей на таинство венчания людей иной этнической принадлежности и вероисповедания говорит о достаточно высоком уровне и комплиментарном характере процессов кросскультурной коммуникации в досоветском Армавире. Несомненно, что поручителями обычно выбирали людей, с которыми у брачующихся уже сложились прочные родственные, социальные или просто дружеские связи.

Богатый и достоверный фактический материал, иллюстрирующий указанное явление, содержится в метрических книгах Николаевской церкви. Например, 5 июня 1913 г. здесь были повенчаны православный крестьянин Орловской губернии Георгий Александров Никитин и лютеранка, мещанка Лифлянской губернии Августа-Гедвига Катерина Иванова Тамсон. Любопытно, что поручителями русского жениха были известный местный общественно-политический деятель, поселянин Саратовской губернии, немец Гергардт Андреевич Целлер, дворянин Тифлисской губернии, поляк Вячеслав Викентьевич Малиновский и управляющий отделением Волжско-Камского коммерческого банка Алексей Николаевич Медяник, а со стороны невесты (видимо, латышки) выступали двое русских жителей [9]. 14 июля того же года вступили в брак студент Лейпцигского университета лютеранин Иаков Генрихович Бернгардт и православная дочь губернского секретаря Екатерина Адриановна Розанова, одним из свидетелей которой был студент Московского университета армавирский черкесо-гай Давид Макарович Алавердов [10].

Материал метрических книг Николаевской церкви за другие годы также подтверждает вывод об интенсивности межнационального и межконфессинального общения в Армавире. Например, 30 апреля 1912 г. православный крестьянин Курской губернии Стефан Александров Пожидаев обвенчался с крестьянкой Ставропольской губернии, лютеранкой Паулиной Карловной Бископ, при чем свидетелями со стороны жениха выступили новонахичеванский армянин Стефан Георгиевич Хазизов и армавирский черкесо-гай Владимир Борисович Ханжиев, а поручителями невесты были русские

[10]. Еще одна интересная запись была внесена в церковную книгу 14 мая 1912 г., о том, что семейный союз заключили православные крестьяне Лифляндской губернии (скорее всего, латыши) Николай Якобов Кромпис и Христина Андреева Меллен. Со стороны жениха брак засвидетельствовали крестьянин Курляндской губернии Рейнгольд Янов Брахман и гражданин г. Филадельфия (США) Александр Карлов Ретгер, а поручителями невесты были русские крестьяне [11].

Любопытные комбинации возникали и во время обряда крещения новорожденных. Многочисленные факты приглашений в качестве восприемников представителей других народов свидетельствовали не только о дружеских связях между родителями и крестными, но также создавали долговременную основу для включения в такие близкие отношения и ребенка, для которого с самых ранних лет тесное межэтническое общение становилось обыденной ситуацией. Так, в метрическую книгу Николаевской церкви за 1897 г. 12 октября была внесена запись о крещении младенца Сергия, родителями которого были крестьянин Виленской губернии католик Донат Иванович Нитович (вероятно, белорус) и его православная жена Варвара Владимировна, а восприемниками — греческо-подданный Фемистокл Гавриилович Георгиадис и Екатерина Яковлевна Миллер (судя по фамилии, немка) [12]. Можно предположить, что к своим крестным Сергей Нитович (если он не умер в детском возрасте) в дальнейшем испытывал близкие родственные чувства, которые в определенной степени влияли и на его восприятие живших в Армавире немцев и греков. Подобных случаев межэтнического сближения в досоветской истории Николаевского храма были тысячи, что служит отражением в целом добрососедских и гармоничных взаимоотношений проживавших в селении представителей различных народов.

Записи метрических книг Николаевской церкви содержат и многочисленные упоминания о фактах присоединения к православию людей, придерживавшихся прежде иных религиозных воззрений. Так, в течение трех лет с 1913-го по 1915 г. к православию

из иных конфессий было присоединено 33 чел. В целом в Армавире таких случаев могло быть больше, если таинство крещения над иноверцами совершались священниками на местном подворье Николаевского Кавказского мужского миссионерского монастыря, однако я такой информацией не располагаю. В Николаевской же церкви во взрослом возрасте святое крещение помимо раскольников и сектантов чаще всего принимали евреи, а также немцы, чехи, персы, татары и др. Пополнение состава прихода Николаевской церкви за счет представителей изначально неправославных конфессий (католиков, лютеран, иудеев, мусульман) можно рассматривать как фактор, так и основу процессов культурной интеграции и межэтнического общения. Принятие православия, несомненно, способствовало интенсификации контактов нерусских жителей Армавира с восточными славянами. При этом, конечно не стоит говорить об окончательной нивелировке культурно-бытовых различий и ассимиляции.

Как следует из приведенных выше источников, помимо собственно русских, прихожанами Николаевской церкви являлись представители и многих других народов. Православные священнослужители с сочувствием и пониманием относились к сохранению духовной культуры своих единоверцев, на каком бы языке они не возносили молитвы к Богу. В начале 1914 г. родилась инициатива проведения ежегодных служб на греческом языке для общины местных эллинов. Первая торжественная литургия «по пасхальному чину на церковном древне-греческом наречии» состоялась в церкви 8 апреля. Службу провели миссионеры протоиерей Симеон Никольский и священник Сергий Лавров совместно с местным причтом: священниками Леонидом Дмитриевским, Василием Блищенко, диаконом Александром Критским и псаломщиками Николаем Кедровым и Василием Березой. Хором певчих виртуозно руководил регент Шевцов. По сообщению местной газеты, наполнившие Николаевскую церковь греки выражали истинный восторг, «певчих буквально засыпали конфектами, апельсинами и друг. сладостями, их целовали, пожимали руки, словом благодарили без конца» [13].

Большинство ассирийцев Армавира, будучи преимущественно выходцами из Персии, также исповедовали православие [14]. Они регулярно посещали Николаевский храм, однако из-за непонимания русского и тем более церковно-славянского языка, постепенно отклонялись от церковной догматики и обрядности. Желая слышать слово Божие на родном языке, в начале 1910-х г. они устроили в селении собственный нелегальный молитвенный дом, где под руководством каша (священника) Давида Вениаминова читали евангелие «на сиро-халдейском языке, поочередно произносили проповеди для своего назидания и пели стихи нецерковного содержания» [15]. Там же действовала начальная ассирийская школа, где обучалось около 50 детей. В 1912 г. под влиянием своего единоплеменника проповедника Михаила Пичмая некоторые айсоры перешли в лютеранство, что весьма тревожило православные епархиальные власти [16]. Для выяснения причин этого явления в декабре 1913 г. в Армавир были направлены епархиальный миссионер протоиерей Симеон Никольский и уездный миссионер Сергий Лавров. Они пришли к выводу, что уклонение ряда ассирийцев в лютеранство стало следствием проволочки в разрешении вопроса о строительстве в селе «сирохалдейского» храма который был поднят еще в 1909 г. [17].

После беседы с русскими миссионерами, всецело поддержавшими стремление ассирийцев к созданию в Армавире собственного духовного очага, представители местной общины в количестве нескольких сотен человек провели в церкви богослужение на родном языке. В официальном издании Ставропольской епархии об этом знаменательном событии сообщалось: «Миссионеры, как и причт с. Армавира, были свидетелями того сердечного единодушия, с каким все, бывшие на собрании в Николаевском храме 15 декабря сего года, сирохалдейцы без различия вероисповеданий, и православные, и несторианцы, и лютеране, с сирохалдейским священником Давидом Вениаминовым, частно живущим в Армавире 6-й год, пели молитву Господню — «Отче Наш» на сирийском наречии. Священник заметил, что они — сирийцы здесь поют в первый раз и что язык церкви отличается от народного языка, подобно тому, как отличается славянский язык от русского. Но пение было все таки довольно стройное» [18].

Из-за отсутствия средств создать свой собственный храм местным ассирийцам не удалось, однако они все-таки получили возможность свободно совершать православные богослужения на родном языке во главе со своими священниками. После начала Первой мировой войны пасторские обязанности для армавирской общины было разрешено исполнять ассирийским православным священникам-беженцам Исааку Арсанису и Ионе Гавриилову, но они оставались в городе недолго [19]. В конце концов, в ноябре 1915 г. армавирским айсорам разрешили совершать богослужения на родном языке в православной церкви Святого Александра Невского на подворье Николаевского Кавказского мужского миссионерского монастыря (ныне ул. Ленина, 34), священником в которую был назначен хорошо известный своим единоплеменникам каша Зиновий Агасиев [20]. Впоследствии, в период Гражданской войны он же регулярно совершал таинства для ассирийцев и в Николаевском храме, о чем можно судить по материалам метрических книг того времени.

Николаевская церковь занимает место и в истории развития дружественных русско-армянских связей. 18 июня 1912 г. в Армавир с двухдневным визитом прибыл духовный глава армян всего мира католикос Геворг V. После торжественного богослужения в армянской Успенской церкви вместе со свитой он отправился в русский Николаевский храм. По словам газетного корреспондента, «здесь католикоса встречали представители местного прихода и духовенства во главе с благочинным о. Леонидом (Дмитриевским. — *С.К.*), который обратился к Его Святейшеству с краткой приветственной речью». Поблагодарив за приветствие, католикос Геворг V помолился перед алтарем православной церкви, после чего проследовал на ночлег [21].

Важной составляющей межконфессионального общения в Николаевской церкви являлись религиозные диспуты, которые регулярно устраивались священниками миссионерами с членами местных групп сектантов. Проходили они обычно в помещении

церковно-приходской школы во дворе храма. Например, 8 декабря 1913 г. православное духовенство провело здесь публичную дискуссию с адвентистом Василием Колесниковым [22].

Таким образом, Николаевская православная церковь в дореволюционный период играла значительную роль в процессах межэтнического и межконфессионального взаимодействия, на основе которых складывался ценный опыт межнационального добрососедства. В советское время интернационализм, межэтническая солидарность и укрепление дружбы народов были провозглашены в качестве приоритетов политики пролетарского государства. Однако церковь от решения этих задач была отстранена. Судьба Николаевского храма, его причта и прихода в стране победившего социализма была печальна.

В 1939 г., в соответствии с постановлением Армавирского городского совета, храм был уничтожен [23], однако многие жители на протяжении десятилетий хранили память об этом очаге православия. В наши дни Николаевская церковь возродилась, и хотя ее облик далек от прежнего, кажется, будто храм стоял здесь всегда, и трудно уже представить город без золота ее куполов и волнующего сердце колокольного звона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 135. Оп. 43. Д. 297. Л. 960.
2. Северный Кавказ. — Ставрополь. — 1886. — № 117.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 69. Д. 993. Л. 3; Справочная книга для духовенства Ставропольско-Екатеринодарской епархии. Ставрополь, 1901. — С. 143; Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. Краснодар, 2001. С.296.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 69. Д. 993. Л. 3–4; Православная церковь на Кубани… — С. 298.
5. Ктиторова О.В. Межэтнические и межконфессиональные контакты в семейно-бытовой сфере (из сведений метрических записей Николаевской церкви с. Армавира за 1913 г.) // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию начала Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. Ч. 1. — Славянск-на-Кубани, 2012. — С. 67.
6. Там же.
7. Архивный отдел администрации Армавира (далее АОАА). Ф. 55. Оп. 1. Д. 21. Л. 253 об. – 255 об., 283 об.–285 об.

8. Ктиторова О.В. Указ соч. — С. 67.
9. АОАА. Ф. 55. Оп. 1. Д. 21. Л. 253 об.–254.
10. Там же. Д. 20. Л.259об.-260.
11. Там же. Л. 284 об.–285.
12. Там же. Д. 7. Л. 97 об.–98.
13. Отклики Кавказа. — Армавир, 1914. — № 80.
14. Бокова Н.А. Русская православная церковь и образование общины православных сирохалдеев в Армавире // Историко-археологический альманах. — Вып. 6. — Армавир; М., 2000. — С. 73.
15. ГАСК. Ф. 135. Оп. 67. Д. 265. Л. 14.
16. Там же. Л. 14–15; Российский государственный исторический архив. Ф. 799. Оп. 26. Д. 1510. Л. 2 об.
17. Никольский С. Религиозное состояние сиро-халдейцев из Урмии, имеющих жительство в селе Армавире, Кубанской области // Миссионерские известия по Ставропольской епархии. Еженедельный листок. Приложение к Ставропольским епархиальным ведомостям. — Ставрополь, 1914. — № 1.
18. Там же.
19. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 769. Л. 1.
20. Там же. Л. 1–1 об; Садо С. Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России (XIX – середина XX века). СПб., 2006. — С. 26.
21. Отклики Кавказа. Армавир, 1912. № 137.
22. Акт миссионерского служения епархиального миссионера-проповедника, протоиерея Симеона Никольского с уездным миссионером 2-го района Куб. обл., священником Сергеем лавровым в селе Армавире, в декабре 1913 года // Миссионерские известия по Ставропольской епархии. Еженедельный листок. Приложение к Ставропольским епархиальным ведомостям. — Ставрополь, 1914. — № 2.
23. Архивный отдел администрации Армавира. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 264. Л. 202-203.

С.И. Пасенко (г. Армавир)

ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА И ДОБРОСОСЕДСТВА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА на примере библиотеки имени Л.Н. Толстого в городе Армавире (конец 1940 – начало 1960-х годов)

Традиции добрососедства и совместничества были заложены в Армавире с самых первых моментов его существования. Продолжались они и в советский период истории города. Наиболее ярким примером в данном вопросе может служить деятельность библиотеки имени Л.Н. Толстого.

Наряду с абонементом, читальным залом и детским отделом с июля 1949 года в библиотеке имени Л.Н. Толстого работал армянский отдел, в задачи которого входило поддержание национальных культурных традиций армянской части населения Армавира. Кроме того, с помощью литературы на армянском языке читатели отдела знакомились с произведениями русских и советских писателей, вовлекались в жизнь советского общества. В год открытия в отделе имелось 963 экземпляра литературы. Отделом систематически проводились массовые мероприятия: доклады, лекции на армянском языке, читки [1].

Городская газета «Армавирская коммуна» в 1949 году так описала открытие данного отдела: «Осуществилось давнее пожелание армянского населения города: открыт филиал армянской книги при библиотеке имени Л. Толстого. Отдел работает всего несколько дней, а уже чувствуется, как сильна тяга армянского населения к литературе. На 1 июля записалось 75 человек. С увлечением читают на армянском языке «Молодую гвардию» Фадеева, «Повесть о настоящем человеке Б. Полевого и др. Библиотека приобрела на 700 рублей [см. цены 1949 года] армянских книг, кроме того, из Москвы, из государственного фонда прислано на 2490 рублей.

Присланы прекрасно изданные Сочинения Ленина и Сталина, альбом, посвящённый армянам-генералам и Героям Советского Союза. Получили прекрасно изданные сочинения Л.Н. Толстого. На данный момент последним у нас записался 69-летний пенсионер Мелик Елизарович Мхитарян. Нужно было видеть его радость при виде этих книг. Идут с чувством национальной гордости в отдел и молодые и старые армяне. В числе записавшихся: тт. Тер-Саакян — директор армянской средней школы № 21, А.Н. Бабаян — преподавательница биологии, Мартиросян — учитель химии, колхозник из артели имени Микояна Б.Х. Хачатурян, грузчик завода «Армалит» С.А. Даводян, рабочий бойни Т.С. Петросян и другие. Учитель Н.А. Осипов для читателей прочитал доклад: «Пушкин в армянской литературе»» [2].

В «Отчёте библиотеки имени Л.Н. Толстого с 1 января 1950 г. по 1 октября 1950 г.» в разделе «Массовая работа» указаны темы прочитанных лекций по воспитанию интернационализма и патриотизма: История славянского народа; Патриотизм в творчестве Маяковского (на армянском языке).

В этом же отчёте указаны темы докладов: О международном дне 1 Мая (на русском и армянском языках); О жизни и деятельности армянского писателя Ширванзаде.

Указана тема литературного вечера: О жизни и деятельности Аванеса Туманян (на армянском языке) [3].

В 1951 году библиотека провела в городском парке культуры и отдыха имени В.И. Ленина читательскую конференцию по теме «Сталь и шлак» на армянском языке [4].

В декабре 1953 года библиотека проводит конференцию «Дружба народов в художественной литературе» [5].

В годовом отчёте библиотеки имени Л.Н. Толстого за 1955 год указан национальный состав читателей [6] (см. табл.).

В 1960 году количество выданной литературы в армянском отделе составила 4 153 экземпляра [7]. В 1961 году выдача армянской литературы снизилась, но, тем не менее, составила большой объём — 2 692 экземпляра [8].

Бывший сотрудник библиотеки имени Л.Н. Толстого Екате-

Национальность	Количество читателей в 1955 году
Русских	4910 человек
Армян	405 человек
Иных национальностей	152 человека
Итого	5467 человек

рина Яковлевна Здвижкова вспоминает, что в начале 1950-х годов отдел действительно работал активно, но к 1960-м гг. отдел литературы на армянском языке практически прекратил свою работу [9]. Вопрос о том, почему работа данного отдела была прекращена, только предстоит выяснить. Но ясно одно — годы работы отдела армянской книги — прекрасный пример межэтнического партнёрства и добрососедства народов Армавира.

В целом следует отметить, что деятельность библиотеки имени Л.Н. Толстого с ноября 2001 года приостановлена по причине аварийного состояния здания (здание оседает). Тем временем, когда обсуждается вопрос о возможных путях возрождения библиотеки имени Л.Н. Толстого, научному сообществу города нужно обратить серьёзное внимание на ценнейший опыт работы данного учреждения культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архивный отдел Администрации Армавира (далее АОАА). Ф. Р–1322. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 17.
2. Попова А. Армянский филиал при библиотеке // Армавирская коммуна. — 1949 (09.07.). — № 133.
3. АОАА. Ф. Р–1322. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 33.
4. АОАА. Ф. Р–1322. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 72.
5. АОАА. Ф. Р–1322. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 18.
6. АОАА. Ф. Р–1322. Оп. 1. Ед. хр.111. Л. 5.
7. АОАА. Ф. Р–1322. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 6.
8. АОАА. Ф. Р–1322. Оп. 1. Ед. хр. 185. Л. 22.
9. Из телефонного разговора с бывшим сотрудником библиотеки имени Л.Н. Толстого Здвижковой Е.Я. (26 декабря 2013 г.).

В.С. Пукиш (г. Анапа)

ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА И ЕГО ЧЕШСКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В ЧЕШСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

До наших дней дошло очень мало архивных материалов, повествующих о первых годах жизни чешских поселенцев, появившихся на российском Кавказе с 1870-х гг. Поэтому весьма ценными в наше время являются художественные произведения некоторых известных деятелей чешской литературы того времени, написанные под впечатлением их поездок на Кавказ и посещения там своих соотечественников, а также воспоминания и дневники кавказских чехов. Для современного историка ценными являются наблюдения быта чешских поселенцев, вообще этнографические зарисовки, а также описания местностей, которые находим в этих произведениях.

Сын самого известного кавказского чеха — агронома Черноморского округа Франца (Федора) Гейдука (1832–1890) — Ярослав Гейдук (1863–1918), впоследствии, как и отец, агроном, а во время I мировой войны — знаменосец Чешской дружины, созданной в российской армии добровольцами-чехами, в 1910 г. в новороссийской газете «Черноморское побережье» вспоминает о своем приезде с матерью и братом Владимиром в Новороссийск. Его отец в город приехал еще в 1867 г.; свою семью он вызвал туда в 1870 г. Военная шхуна «Бомборы», на которой ехали мать и сыновья Гейдуки, везла из Одессы, с заходом в Ялту, чешских переселенцев. Сами Гейдуки ехали из Полтавы (очевидно, сели на шхуну в Ялте). После многих дней плавания, вспоминает Ярослав Гейдук, показалась «мощная синяя гора» Дооб, а вскоре «сбоку вырос исполинский, дикий лесистый хребет Мархотк». Везде был лес и никаких признаков жилья, и лишь подойдя поближе, на берегу «показалось несколько разбросанных, крытых камышом, мазанок, казалось, без всяких улиц», среди них — «крохотная церковка с зеленым ку-

полом», а выше, на горе — «круглая башня с...темными бойницами для пушек»; на берегу — длинное здание «морской станции» (морвокзала), или «адмиралтейства». Это и был Новороссийск — «столица целой окраины огромного государства», с иронией восклицает Ярослав. За «адмиралтейством» была широкая улица «с оврагом посредине», далее — базар; и это уже была окраина города, вспоминает Ярослав Гейдук.

В этой же статье Ярослав Гейдук описывает встречавшего их после более чем двухлетней разлуки отца — агронома Франца Гейдука: «Это был тогда высокий, стройный, широкоплечий мужчина, скорее сухощавый, в лучших летах (37 лет), полный сил и бодрости. Четырехугольный славянский лоб, нависшие лобовые кости и брови, из-под которых бойко и точно вдаль смотрели чистые, светлые взоры, строгий, несколько громоздкий черногорский нос с горбинкой, темно-русая борода клином, как у Некрасова...»

У известного чешского поэта Адольфа Гейдука (1835—1923), брата Франца и дяди Ярослава Гейдуков, есть цикл стихотворений «Из путешествия на Кавказ» (1885), который он написал под впечатлением своей поездки в Крым и на Кавказ в 1884 г. Сборник этот Адольф Гейдук посвящает «своему племяннику Ярославу Гейдуку в Цемесской долине Черноморской». Путешествие свое поэт предпринял в очень тяжелый для него период жизни — после смерти своих двух маленьких дочерей, поэтому тема боли и утраты пронизывает практически все произведения цикла...

В стихотворении «Утро в Цемесской долине» (именно в этой долине вокруг Новороссийска располагались несколько чешских сел) лирический герой ревниво глядит на своего более удачливого соседа-соперника, виноградная лоза которого своими «небольшими гроздьями раньше позвала на пир»[1] гостей — у соседа урожай собран и вино готово раньше. Здесь же сказано, что лоза эта растет, «на дуб вскарабкавшись» — поэт подметил древний обычай сажать виноградную лозу вблизи раскидистых деревьев, чтобы она могла опираться на их ствол и ветви. В некоторых местностях на Кавказе, в частности, в Грузии и Абхазии, виноград до сих пор высаживают в садах возле деревьев. Часто такими деревьями-подпорами выступает шелковица, слива, изредка — хурма. При таком способе не требуются ни виноградные колья, ни шпалера. Но главный экономический эффект состоит в том, что нет нужды выделять землю, которая в горах на вес золота, отдельно под виноградники.

1 Здесь и далее подстрочные переводы автора данной статьи.

В этом же стихотворении автор видит картину, которая более подошла бы, кажется, для центральных районов России, чем для окрестностей Новороссийска: по дороге, вдоль «богатырских могил» (очевидно, речь идет о древних мегалитических погребальных сооружениях — дольменах), едет тройка, на дуге звенит колокольчик, а с пастбища слышен «мечтательный и печальный» звук балалайки...

В стихотворении «В чешском селе на Кавказе» поэт обращается к своим соотечественникам: «Неужто вы, покинувшие родину и родные могилы, думаете...что достигли уже своей вечной цели — покоя?» И сам же отвечает, рисуя весьма безрадостную перспективу для поселенцев: «Оглянитесь на смешенье народа вокруг! Вы — свободные люди, но дети ваши станут рабами...», несмотря на то, что здесь, на Кавказе, земля щедра и изобильна: что дашь ей, она воздает сторицей; лещина и виноград оплетают дома, а «под Мархотским хребтом вечная весна чередуется с летом», в отличие от «худых лугов в сердце Чехии».

В этом же произведении идет речь о том, что «нивы и долины на Кавказе» чехи вспахивают «легким плугом». Вероятно, здесь автор подметил характерную особенность плугов, принесенных на Кавказ именно чешскими поселенцами. Этот факт отмечался даже во Всеподданнейшем отчете о состоянии Черноморской губернии за 1897 г.: «Так, несомненной заслугой чехов-поселян является введение удобрений полей и легкого рухадловского плуга, столь важного для почв западной части [Черноморской. — *В.П.*] губернии».

Стихотворение «Осенние ночи в Цемесской долине на Кавказе» имеет подзаголовок — «Перед возвращением домой». В нем автор вновь желает, чтобы осенняя ночь прислала его землякам, живущим вдали от родной Чехии, сон «о возвращении в родные

луга» и «нивы над Влтавой», и просит ее выполнить этот сон когда-нибудь хотя бы их детям...

Сумрачные нотки преобладают и в стихотворении «У высокого кургана»: здесь река Цемес «пенится гневом», а «черкес, растворившись во мраке...вопиет о мести». Здесь на западе рождается буря, наступает на Цемесскую долину со стороны Волчьих ворот, где она «держала совет» с Моряком — именно так доныне в Новороссийске называют сильный западный ветер с моря. Кстати, название ветра «Моряк» встречается в стихотворениях цикла 9 раз, и всегда без перевода и какого-либо объяснения — просто русское слово транскрибируется по-чешски и пишется с прописной буквы.

А в поэзии «Без цели» речь идет о бедном пассажире утлой лодки и его жене, которые «за счастьем спешили на Кавказ... стремились в новый край», но Моряк разбил корабль о скалы, и на следующее утро на спокойной морской глади уже плавали лишь два трупа бедных «гостей»...

Очевидно, буйство новороссийских ветров соответствовало угнетенному состоянию поэта: и в других произведениях цикла появляется Моряк — «полный бешенства» («Буря на море, буря в душе» — здесь поэт пишет о том, что душа его — отца, потерявшего ребенка, — страдает намного больше, чем «бичеванная бурей» поверхность моря); он «ревет», хочет все, что в море, «забрать в плен» («В буре»), пока не успокоился вместе с Бураном (это слово, как имя собственное, поэт тоже использует без перевода), как «два беса моря» («В штиль»)...

Несомненно, кавказскими впечатлениями навеян сюжет романтически чувственной поэмы Адольфа Гейдука «На волнах» (1890). Вот краткое содержание произведения: лесничий в Чехии получает письмо от своего друга, живущего на Кавказе, чтобы тот ему прислал его дочь Эву, которая жила у лесничего. Тяжело было семье лесничего прощаться с девушкой, но еще тяжелее была ее разлука с возлюбленным Иваном. По просьбе отца, Иван провожает Эву к берегу Черного моря, где отдает ее под охрану капитана, друга отца девушки. На корабле Эве должен прислуживать молодой матрос Саша (у автора, вероятно, в силу какой-то ошибки, «Шаша»). Увидев, как Эва

скучает по родине, Саша дарит ей пихту в цветочном горшке и вообще старается ее всеми силами развеселить, но безуспешно. Со временем, однако, это ему постепенно удается, и Эва даже обратила внимание, что Саша чуть похож на ее Ивана. Саша постепенно даже начинает девушке нравиться, а сам он тоже полюбил нее. Как-то на море поднялась страшная буря, корабль пошел ко дну, и Саша, рискуя жизнью, спасает Эву на маленькой лодке как раз в тот момент, когда за ней приезжает ее отец. Во время бури Саша был тяжело ранен, и скоро он умирает. Эва снова затосковала. На могиле Саши она посадила его пихту. Через некоторое время за Эвой на Кавказ приезжает Иван, который не смог жить без нее в Чехии, и увозит ее обратно. Между тем, отец Эвы умирает. Его хоронят вместе с другом капитаном, чье тело разгневанное море выбросило на берег. Иван живет с Эвой вместе долго и счастливо. У них рос сын, и они часто вспоминали Кавказ, Сашину верность и своих умерших родственников.

В другом поэтическом сборнике Адольфа Гейдука, «Птичьи мотивы» (1897), есть стихотворение «Сибирянка». Его лирический герой, маленькая птичка, говорит сам о себе: «Я прилетел с [берегов] Амура!» Стихотворение написано уже после смерти брата Франца, который умер на Дальнем Востоке (в 1884 г. Франц Гейдук принял предложение Приамурского генерал-губернаторства заняться обустройством этих земель и переехал на Дальний Восток; умер 7 июля 1890 г.; считается, что похоронен во Владивостоке). И вот автор просит птичку, прилетевшую к нему из далекой Сибири: «Если слетаешь к водам Сахалина, у моря там увидишь молодую рощу, в ней, в тени златоглавых берез, каменное надгробье, а на нем — крест. Здесь, после тщетных житейских устремлений, спит одиноко мой дорогой брат, оставив своих детей на Кавказе — поприветствуй его стократ!» Итак, Адольфу Гейдуку, скорее всего, было известно место погребения Франца Гейдука, и, возможно, он похоронен на Сахалине? Автор пишет, что брат его уехал на Дальний Восток «искать счастье для своих родных», но, как «раненная птица — умер на волнах» (действительно, Франц Гейдук умер на корабле, по пути из Сахалина во Владивосток). Дальше автор просит птичку, чтобы она его поручение отнесла детям и внукам бра-

та Франца, в Новороссийск, «где воет Моряк, плачет Цемес и шумит яворовый лес». В стихотворении вспоминается и сын Франца Гейдука Ярослав: «Где мечтательный сын идет за плугом, пестует виноградники и сад, пока солнце в золотом полукруге не уйдет за Мархотские холмы спать». И вот — последняя просьба, высказанная поэтом птичке: «После долгой зимы пробуди к весне чешский народ там, у подножий [гор]! Ты жаждешь уж стать на крыло — так взнесись в небо! С Богом!»

В 1874 г. Кавказ посетил другой известный чешский поэт, писатель и журналист — Святополк Чех (1846 — 1908). Под впечатлением этой поездки была написана эпическая поэма «Черкес» (1875). Герои поэмы, двое казаков — юноша и старик, едут по лесу где-то недалеко от Новороссийска, где теперь все пусто и безлюдно, но еще недавно «вздымался дым» черкесских аулов, на солнце играли их шлемы и щиты, звенели сабли и трепетали на ветру бурки храбрецов из «рода шапсугов и натухайцев». Старый казак рассказывает своему спутнику о недавних боях с черкесами, гордится тем, что «упрямство язычников» было сломлено, и даже жалеет, что сейчас его ружье «дремлет в чехле». Заметив грусть своего молодого товарища, он спрашивает о ее причине. И молодой казак начинает свой рассказ: как-то раз он заблудился в «глубине новороссийских лесов» в долине Цемеса и попал в чешское село Мефодиевку.

Казак описывает, как выглядело село: вдоль жердей и тынов тянулись баклажаны, вился плющ и лесной хмель. Низкие хаты, выстроившиеся в ряд, «построены людьми из чужой страны, из дальних чешских земель, там, где-то на западе».

Казак полюбил девушку Людмилу, дочь старого Явора, и стал часто приезжать к ним. Там он слушает рассказы старика о его далекой родине, которой тот гордится и нивы которой хвалит, а сам рассказывает чешскому семейству о «жизни казацкой, о черкесской злобе». Явор показывает казаку старые книги, в которых написано, что раньше Чехия возвышалась над другими странами, «словно роза, что высится над другими цветами», что были чешские земли славны своим богатством, силой и умом. А теперь — «чех нищ, он скитается по чужим полям за куском хлеба...». Людмила просит ка-

зака, чтобы тот рассказывал ей о черкесах, «синих горах и черных лесах», и он рассказывает ей «о бора, осенью воющем в новороссийских долинах», и о горцах, люто бившихся с казаками. Но скоро девушка почему-то остывает к казаку, и взгляд ее блестит лишь тогда, когда слышит рассказы об «упрямстве Шамиля» и «славе русского урожая». А раз ночью Людмила уходит в горы и не возвращается. Сколько ни искали ее старый Явор с казаком, — все тщетно.

Тут рассказ молодого казака прерывается свистом пуль: на них из засады нападает черкес. Казакам удается его поймать, и пленник рассказывает им историю своей жизни, которая вся состоит из битв с русскими войсками «за ислам и вольность, за отчизну». Автор-романтик явно симпатизирует свободолюбивому черкесу, который гордо говорит: «Мы сдались, но не покорились. Народ мой не склонил свою шею в ярмо гяуру», предпочел ссылку жизни в неволе. Черкес рассказывает, как турецкие корабли приплыли, чтобы забрать его соплеменников в Турцию (здесь автор явно рассказывает историю переселения адыгов-мухаджиров в Турцию со слов очевидца), но сам он, проводив свою семью, решает остаться на родной земле, чтобы посвятить всю свою жизнь мести. Мести за то, что здесь, на земле его предков, скоро не останется ни следа от всего, «что сделала их рука», что даже имя черкесов скоро будет «предано забвению», и о них не будут шептать даже «столетние дубы». Уезжавших, однако, настигает шторм, корабль идет ко дну, и все находящиеся на нем гибнут. Молодой черкес, стоя на скале, видит гибель своих родных, всего аула, но ничем не может им помочь и, помолившись, лишь повторяет свой «обет мести», данный небесам. И далее он нападает на всех «гяуров», которых встречает: на двух греков, едущих на арбе, на армянина, везущего к себе в Новороссийск невесту, на иудея, сулящего черкесу золото и дары за то, чтобы он оставил ему жизнь. Но черкес неумолим: он убивает их всех. В бою с казаками его ранят, он падает в обморок, а, очнувшись, удивляется увиденному: над ним стоит, словно «Резван, стражник рая» (в исламе Ризван — ангел, имеющий ключи от рая), прекрасная девушка. Это была чешка Людмила. Она выходила черкеса, но в один день, когда она пришла к

нему в пещеру, принеся хлеб и воду, и когда молодые люди обнялись, черкес, поцеловав девушку в лоб, «одной чистой раной» вонзает ей в сердце кинжал.

Услышав это, молодой казак, не выдержав, пронзает своим кинжалом пленного черкеса, на что старый казак голосом, полным «горького упрека», шепчет: «Он ведь был безоружен!» Но раненный черкес лишь благодарит казака за присланную смерть — для него она гораздо лучше плена, куда бы его повели «опутанного, детям на смех»; и он просит казаков лишь похоронить его, «как гордого героя», лицом к Мекке. Казаки выполняют последнюю просьбу своего безжалостного, но храброго врага, и едут дальше, по склонам и горным ущельям, к Новороссийску...

Весьма интересны авторские этнографические примечания к поэме. В них даны объяснения некоторым кавказским реалиям, использованным в произведении. Вот их список: нагайка, бурка (причем, объяснив это слово как «мохнатая накидка кавказских горцев», Чех добавляет: «Казаки на Кавказе приняли черкесскую одежду»), аул, чехло (должно быть «чехол» — «мохнатая войлочная сумка для ружья»), арбузы, бурдюк («кожаный мешок для вина. Наибольшей славой пользуется на Кавказе вино кахетинское»), дьяче (звательный падеж от «дьяк»), кинжал, чардак («чердак»), архалух («нижний облегающий кафтан кавказцев, обычно сшитый из пестрой, светлой ткани» — отметим, что архалук — современное написание — может быть и верхней одеждой), канла («кровная месть»), Асраил («ангел смерти»), сура (глава Корана), арба, чоха («верхнее длинное пальто кавказцев, с разлетающимися свисающими рукавами), Иблис («сатана»). Отметив, что он посетил чешское село Мефодиевку, «лежащее недалеко от Новороссийска» (сейчас входит в городскую черту), Святополк Чех пишет: «В новейшее время в кавказском «Черноморском округе» было основано несколько чешских хуторов».

Примечательно следующее наблюдение. В тексте поэмы, описывая оружие молодого черкеса, автор говорит, что, рядом с кинжалом, рукоять которого усыпана драгоценными камнями, «словно глаз змеи», и «саженным ружьем», на круглом щите вьется какая-то «престарая надпись». В примечании Чех объясняет: «Черкесы

нередко пользовались старинными щитами, на которых были латинские или старофранцузские надписи. Многие писатели высказывают предположение, что щиты эти были занесены когда-то на Кавказ беглыми крестоносцами еще во времена крестовых походов» (однако, такое объяснение нам кажется маловероятным; скорее всего, такие щиты могли попасть на Кавказ от генуэзцев, когда-то живших на Черноморском побережье).

И в кавказском цикле Адольфа Гейдука, и в поэме Святополка Чеха «Черкес» отчетливо слышны мотивы тоски по родине — чужая земля, хоть и богата и изобильна, все же не может заменить родную Чехию. Поэтому своеобразным контрастом звучат строки из другой поэмы Святополка Чеха, «В тени липы» (1880), в которых идет речь о вести, разнесшейся по чешским землям, что в «далекой Руси, аж где-то под Кавказом», «в славянской земле, среди братьев», для переселенцев-чехов может расцвести «новая дорогая родина», нужно лишь «двинуть девственную землю», т. е. начать ее обрабатывать, и «безлюдный край превратится в волшебно-прекрасный рай». И вот — «многие собираются в дружный путь» из Чехии на Кавказ (с ними — и лирический герой поэмы). А на Кавказе соотечественники «в лазурной тени прекрасной бухты, на незаметной речке, на окраине леса разбили лагерь — будущую деревню» — речь наверняка идет о Цемесской бухте, реке Цемес и одном из чешских сел вокруг Новороссийска.

В поэме «Черкес» есть упоминание о том, что чешские поселенцы на Кавказе занимались виноградарством и виноделием. Вот как описывает автор гостеприимство крестьянина-чеха: его дочь кладет перед гостем на скатерть «арбузы и синие гроздья винограда, ягоды, мед лесных пчел», а сам хозяин несет «надменно вздутый» бурдюк, преисполненный гордости от того, что в нем плещется «прославленное кахетинское». Вряд ли крестьянин мог потчевать гостя вином, привезенным из далекой Кахетии. Очевидно, что кахетинским автор называет красное сухое вино, приготовленное в окрестностях Новороссийска, но приготовленное определенным способом (как мы до сих пор к неудовольствию французов называем шампанским определенный тип вина).

Именно так, опираясь на растущие рядом деревья, растет дикий виноград, и именно так развивается одичавшая лоза после того, как за ней перестали ухаживать. В поэме тоже описывается развитие виноградной лозы, которая оказалась в лесу, выросшем на месте брошенного черкесского аула: «прекрасная лоза вначале лишь слегка обвивает своими зелеными локтями» ствол соседнего дерева, но очень скоро срастается с ним, «глубоко врезаясь» в него.

Позднее, летом 1914 г., таким же, «лучшим на Руси» кахетинским, угощал своих гостей, чехов из Екатеринодара, некий господин Крупадеров из Геленджика, о чем пишет в своем «Дневнике» чех Йозеф Швец (1883–1918) — тогдашний преподаватель гимнастики Екатеринодарского коммерческого училища. Похоже, что все чехи, проживавшие в то время на Кубани, знали толк в вине.

«Дневник» Йозефа Швеца — вообще очень ценный и практически неизвестный в России источник сведений о жизни чешской иммигрантской колонии, сложившейся в Екатеринодаре и Новороссийске к началу I мировой войны. В нем несколько раз упоминается и Ярослав Гейдук, причем Швец указывает, что тот приходится племянником знаменитому чешскому поэту Адольфу Гейдуку, но не упоминает о том, что он также и сын известного в России агронома Франца Гейдука. Из «Дневника» узнаем, что Ярослав Гейдук принимает участие в прощальном ужине, проходившем перед отправкой первой партии чешских добровольцев в Киев, где формировалась Чешская дружина. Йозеф Швец был одним из этих пяти добровольцев. Швец описывает Гейдука как «по-стариковски ребяческого», не совсем серьезного человека, хотя и преисполненного энтузиазма. Гейдук и сопровождавший его некий инженер Майдль из Москвы рассказывают о недавнем приеме Николаем II делегации российских чехов, о том, что император якобы пообещал в случае полной победы независимость чешским землям с присоединением к ним Словакии, плакал над горькой судьбой словаков в Венгрии, интересовался чешским меньшинством в Вене и даже «присоединил» карандашом на карте этот город вместе с нижнеавстрийским севером к будущему Чешскому королевству. Говорили и о целях формирования Чешской дружины, которая должна была оставаться в резерве российской армии и пойти в бой лишь тогда, когда та подойдет к границам чешских этнических территорий, что очень не понравилось Швецу.

Запись добровольцев в Чешскую дружину производилась в Екатеринодаре на литейном заводе чеха Владимира Гусника и у садовода Ф. Марека, а в Новороссийске — у того же Ярослава Гейдука.

С Ярославом Гейдуком Швец встречается вновь в Киеве 28 сентября (ст. ст.), в день св. Вацлава, когда было освящено знамя Чешской дружины, а воины приняли присягу. Гейдук, как самый пожилой воин, становится знаменосцем Дружины. В декабре 1914 г. новороссийский «Черноморский альманах» писал: «...Местные чехи: агроном Я.Ф. Гейдук, преподаватель гимнастики в Новороссийской гимназии, член общества «Сокол» Э. Янак и другие отбыли на австрийский театр военных действий и ныне находятся в составе чешской дружины. Члены Новороссийского общества «Сокол» Л. Резник и Гр. Головань убиты, Иосиф Шкляр тяжело ранен».

Далее в «Дневнике» Швец пишет, что Гейдук «гордо держал стяг Чешской дружины» в победные времена и «с большими усилиями спас флаг Дружины» в августе 1916-го при Тернопольском отступлении в бою с немцами.

Известно, что Ярослав Гейдук возвратился с фронта домой в том же 1916 г. Как писал позже его сын Ярослав в своем письме музею истории Новороссийска, отец его умер в феврале 1918 г., находясь у знакомых в Туапсе, от паралича мозга и похоронен на кладбище в с. Владимировка под Новороссийском с воинскими почестями (могила сохранилась до наших дней), хотя во Владимировке до настоящего времени бытует версия, что он был застрелен пьяным матросом-анархистом...

Мы здесь отметили лишь штрихи к истории чешских поселенцев российского Северного Кавказа, как ее видели их соотечественники, которые и оставили об этой истории записи в своих дневниках, воспоминаниях и в художественных произведениях.

С.В. Самовтор (г. Краснодар)

ТОПОНИМИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Кубань (как и вообще Северо-Западный Кавказ) издревле была местом расселения многих и многих народов. Проходили века, тысячелетия, эпохи, одни народы сменяли другие. Какие-то из этих этносов исчезли, растворились в соседних этносах, ассимилировались, или же переселились на другие земли. Потомки иных и поныне проживают здесь, на территории современных Краснодарского и Ставропольского краев, республик Адыгеи и Карачаево-Черкессии. «Молчат гробницы, мумии и кости, лишь слову жизнь дана...», — писал Иван Бунин. Слово, увековеченное в топониме, доносит до нас историю далеких эпох и тех народов, которые дали жизнь слову.

В рамках настоящей статьи предлагается посмотреть на топонимию Краснодарского края глазами современного русскоязычного его жителя. Т.е. речь пойдет о славянской и, прежде всего, казачьей топонимии Кубани и об иноязычном влиянии на нее.

Наиболее значительное влияние на формирование топонимии черноморских казаков оказали названия запорожских куреней, в основном сложившиеся задолго до переселения черноморских казаков на Кубань. Большинство куренных названий возникло в XVII–XVIII веках. В Запорожском войске, согласно Реестру 1756 года, было 38 куреней [1]. Эти куренные названия по своему происхождению можно условно разделить на две группы:

1. Название куреня — производное от названий некоторых населенных пунктов. Зачастую курень основывался выходцами из той или ной местности, откуда и получал свое название. Об этом писал Д.И. Эварницкий: «Оставаясь на Низу, они (казаки — С.С.) мало-по-малу складывались в отдельные и небольшие группы, общины или курени, представлявшие на первых порах своего рода

землячества: курень Батуринский, т.е. община земляков, вышедших из Батурина; курень Каневский, т.е. община земляков, вышедших из Канева; то же нужно сказать о куренях Крыловском, Переяславском, Полтавском, Уманском, Корсунском, Калниболотском, Стеблиивском, Донском и других» [2].

2. Некоторые курени получили название по имени личности — чаще всего основателя куреня или атамана. Здесь представлена целая галерея выдающихся деятелей Сечи: Брюховецкий курень назван по имени Ивана Мартыновича Брюховецкого, избранного в 1663 году на «Черной раде» в Нежине гетманом [3]; Поповичевский курень назван в честь гетмана Ивана Самойловича, которого называли гетманом-поповичем, так «Иван Самойлович был сыном священника западной стороны Днепра из села Красного» [4]; Роговской курень — между ноябрем 1664 и февралем 1665 года «козаки... выбрали в кошевые Ивана Ждана или Рога» [5] и т.д.

По приходу на Кубань черноморские казаки (бывшие запорожские) сохранили свои прежние сечевые названия куреней, прибавив к ним два новых. «Тридцать восемь куреней были тех же самых названий, какие существовали в Запорожском войске, — писал П.П. Короленко, — а два добавлены вновь, первый Екатериновский — в честь Императрицы Екатерины, а последний Березанский — в воспоминание взятия черноморцами турецкой крепости Березани» [6].

В марте 1794 года по жребию курени получают места для поселений. Первоначально эти поселения так и назывались куренями, или куренными селениями, с 1842 года согласно новому «Положению о Черноморском казачьем войске» [7] они стали называться станицами, так же как и в других казачьих войсках России. Куренные селения получали названия от названий соответствующих куреней, казаками которых заселялись.

В топонимии черноморского казачества происходила широкая адаптация иноязычных (прежде всего тюркских) географических названий. В подавляющем большинстве названий рек и лиманов Черномории казаки оставили тюркские корневые основы, лишь придав им славянские огласовки. Ряд казачьих станиц и хуторов по-

лучили свое название от тюркских гидронимов (названия водных объектов). Например, станица *Ахтанизовская* была основана в 1812 году на западном берегу одноименного лимана, откуда и получила название. Название *Ахтанизовского лимана* происходит от тюркского слова *Акденгис*, что означает «Белое море (озеро)».

Тюркскую субстратную основу имеет и название черноморского населенного пункта Тамань (станица Таманская). В топонимике существует несколько основных версий происхождения топонима *Тамань*. К.Ф. Ган предлагал трактовку этого географического названия как турецкое изменение черкесского слова *темен* — «болото» [8]. Производное от тюркского географического термина таман — буквально: «подошва», «ступня» можно также считать вполне продуктивным. В топонимии этим термином обычно обозначают дно реки или озера [9]. Топография Таманского полуострова с пересохшими руслами древних рукавов Кубани достаточно убедительно говорит в пользу этой гипотезы. По другим версиям в основе топонима *Тамань* лежит тюркское слово *таман,* означающее титул или звание [10] или же топоним производится от названия средневекового города *Тмутаракань* [11]. Языковеды считают, что *Тмутаракань*, *Таматарха* и современная *Тамань* производятся от одной основы — *Тамантархан*. Последнее означает, возможно, «город тархана Тамана» [12]. Ф. Арканников этот город называл *Тематарха* и переводит как «место соленой рыбы» [13].

Стоит особо сказать и о топонимах, непосредственно связанных с историей возникновения Екатеринодара. Так, например, название *Карасунского кута* происходит от гидронима *Карасу*, или *Карасун*. Так называлась степная река, впадающая в Кубань (по другим данным — старица реки Кубань). В конце XIX — начале XX века русло этой реки было большей частью осушено и от нее осталась лишь гирлянда одноименных озер. *Карасу* в переводе с тюркского означает буквально «черная вода», «плохая вода» [14]. Однако В.А. Никонов предостерегает от буквального толкования названия. «В тюркской гидронимии термин *карасу* означает не цвет воды, а источник питания реки: река, образуемая грунтовыми водами; противоположно *аксу* (тюрк. *ак* «белый») — река, образуемая

таянием снегов; пара *черный — белый* соотнесена с цветом не воды, а земли и снега» [15]. Местный географический термин *кут*, участвующий в образовании топонима, на Кубани обычно обозначает «угол», «часть», «окраина» чего-нибудь (например, станицы, лимана и т.д.) [16]. В данном случае *кут* означает угол, мыс, образовавшийся при слиянии Кубани и Карасу.

Почти одновременно с Черноморией стала заселяться и восточная часть правобережья Кубани, так называемая *Кубанская*, или *Старая линия*. В отличие от Черномории, где были поселены *украиноязычные* казаки-черноморцы, славянское население Старой линии в основном было *русскоязычным*.

В топонимии старолинейного казачества также огромную роль играла иноязычная основа. Так, например, *Барсуковская* станица, была основана в 1825 году на реке Барсуклы, откуда и получила название. Армавирский историк С.Н. Малахов считает, что «потапоним Барсуклы восходит к древне-тюркому слову *бор* — «пахнуть, вонять» через форму борсук — «вонючий, вонючка». В название Барсуклы аффикс -сук/-сык показывает постоянный признак по глагольному действию + аффикс обладания -лы, т.е. «имеющая сильный запах, вонючая»» [17] — тюркский след в казачьей топонимии.

В названии же станицы *Расшеватской*, производного от гидронима — реки *Расшеватки*, прослеживается, по мнению В.А. Колесникова, калмыцкий след [18]. Изначально речка носила название близкое к «*Аршан*», что в калмыцком языке этимологизируется как «источник», «вода», «родник» [19].

В 1841 году кордонная линия была перенесена с Кубани на Лабу. Равнина между этими реками была названа Лабинской, или Новой линией, в отличие от Старой (Кубанской) линии. Гидронимия этой территории в значительной степени явилась субстратом при образовании казачьей топонимии Новой (Лабинской) линии. Часть гидронимов (в основном в междуречье Лабы и Урупа) имеет тюркские корни, как, например, река Чамлык. Чамлык — поногайски «сердитая», «резкая» [20]. От этого гидронима ведет свое название *Чамлыкская* станица, основанная в 1841 году.

Другие гидронимы адыгского происхождения. В этом ряду, пожалуй, можно назвать реку Уруп, левый приток реки Кубань. В. Б. Виноградов [21], а также исследователи топонимии Приурупья В.В. и Е.В. Тёры [22], ссылаясь на авторитет Дж. Н. Кокова, склонны видеть здесь адыгские корни. В 1841 году на реке Уруп была устроена станица *Урупская*.

На территории Новой линии существовали также топонимы с этнонимической основой. Например, название *Темиргоевской* станицы, основанной на месте одноименного укрепления. «Укрепление же названо по адыгскому племени темиргоевцев, родоначальником которого был Болоток» [23].

19 ноября 1860 года Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское казачье войско. В его состав вошли также первые шесть бригад Кавказского линейного казачьего войска «с землею, которой они доселе пользовались». Активно шло казачье заселение Западного Закубанья (к западу от реки Лаба). Ежегодно на передовых закубанских линиях возводилось по десять и более станиц, а всего за 1861–1865 годы было основано более 80 крупных казачьих поселений [24].

По своему происхождению названия казачьих станиц, появившихся в 1861–1865 годах в Закубанье, можно условно разделить на несколько групп:

Как и на Новой линии, при имянаречении закубанских станиц широко используется *иноязычная субстратная гидронимия*. Поэтому многие станицы имеют названия с гидронимическими основами. Подавляющее большинство таких названий имеет *адыгские корни*, но построено при помощи словообразовательных элементов *русского языка*.

Некоторые станицы возникают на месте бывших укреплений. *Абинская* станица была основана в 1863 году на месте одноименного укрепления, построенного в 1834 году [25]. Названия и станицы, и укрепления происходят от названия реки Абин. Гидроним Абин Дж.Н. Коков связывает с абхазским словом абна — «лес» [26]. По названию реки наименован также и Абинский полк.

На месте упраздненной станицы Николаевской (1836–1854 гг.)

в 1862 году возникает *Анапская* станица. Название станицы *Анапской* как и название города *Анапа* не имеет единой этимологической трактовки. К.Х. Меретуков приводит шесть различных этимологий этого топонима [27]. Наиболее интересными на наш взгляд представляются этимологии Дж.Н. Кокова и К.Х. Меретукова. Согласно Дж. Н. Кокову топоним Анапа происходит от адыгских слов Іанэ (ана) — «стол» и пэ (па) — «край», Іанапэ (Анапа) — «край стола» [28]. К.Х. Меретуков считает, что слово Анапа состоит из двух основ: *ана* + *па*, где Ана (Анапка) название речки, в устье которой расположен город Анапа. Второй составляющий *-па* // *пэ* означает устье. Анапа — город в устье реки Ана [29]. Название станицы Анапская — вторичный топоним, образованный от названия города Анапа.

От названия реки Гиага (левый приток Лабы) берет свое имя станица *Гиагинская*, основанная в 1862 году. Значение гидронима Гиага (по-адыгейски Джадже (Гяге) не установлено [30]. В литературе зарегестрировано неофициальное, народное название станицы — *Ягинская* [31].

В том же 1862 году, но в западной части Закубанья была обустроена станица *Гостагаевская*. Название происходит от названия речки Гостагай (Гостагайка), впадающей в Витязеский лиман. Гидроним Остыгъай по-адыгейски означает бувально «пихта» [32], т.е название реки, в свою очередь, производится от местной флоры. Также от названия растения происходит название реки Дах. И.В. Жерноклев и Е.И. Жерноклева, ссылаясь на П.У. Аутлева, говорят о значении гидронима Дах (Дахъо) как «Фундуковая река» [33]. Однако, признанный специалист в адыгской топонимике К.Х. Меретуков считает, что название реки образовано от родового имени Дахъо (Дахо) [34]. В том же 1862 году при впадении реки Дах (правый приток) в реку Белую была основана станица *Даховская*.

Этимология некоторых гидронимов носит чисто описательный (по внешним признакам) характер. Так, например, название река Марта, на которой в 1864 году была основана *Мартанская* станица, восходит, по мнению К.Х. Меретукова, к древнему абхазо-

адыгскому слову амард (д чередуется с т), означавшему «Крутой склон». Известно, что река Марта протекает вдоль склона правобережной возвышенности. «Склоновая» река [35]. *Губская* станица была основана в 1861 году на реке Губс, левом притоке реки Ходзь, который в свою очередь является левым притоком реки Лабы. Этимология гидронима возможно вытекает из адыгейского «гъопсы», «гъо» — желтый, «псы» — вода [36]. По мнению К.Х. Меретукова «гъо» в аналогичном случае может означать «пещера» — «пещерная река» [37].

Другие гидронимы невозможно этимологизировать без знания местных адыгских легенд и преданий. Это относится к реке Пшехе, от названия которой происходит название станицы *Пшехской*. Гидроним Пшеха (Пщыхьэ) происходит по одной версии от адыгейских слов *Пщы* — «князь» и *хыын* — «нести». Легенда гласит, что в далеком прошлом адыге восстали против своих князей, разбили их и бросили в реку. По другой этимологии название реки происходит от словообразования *пчы + хъэ*, буквально «копье + нести»: в долине реки когда-то произошло ожесточенное сражение, где было сломано много копий [38]. От какого-то сражения, кровопролития происходит и название речки Неберджай. Гидроним в переводе с адыгейского буквально означает «хищный, кровожадный орел» [39]. На этой речке в 1862 году была основана станица *Неберджаевская*.

В Западном Закубанье, в еще большей степени, чем на Новой линии шли активные процессы вливания местной, преимущественно *адыгской*, этнонимии (т.е. названий этносов) в казачью топонимию. В целом это явление характерно практически для всех вновь осваиваемых Россией земель.

Так, например, *Абадзехская* станица свое название получила от названия адыгского племени абадзехи и была основана на реке Белой, на границе территорий абадзехов и мамхеговцев [40]. По абхазо-абазинскому племени баг была названа станица *Баговская* [41]. Тот же характер носят названия станиц *Баракаевской*, названной по абазинскому племени баракай, жившему в верховьях реки Губс [42], *Махошевской*, основанной на границе адыгских племен-

ных территорий егерухай и махошей [43], *Егерухаевской*, *Натухайской* (Натухаевской) и *Шапсугской*, названных так в честь, соответственно, адыгских племен егерухай, натухайцев и шапсугов.

Несколько раз переименовывалась станица *Бесленеевская*. Она основана в 1861 году на реке Ходзь и первоначально была названа *Ирисская* по горе «Ирис» или «Ярыс» [44]. В этом же году станица была переименована в станицу *Промежуточную* [45]. Наконец, в 1863 году станица получила свое окончательное название *Бесленеевская*, в котором было увековечено адыгское племя бесленей.

Адыгское племя бжедухов дало название станице *Бжедуховской*. Бжедухи в свою очередь, как описывает это племя Ф.А. Щербина, делятся на хамышеевцев и черченеевцев [46]. Он приводит старинную легенду о том, что «жанеевцы, соседи черченеевцев дали им пир, на котором у хозяев гостями украдена была чаша. Отсюда и дазвание бжедух, вор чаши, от слов «бжа» — чара, чаша и «дуг» — вор [47]. Скорее всего, это народная, вульгарная этимология этнонима, основанная лишь на случайном созвучии.

Интересно в этом смысле название *Келермесской* станицы, ведущее свое происхождение от адыгейских слов къэлар (келер) «черемша» и мэз (мез) «лес» — «Черемшинный лес» [48]. В данном случае в основе ойконима лежат ботанические особенности этой местности. Л.Я. Апостолов указывал также и неофициальное, народное название станицы — Каларнецкая [49]. Здесь налицо случай адаптации славянским населением станицы иноязычного в своей основе географического названия.

Названием своим *Хадыженская* станица обязана обилию археологических памятников (грунтовых могильников), ранее встречавшихся в большом количестве в окрестностях станицы. Этимологию слова *Хъыдыжъы*, от которого происходит ойконим переводят как «Долина древних могил» — из адыгейского *хъадэ* «труп», «мертвец», *жъы* «старый», «древний» [50]. Однако К.Х. Меретуков высказал предположение, что данный топоним может происходить из личного имени *Хъыды* и слова *жъы* «большой» — «Большой Хъыды» [51].

Таким образом, в процессе образования казачьей топонимии Кубани принимали весьма значительное участие, помимо русского и украинского языков, и языки других этносов, проживавших в этом регионе. Обращает на себя внимание бережное и уважительное отношение кубанских казаков к иноязычным топонимам, как и вообще ко всем проявлениям духовной и материальной культуры живущих рядом народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Реестр Запорожского войска 1756 года / Сост. Н.А. Тернавский. — Краснодар, 1997.
2. Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т. 2. — СПб., 1895. — С. 63.
3. Шкуро В.И. Станица Брюховецкая // Кубанские новости. — 4 сент. — 1991.
4. Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т. 2. — СПб., 1895. — С. 469.
5. Там же. — С. 371–372.
6. Короленко П.П. Черноморцы. — СПб., 1874.
7. Полное Собрание Законов Российской Империи (далее ПСЗ). Собр. 2. Т. 17 (1842). — СПб., 1843. Ст. 15809.
8. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. — Тифлис, 1909. — С. 133.
9. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984. — С. 542.
10. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966. — С. 406–407.
11. Там же. — С. 407.
12. Вахрин С.И. Биографии кубанских названий (популярный топонимический словарь Краснодарского края). Краснодар-Армавир, 1995. — С. 61–62.
13. Арканников Ф. Город Темрюк // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1884. — Вып. 4. Отд. 1. — С. 250.
14. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984. — С. 256.
15. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966. — С. 177.
16. Гулиева Л.Г. Местные географические термины в славянской гидронимии Кубани // Вопросы русского языка и литературы: Научн. тр. / Краснодар. пед. ин-т. — 1968. — Вып. 94.
17. Малахов С.Н. Старинные названия речки Горькая // Шестые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). — Армавир, 1999. — С. 18–19.
18. Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801–2001). К 200-летию со дня основания. — Ставрополь, 2001. — С. 63–65.
19. Колесников В.А., Федосов П.С. Указ. соч. — С. 64–65.
20. Виноградов В. Б. Топонимия Средней Кубани. — Армавир, 1993. — С. 51.
21. Там же. — С. 46.
22. Тёр В.В. Топонимия Приурупья (методическое краеведческое пособие) / В.В. Тёр, Е.В. Тёр. Отрадная, 1998. — С. 39–40.
23. Вахрин С.И. Указ. соч. — С. 64.
24. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). — Краснодар, 1986. — С. 22.

25. Вахрин С.И. Биографии кубанских названий (популярный топонимический словарь Краснодарского края). — Краснодар; Армавир, 1995. — С. 7.
26. Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. — Нальчик, 1966. — С. 133.
27. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. — М., 1990. — С. 24–25.
28. Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. — Нальчик, 19. — С. 136.
29. Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 25.
30. Там же. — С. 59.
31. Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. — Тифлис, 1897. — С. 295, 303.
32. Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 144.
33. Жерноклев И.В., Жерноклева Е.И. Памятники и памятные места в предгорьях Адыгеи / И.В. Жерноклев, Е.И. Жерноклева. — Майкоп, 1973. — С. 48.
34. Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 58–59.
35. Там же. — С. 116.
36. Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. — Нальчик, 1974. — С. 162.
37. Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 53.
38. Там же. — С. 172.
39. Там же. — С. 136.
40. Гулиева Л.Г. Некоторые топонимы с этнонимическими основами на Кубани // Этнонимы. — М., 1970. — С. 164–167.
41. Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. — Нальчик, 1974. — С. 144.
42. Вахрин С.И. Указ. соч. — С. 15.
43. Гулиева Л.Г. Некоторые топонимы с этнонимическими основами на Кубани // Этнонимы. — М., 1970. — С. 164–167.
44. Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 48–49.
45. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 629.
46. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. — Екатеринодар, 1913. Т. 2. — С. 10.
47. Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. — Воронеж, 1908. — С. 17–18.
48. Меретуков К.Х.Указ. соч. — С. 99.
49. Апостолов Л.Я. Указ. соч. — С. 303.
50. Голубничий И.Н. Хадыженские источники / И.Н. Голубничий, И.Ф. Филиппенко. — Краснодар, 1965. — С. 38.
51. Меретуков К.Х. Указ. соч. — С. 212.

В. Г. Шнайдер (г. Армавир)

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НЕМЦЕВ АРМАВИРА С КОНЦА XIX ВЕКА И ДО 1941 ГОДА

В настоящей статье мы затронем столь сложную в исследовательском плане проблему, как духовный мир. Сложность в нашем случае заключается в том, что немцы, проживавшие в Армавире с конца XIX в. и до 1941 г., не оставили на сей счёт подробных свидетельств. Они не писали мемуаров, у нас нет их писем, где бы встречались рассуждения по этому поводу, и даже статистика двух довоенных переписей населения не даёт нам достаточно ясной картины об их духовном мире.

Важным фактором духовного единства является церковь. Само понятие «община» наиболее рельефно выглядит применительно к некоему объединению людей на религиозной основе. Немцы Армавира не были едины в конфессиональном отношении. Применительно к дореволюционному периоду мы можем судить об этом достаточно определённо. При этом в количественном отношении конфессиональные группы были далеко не равновесны.

Лютеранская община в Армавире в качестве филиала вошла в состав Владикавказского евангелическо-лютеранского прихода в октябре 1884 г. [1].

Согласно сведениям, собранным в 1896 г. Кубанским областным правлением, армавирское Евангелическо-лютеранское приходское общество состояло из 700 прихожан и имело школу [2]. Обычно у немцев, ещё по колонистской традиции, школа сочеталась с молитвенным домом. При этом нам известно, что здание молитвенного дома было построено к 1898 г. [3].

В 1897 г. 20 немцев в Армавире исповедовали православие; трое были причислены к «старообрядцам и уклоняющимся от православия»; одна женщина принадлежала к армяно-григорианской

церкви; 25 чел. были католиками; 1 214 чел. — протестанты. Кроме того, шестеро человек, назвавшие родным немецкий язык, исповедовали иудаизм [4].

В период организационного оформления евангелическо-лютеранская и реформатская церкви на Северном Кавказе были объединены государством. Это не вызвало конфликтной ситуации [5]. Материалы метрических книг армавирского лютеранского молитвенного дома в полной мере подтверждают этот вывод.

С 1899 по 1918 гг. в Армавире заключили брак 464 пары (88,6%), в которых оба супруга были лютеранами; 37 браков были заключены между лютеранами и реформатами (7,03%); 6 браков, где оба супруга были реформатами (1,14%); 7 браков были заключены между лютеранами и католиками (последние, главным образом, были иностранцами (-ками)).

В Армавире не было своего пастора, по крайней мере, если говорить о дореволюционном периоде. Несколько раз в году сюда приезжали лютеранские пасторы из Владикавказа, Пятигорска или Ростова-на-Дону. Такая практика сложилась ещё в Поволжье, что было связано с большой разбросанностью и удалённостью колоний от прихода.

Крещение могло совершаться не только лицом духовного звания или его доверенным. Бывало, что лютеране самостоятельно крестили своих детей. Очевидно, что они делали это в исключительных обстоятельствах, связанных с удалением от молитвенного дома и опасностью смерти младенца. Крестили не только в молитвенном доме или у себя, но также и в домах поселенцев, которые не принадлежали никому из родителей или крёстных младенца, если судить по их именам. В короткие временные отрезки своего пребывания в Армавире пасторы не занимались скорбными делами. Они венчали пары, ожидавшие их приезда, а также крестили детей, которые появились на свет в столь удобный момент.

Важную роль в обряде крещения занимали такие его участники как восприемники (крёстные родители). Из метрических записей «немецких книг» становится очевидным, что лютеране (и

реформаты) придерживались несколько иной традиции в выборе восприемников, нежели православные в выборе крёстных родителей. Это касается, прежде всего, их числа. В подавляющем большинстве восприемников было трое. Чрезвычайно редко их было двое или четверо. Однако такие случаи известны [6]. Судя по фамилиям, восприемниками вполне могли быть родственники жены или мужа. В других случаях можно допустить, что это были близкие люди, друзья семьи и т. п. То есть, в этом отношении крёстные родители подбирались также как и у православных. Нередко в числе трёх восприемников оказывалась супружеская пара. Соотношение числа мужчин и женщин строго не устанавливалось. Известны случаи, когда восприемниками могли быть только мужчины. Таких примеров в отношении женщин мы не встретили.

Случай самого позднего крещения зафиксирован 3 декабря 1906 г., когда этот обряд принял Авраам Боль (реформат), родившийся 10 мая 1881 г., то есть в возрасте 25 лет [7]. Такие случаи были в то время очень редкими.

Далее мы обратимся к обряду венчания.

Обращают на себя внимание периоды проведения бракосочетаний. Наиболее интенсивно венчались осенью, реже зимой и весной, а вот летом свадеб практически не было.

В 1898 г. в Армавире закончилось строительство лютеранского молитвенного дома. Источник называет его «школьно-молитвенным» [8]. Он находился возле полотна Владикавказской железной дороги. Сегодня на его месте расположена армавирская санитарно-эпидемиологическая станция по ул. Ленина, 26. Мы не можем точно сказать, как выглядело здание молитвенного дома. Его изображений не сохранилось. Известна его планировка и другие технические характеристики в 1931 г.

На протяжении нескольких десятилетий лютеранский молитвенный дом был для армавирских немцев значимым фактором их этнокультурной и конфессиональной консолидации. Сегодня нам трудно судить о его повседневной деятельности. Мы знаем имена

кистеров и учителей, работавших в этом доме и несших, фактически, пасторскую службу. Мы знаем, что за долгие годы сотни и тысячи немцев лютеран и реформатов посещали его не только для молитвы и в праздничные дни, но и для совершения здесь наиважнейших обрядов и таинств.

Известно, что уже в послереволюционный период в Армавире появляется свой пастор. Его звали Рихард Гебель. В одном источнике мы нашли подтверждение того обстоятельства, что «в [лютеранской] общине службы проводил пастор Richard Goebel, 1929–1933 гг.» [9]. Из чего мы можем заключить, что, по крайней мере, до 1933 г. в Армавире лютеранские службы проводились, а пастор был вполне официально признаваем в своей должности. Конечно, 1929 и особенно 1930 и 1931 гг. стали тяжёлым временем для «служителей культа», но среди лиц, лишённых избирательных прав на этом основании мы не встретили имени этого пастора.

Выполняя декрет Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства, Кубано-Черноморский исполнительный комитет 4 ноября 1922 г. принял постановление об описи имущества церквей и заключении договоров с приходами (группами верующих), позволявших церквям и далее исполнять свои функции. Этот шаг мог привести к закрытию церкви или молитвенного дома только в том случае, если не нашлось бы желающих взять на себя ответственность за сохранность имущества и здания храма.

Последующие гонения на церковь не обошли и Армавирский лютеранский приход. В бывшем здании молитвенного дома открылась школа.

Итак, мы видим, что обрядовая деятельность в жизни армавирских лютеран в досоветский период играла важную роль. Метрические книги велись старательно, и записи вносились скрупулёзно. Головной приход не оставлял армавирский филиал без внимания, визиты пасторов носили регулярный характер. В их отсутствие обряды исполняли уполномоченные ими лица: кистер или учитель. Это соответствовало традиции лютеранской церкви. В то же время и простые прихожане могли самостоятельно совершать

религиозные обряды. Однако это не говорит об ослаблении консолидирующей роли религии или о недостаточном уважении к её служителям. Анализ материалов метрических книг показывает, что это делалось только в исключительных обстоятельствах, когда не было возможности отложить обряд. Это касалось обрядов крещения и отпевания. Никогда кистер, учитель или поселянин не проводили венчания. Наверняка не потому, что лютеране придавали ему более важное значение, чем другим обрядам, а потому, что его можно было отложить без особого риска и ущерба для главных участников до приезда пастора.

Браки между немцами лютеранами и реформатами в Армавире заключались более интенсивно, чем на прежних местах жительства в Поволжье. Этот вывод следует из сопоставления состава венчавшихся в Армавире пар и состава пар, у которых здесь же родились дети. Острых разногласий или конфликтов между представителями двух этих направлений протестантизма в Армавире не отмечено. При выборе будущего супруга (-ги) этнокультурная принадлежность играла более важную роль, чем конфессиональная.

В советский период число межэтнических браков среди армавирских немцев заметно возрастает. Если считать близким к истинному процент заключённых до революции смешанных браков у немцев в 1,47% (и даже если удвоить его, добавив смешанные браки женщин), то в 1920–1930-е гг. их число увеличивается более чем в 20 раз. Несомненно, это обстоятельство следует считать мощным фактором этнокультурного размывания немецкой локальной группы в нашем городе.

Следует сказать, что немецкое население Армавира в подавляющем большинстве придерживалось лютеранства, что само по себе может рассматриваться как консолидирующий фактор.

Большое значение в духовной жизни армавирских протестантов играл молитвенный дом, в котором размещалась и школа. Службы лютеранским пастором проводились в городе, как минимум, до 1933 г. В последующем, этот фактор консолидации среди армавирских немцев ослабевает.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. — М., 2001. — С. 57.
2. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1090. Оп. 1. Д. 133. Л. 7.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135. Оп. 56. Д. 355; Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы России XVIII–XX вв. Исторический справочник. Часть 1. — СПб., 2001. — С. 53.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 65. — СПб., 1905. — С. 78–79.
5. Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII — середина XX в.): Дисс. ... на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. — Ставрополь, 1996. — С. 84.
6. См. напр.: Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. 55. Оп.1. Д.104. Л.31; Д.111. Л.67.
7. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 106. Л. 166 об.
8. Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII — XX вв. Исторический справочник. — СПб., 2001. — С. 51.
9. Князева Е.Е., Соловьёва Г.Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв. Исторический справочник. — СПб., 2001. — С. 51 (Ссылка на РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 85; Оп. 6. Д. 213; Оп. 7. Д. 107; Оп. 13. Д. 28. Д. 608, 619).

Д.В. Хубулова (г. Владикавказ)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕНСТВА ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война всколыхнула все слои российского общества. Не осталось в стороне духовенство, которое выступило духовной объединительной силой народных масс, стало во главе благотворительных акций населения. Для Терской области поведение духовенства тем более актуально, что терское казачество было религиозным.

Целью данной статьи является анализ благотворительной деятельности православной церкви в годы Первой мировой войны на территории Владикавказской епархии.

Все священство, прихожане России активно участвовали в благотворительных акциях, связанных с оказанием помощи воинам. Только в первый военный год в Священный Синод поступило пожертвований на сумму 137300 руб. [1].

Синодом была отмечена исключительная роль Русской православной церкви в организации благотворительности: «С самого начала и во все продолжение войны с Германией и Австрией, а затем и с Турцею Отечественная Церковь оказывала не только нравственное содействие государству, укрепляя в народе веру в правоту защищаемого русским оружием святого дела, усиливая в нем молитвенное настроение и возгревая пламень любви и милосердия, но и посильную материальную помощь» [2].

Следует отметить, что благотворительность православной церкви в годы войны прошла несколько этапов, отличавшихся методами проведения.

Начальный этап мало отличался от предыдущих, лишь небольшими новшествами: тыл должен всячески поддерживать воинство на фронте; духовенство должно служить примером патриотизма. Приоритетными в своей деятельности РПЦ определила следующие

направления: патриотическое, воспитательно-просветительское, миссионерское, благотворительное [3].

30 июля 1914 г. со всех амвонов было объявлено населению страны о начале войны и всеобщей мобилизации. Храмы обязаны были каждый день возносить молитвы за здравие воинов и скорейшую победу русской армии, а также осуществлять кружечный сбор на нужды войны [4]. Каждая епархия вносила свой посильный вклад в дело победы. Даже небогатая Владикавказская епархия не осталась в стороне от всенародного дела помощи государству, что было отмечено в благодарственном письме военного генерал-губернатора: «Прошу вас принять, — обратился он к съезду депутатов от духовенства епархии, — искреннюю благодарность от лица доблестных защитников Отечества, раненных на войне, и не отказать переждать благодарность духовенству епархии и корпорациям епархиальных учреждений, оборудовавших и содержащих на собственные средства лазарет на 10 кроватей в Духовном училище» [5].

Четко была налажена работа по приему раненных, в организации тыловых госпиталей были задействованы приходские священники, которым надлежало отвести под лазареты все свободные помещения, заготавливать «предметы лазаретского инвентаря». Уже осенью 1914 г. в г. Владикавказе была развернута лазаретная сеть: общими усилиями приготовлены к приему раненных 10 лазаретов. Вот данные только по лазарету при Духовном училище: в декабре 1914 г. было затрачено на продовольствие для раненных 113 руб. 22 коп., мыло — 5 руб., за чулки и носки — 19 руб. 95 коп. [6].

В начале 1915 г. Святейший синод сообщал: «Многие из раненых и больных воинов по выходу из госпиталей нуждаются в спокойном отдыхе для восстановления здоровья и сил. Получившим увечья необходимо призрение до времени, когда будут изысканы для них новые способы дальнейшего обеспечения в жизни. Дети павших в бою требуют приюта...» [7]. В связи с этим Синод напомнил верующим об их долге помогать нуждающимся, откликнуться своим содействием к удовлетворению указанных новых потребностей, вызванных настоящим временем войны.

Преосвященному Владикавказской епархии Антонину предстояло сформировать во всех приходах попечительские советы на широкой социальной основе, на которые возлагалась обязанность «вести списки семей, члены коих призваны в ряды армии, выяснять их имущественное положение и оказывать им пособие до тех пор, пока в этом будет надобность» [8]; 20 ноября такой совет был создан [9]. Перед ним были поставлены задачи поддержания морального духа раненных, проведение духовных собеседований, а также чтения церковной литературы. Например, Владикавказское Михайло-Архангельское братство ассигновало на выписку брошюр и листовок религиозно-нравственного содержания 50 руб. для рассылки этих изданий в лазареты.

Солдаты в своих письмах отмечали, что «наша армия хорошо обмундирована, у всех теплая одежда, пища хорошая, помещения теплые, словом нужды ни в чем нет» [10]. Так, в своем письме на имя станичного священника казак Дорофеев писал: «К Рождеству я получил подарки со склада императрицы Александры Федоровны и мы очень довольны тем, что нас не забывают и заботятся о нас. Я получил 2 мешочка, в которых 2 рубашки, 2-е кальсон, 4 пары носков, 2 наволочки, 1 полотенце, 2 пары портянок, конфекты, мыло, сахар, соль, 2 рубля» [11].

Таким образом, уже в первые дни войны были определены основные направления социальной работы, проводимой церковью.

Однако церковь поддерживала русское войско не только в тылу, но и на передовой. Во «Владикавказских епархиальных ведомостях» была опубликована заметка о таком бесстрашном пастыре, который являл собой образец истинного священника: «Пехота поднялась и побежала в штыковую атаку на немца. А сам о. Павел уже впереди, высоко подняв крест в правой руке, бежит, словно боится, что его опередят прийти первым к неприятельским окопам. Здесь он и санитар, и пастырь и командир...» [12]. Поддержание в русских воинах веры в победу, смелость и героизм стали главными задачами военных священников на фронте, владикавказских священников — в тылу.

Итак, анализ благотворительной деятельности православной церкви во Владикавказской епархии в 1914–1917 гг. показал, что она проявляла понимание необходимости поддержки государства и брала на себя большие расходы по содержанию раненых, помощи семьям военнослужащих, поддержанию морального духа населения. Священство епархии активно включалось в организацию госпиталей, сбор пожертвований, беседы на нравственно-патриотические темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания. — Пг., 1914. — С. 68.
2. Афиногентова А.П. Социальная активность Русской православной церкви: автореф. дис. … канд. филос. наук. — М., 1993. — С. 18.
3. Горожанина М.Ю. Деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. — М., 2006. — №5 (23). — С. 255.
4. Церковные Ведомости. — СПб., 1914. — №30. — С. 382.
5. Владикавказские епархиальные ведомости (далее ВЕВ). — Владикавказ, 1915. — 15 февраля. — С. 129.
6. ВЕВ. Владикавказ, 1915. — 15 марта. — С. 92.
7. ВЕВ. Владикавказ, 1916. — 15 апр. — С. 26.
8. Церковные Ведомости. — Пг., 1916. — №10. — С. 126.
9. Горобец А. Социальное служение Владикавказско-Моздокской епархии в годы первой мировой войны // ive1875.narod.ru.
10. ВЕВ. Владикавказ, 1915. — 15 марта. — С. 16.
11. ВЕВ. Владикавказ, 1916. — 15 апр. — С. 555.
12. ВЕВ. Владикавказ, 1915. — 15 янв. — С. 212.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

О. Б. Емельянов (г. Георгиевск)

О ПОСЕЩЕНИИ ЦЕСАРЕВИЧЕМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ГРЕБЕНСКОЙ СТАНИЦЫ ЧЕРВЛЁННОЙ И БОЕСТОЛКНОВЕНИИ У РЕЧКИ РОШНЯ (22–26 октября 1850 года)

Во второй половине 1850 г. наследник российского Императорского дома цесаревич Александр Николаевич отправился в полуторамесячное путешествие по Кавказскому региону. Заключительная часть продолжительного пути пролегала из Закавказских провинций к передовым позициям левого фланга Кавказской линии, а именно к укреплениям Чир-Юрту, Хасав-Юрту и крепости Внезапной в Дагестане. Далее к сунженской станице Слепцовской через казачьи гребенские станицы, расположенные по Терскому левобережью и опорные пункты в Малой Чечне, где уже много лет велись непрекращающиеся военные действия с немирными горцами под предводительством имама Шамиля. Современники неоднократно и с полным основанием отмечали, что в середине XIX столетия «эта часть Кавказа была самая опасная и тревожная» [1].

Так, правительственные войска под начальством генерала В.М. Козловского, начиная с января, занимались прокладыванием широкой просеки в шалинском лесу, непрерывно находясь в боях с многотысячными отрядами чеченцев, на помощь которым пришли наиболее непримиримые мюриды из горских дагестанских обществ. Систематически происходили кражи домашних животных с пастбищ и вооруженные нападения во время проведения полевых работ, заготовки дров и т. п. в ближайших окрестностях крепостей Грозной, Воздвиженской и др., около укрепления Урус-Мартана, а

также в пределах сунженских и терских станичных юртов. В апреле происходили кровопролитные сражения в непроходимых лесах при овладении хорошо укрепленного шалинского окопа, где в конном строю отличились три казачьи сотни Гребенского и Моздокского полков, руководимые полковником А.А. Сусловым. На качкалыковском хребте кавалерия, возглавляемая командиром Донского 23 полка полковником Я.П.Баклановым, в состав которой входила казачья сотня Кизлярского полка, также принимала участие в целом ряде ожесточенных боев при расчистке лесной дороги вглубь горных ущелий Ичкерии [2]. Сунженские казачьи сотни под руководством генерала Н.П. Слепцова непрерывно находились в битвах на новой оборонительной линии и имели возможности отличиться по нижнему течению рек Валерик, Гехи и Рошня. А начальник левого фланга Кавказской линии генерал П.П. Нестеров совершал успешные рейды в малодоступные немирные аулы и продолжал вырубать вековые леса в Галашевском ущелье и др. [3].

Перед прибытием на левый фланг Кавказской линии кортежа из столицы, заблаговременно были составлены маршруты движения Великого князя Александра Николаевича со свитой с подробным расписанием количества сопровождающих лиц и расстоянием от одного пункта следования до другого [4]. Перед местным начальством стояла сложная задача не только обеспечить продовольствием, ночлегом, достаточным количеством лошадей (количество только упряжных доходило до 140 штук) многочисленных спутников высокого гостя, но и гарантировать безопасный проезд в непосредственной близости от театра военных действий. Поэтому на всем пути следования растянувшегося кортежа, в зависимости от близости неприятеля, повсеместно выставлялись кавалерийские разъезды, воинские части от роты до батальона, в распоряжении которых находились от 1 до 4 артиллерийских стволов. Узнав о прибытии своего верховного атамана, старейшие представители казачества Северного Кавказа — гребенцы, сделали все от них зависящее для достойной и запоминающейся встречи будущего российского монарха [5].

В первой половине дня 22 октября Великого князя Алексан-

дра Николаевича у Шелкозаводского моста встречали наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска генерал Ф.А. Круковский, Ставропольский гражданский губернатор А.А. Волоцкой, командир Гребенского казачьего полка полковник барон А.А. Розен и другие должностные лица. Помимо них были представлены различные депутации от местных народов и многочисленная делегация от города Кизляра, военно-административного и торгово-экономического центра этой области Северного Кавказа. После обильного завтрака, приготовленного в доме мостового смотрителя, представительный кортеж почти из сорока экипажей, понесся по гладкой проселочной дороге. Надежную охрану во время следования по Терскому левобережью обеспечивала специально подобранная сотня «молодцов-гребенцов на лихих конях и в богатом оружии», которые непрерывно джигитуя, вызывали неподдельный восторг у столичной публики. В течение часа с небольшим давно ожидаемые путешественники, преодолев двадцативерстное расстояние, прибыли в станицу Щедринскую, где были восторженно приняты местными жителями и «почти столько же времени было употреблено на перепряжку и переезд до станицы Червлённой» [6].

На околице одной из древнейших казачьих станиц России наследника российского престола встречали с хлебом-солью почетные старики в парадных мундирах, заслуженные ветераны былых сражений от всех гребенских общин. После завершения запланированной официальной программы, сразу же на центральной станичной площади у дома полкового командира, где остановился цесаревич Александр Николаевич, началось всенародное гуляние. «Казачки, разодетые в богатые бешметы и увешанные в несколько рядов ожерельями» завели хороводы с песнями. Начавшемуся празднеству не смогла помешать объявленная тревога на кордонной линии. В то неспокойное время это было частым явлением на Терском левобережье, особенно в дни религиозных церемоний и торжественных мероприятий. К подобным невзгодам станичники относились, как к неотъемлемой части повседневной жизни и мало обращали внимание, хотя опасность подстерегала каждого жи-

теля порубежья везде и ежеминутно. «Но тревога оказалась пустая. Партия хищников намеревалась переправиться на нашу сторону, однако же, была открыта секретами и, понеся потерю, принуждена была отказаться от своего предприятия» [7].

Квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса генерал М.Я.Ольшевский, часто по делам службы посещавший левый фланг Кавказской линии, отмечал в своих воспоминаниях, что пешие горцы, переплыв на бурдюках Терек, не рисковали далеко удаляться от полноводной реки, в отличие от конных отрядов, которые никем незамеченные могли проходить по малообжитой степи сотни километров. Так, незадолго до прибытия Великого князя Александра Николаевича на Терское левобережье, в октябре 1850 г. 15 чеченцев на хороших лошадях, под покровом ночной темноты пробрались сквозь оборонительную линию между станицами Червлённой и Щедринской, молниеносно разгромили ставку калмыцкого султана на реке Куме, взяли пленных и, захватив огромную добычу, быстро переправились на южный берег в зоне ответственности Кизлярского полка, совершив за несколько дней переход более чем в 400 верст. «Около того же времени другая партия ограбила почту и сожгла станцию на Астраханском тракте» [8]. В этой связи, опасность посещения притеречных станиц цесаревичем Александром Николаевичем была реальная, а не выдуманная в высоких армейских штабах, с целью придания своеобразного ратного ореола путешествия по прифронтовой полосе.

На следующий день 23 октября все жители станицы Червлённой от мала до велика, за исключением находившихся казаков на кордонных постах, пикетах, секретах и в круглосуточном дозоре, дружно направились к западным воротам провожать будущего российского монарха. Вдоль дороги были накрыты большие столы, застеленные белым холстом, уставленные огромными куличами, подносами с виноградом, кувшинами с казачьим вином и др. После искренних слов благодарности и добрых пожеланий гребенскому казачеству цесаревич Александр Николаевич, охраняемый лучшими удальцами под начальством местного уроженца офицера Собственного Его Императорского Величества конвоя гвардии

поручика Е.Л. Фролова отправился в дальнейший путь [9]. Вскоре в непосредственной близости от сопровождаемого кортежа началась особого рода казачья джигитовка, надолго запомнившаяся всем видевшим ее. «Понеслись на своих лихих конях гребенцы, но не одни: кто держал перед собою на седле сестру, у кого стояла на левом стремени жена, которые держа в руках стаканы или чепурки с чихирем, поили своих братьев и мужей, а также пили сами за здоровье провожаемого ими Августейшего гостя. Все это совершалось на скаку с выстрелами и разными эволюциями до Николаевского моста, на расстоянии восьми верст, и к чести и молодечеству казаков не случилось ни одного падения» [10].

На переправе через Терек гребенцы, за исключением специальной кавалерийской лейб-гвардейской команды, составленной из местных казаков, передали представительный кортеж своим ближайшим соседям по Моздокскому линейному полку, а сами отправились на тщательную рекогносцировку предстоящего пути к Терскому хребту. Во время скорого завтрака и замены лошадей в укреплении Горячеводском будущему российскому самодержцу были представлены почетные жители Старого Юрта (Толстой-Юрт), Нового Юрта (Виноградное) и других правобережных мирных чеченских аулов, расположенных напротив казачьих станиц. Нигде не задерживаясь по дороге, быстро добравшись до Грозной, цесаревич Александр Николаевич осмотрел все местные достопримечательности, не оставив без должного внимания землянку основателя крепости известного генерала А.П. Ермолова. После чего, в этот же день под усиленной охраной выделенных воинских подразделений, в состав которых вошли 6 сотен гребенских, моздокских, донских казаков и 4 конных орудия линейной казачьей артиллерии, отправился в соседнее укрепление Воздвиженское, стоявшее на входе в мало контролируемое правительственными войсками Аргунское ущелье [11].

Во время завтрака 24 октября, около знаменитого ханкальского леса, на виду у маячивших вдали масс неприятельской конницы и одиноких всадников, открыто гарцевавших на западной стороне реки Аргун, были проведены показательные учебные стрельбы. В них важное место отводилось расчетам конно-казачьих орудий, которые с блеском справились с поставленной задачей, за что удостоились похвалы от наследника российского Императорского дома. Дальнейший путь на новую оборонительную Сунженскую линию был сопряжен с еще большими военными предосторожностями и дополнительным выставлением пехотных и артиллерийских частей вдоль всего следования растянувшегося кортежа. Армейские офицеры, много лет прослужившие на Северном Кавказе, прекрасно осознавали, что несмотря на данные разведки, доставленные хорошо оплачиваемыми лазутчиками и выставленными армейскими пикетами, чеченцы могли в самое короткое время собрать несколько сотен хорошо вооруженных пеших и конных воинов «из того населения, которое гнездилось в лесных трущобах верховьев (рек. — *О.Е.*) Гойты, Мартан, Рошня и Гехи». Так оно и случилось. Еще перед укреплением Урус-Мартан из лесных зарослей стали появляться одинокие всадники, а немного дальше уже отдельные конные группы «джигитуя и гича» стали открыто выезжать к почтовой дороге и затевать продолжительную перестрелку с передовыми казачьими разъездами [12].

26 октября на подходе к речке Рошня, в том месте, где густой лес отстоял от левой стороны проезжего тракта не более чем в полутора километрах, показалась значительная масса неприятельской кавалерии с явным намерением атаковать передовые колонны прикрытия следовавшего кортежа. Еще не успел прозвучать общий сигнал тревоги, как Великий князь Александр Николаевич, мгновенно пристегнув коня, на полном скаку понесся в сторону быстро приближавшихся горцев. Кавказский наместник генерал-адъютант князь М.С.Воронцов, ехавший по нездоровью в открытом экипаже, увидев подобную картину, пришел в неописуемый ужас и как в юношеские годы стремглав вскочил на ближайшую лошадь и устремился вслед за наследником российского престола. «Но вместо опасности он увидел торжество. Неприятель бежал, и только лежало тело убитого чеченца, да бегали несколько лошадей без седоков. Картечь из 2 орудий и шашки казаков нанесли такое поражение неприятельской толпе. Впрочем, и у нас, кроме двух ло-

шадей, оказались легко раненный казак и мирный чеченец» [13]. Здесь же, на рошнинской поляне главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом поздравил будущего самодержца с награждением орденом «Святого Георгия Победоносца» 4-й степени [14].

В указе капитулу российских и царских орденов, подписанном императором Николаем I, стычка на рошнинской поляне описана следующим образом: «Его Императорское Высочество, Государь Наследник Цесаревич, при обозрении Кавказа, следуя 26-го минувшего октября из крепости Воздвиженской в укрепление Ачхой, при авангарде прикрытия между реками Рошня и Валерик, приметил партию неприятеля, показавшуюся за левой цепью под Черными горами. Быстро и смело бросился туда Цесаревич на большое расстояние от дороги, через перелески, за цепь и настигнул неприятельскую партию на такое близкое расстояние, что чеченцы по нем выстрелили, и потом обратились в бегство, но были преследуемы казаками и мирными чеченцами, находившимися в авангарде. Это дело, в коем начальник неприятельской партии был убит, кончилось в трех верстах от дороги.

Получив подробное об этом донесение от Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, в присутствии которого сие происходило, Мы, удовлетворяя ходатайству генерал-адъютанта князя Воронцова, Всемилостивейше жалуем Его Императорское Высочество, Наследника Цесаревича кавалером ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Повелеваем Капитулу: снабдить Его Высочество орденским знаком при установленной грамоте. 10 ноября 1850 г.» [15].

Казалось бы, на этом скоротечном эпизоде, каких случалось немало в продолжение многолетней войны с северокавказскими горцами, можно было бы поставить жирную точку. Великий князь, наследник царского трона вместе со своей свитой без лишних осложнений и происшествий добрался до соседнего укрепления Ачхоевского, посетил создаваемую Сунженскую линию, где был восторженно встречен собранными частями правительственных войск. После чего отбыл через Назрановское укрепление в крепость Владикавказ, откуда заехал в города Георгиевск и

Ставрополь, сопровождаемый по всему маршруту льготными гвардейскими казаками [16], тем самым завершив свое познавательное турне по наиболее неспокойному региону российской державы. Вернувшись в Санкт-Петербург, Александр Николаевич вернулся к неотложным государственным делам, и вскоре заняв родительский престол, ознаменовал свое царствование хорошо известными прогрессивными буржуазно-демократическими реформами, выведшими Россию в число наиболее развитых стран мира, и продолжал свою плодотворную деятельность пока самодельные бомбы эмансипированных «гуманистов» трагически не оборвали его жизнь. Однако, ровно через четверть века после быстротечной стычки с немирными чеченцами на речке Рошня, эта история получила дальнейшее продолжение, открывая новые интересные подробности, не вошедшие в опубликованные заметки современников и очевидцев событий.

Летом 1875 г. российский император Александр II «изволил изъявить желание иметь следующие сведения: какие именно части войск принимали участие в означенном деле, кто именно начальствовал над ними и кто из отличившихся получил тогда награды». Были подняты сохранившиеся документы времен «Кавказской войны», и из приказа за №172 от 26 октября по Отдельному Кавказскому корпусу стало известно, что командующий войсками генерал-адъютант князь М.С.Воронцов «по власти ему представленной», за бой на речке Рошня наградил следующих отличившихся лиц. Так, «начальник конвойной команды Его Светлости есаул Горского казачьего полка Мансурадзев» был удостоен почетного ордена «Святого Владимира» 4-й степени с бантом. К ордену «Святой Анны» 3-й степени с бантом были представлены, «состоящий в той же команде Моздокского казачьего полка сотник Губжоков и бывший переводчик при начальнике левого фланга Кавказской линии милиции подпоручик Арцу Чермоев». А ордена «Святой Анны» 4-й степени с надписью «За храбрость» удостоились «помощник начальника почетной команды мусульман, состоявший при Главнокомандующем, числящийся по армейской кавалерии корнет Махмет–Хан-Бек-Гаджи-Ага-оглы и находивший-

ся при начальнике Владикавказского округа корнет Мальсаг Долгиев» [17]. Помимо офицерского состава были награждены и рядовые участники вооруженной стычки с немирными чеченцами. А именно, «возложены знаки отличия «Военного ордена» на наиболее отличившихся: служившего в конвое главнокомандующего казака Владикавказкого линейного казачьего полка Захария Столбовского под №85215, состоящего в почетной команде мусульман Наби-Ага-Ахунд-Мулла-Аджал-Верды-оглы под №294, жителя Старосунженской деревни Шебатуко Чуштурова под №292 и жителя Закан-Юртовской деревни Гамбулата Митяева под №293» [18].

Таким образом, путешествие, предпринятое наследником российского престола по Кавказским провинциям, нельзя отнести к обыкновенной развлекательной поездке знатного молодого человека. Останавливаясь в самых удаленных частях, все еще неспокойного края, будущий российский император Александр II знакомился с бытом, нравом и культурой многонационального населения. Посещая передовые военные объекты, растянувшиеся узкой полоской вдоль враждебных горских народов, он полностью окунался в мир ежедневных опасностей и военных невзгод. Это позволило цесаревичу лучше узнать ежедневные нужды, тягости и заботы не только армейских подразделений Отдельного Кавказского корпуса, но и жителей северокавказских казачьих станиц, стоявших на круглосуточной охране протяженных кордонных линий и формирующих из свой среды несколько кавалерийских иррегулярных полков 6-сотенного состава.

Вместе с тем, обнаруженные нами архивные документы в очередной раз позволяют утверждать, что не было стопроцентного противостояния горских народов Северно-Восточного Кавказа правительственным частям. Более того, многие из них принимали самое активное участие в военных действиях в составе различных воинских подразделений, и в случае отличий, немедленно поощрялись высокими государственными наградами, что приближало наступление неизбежного мира и вело к мощным интеграционным процессам на отдаленной окраине России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цесаревич Александр Николаевич на Кавказе с 12 сентября по 28 октября 1850 года (Памяти Государя Императора Александра Николаевича). Из записок М.Я. Ольшевского // Русская старина. — СПб., 1884. Т. XLIII. — Вып. 9. — С. 577.
2. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. — СПб., 1893. Т. LXXXI. — Вып. 1. — С. 157–158, 160.
3. Лавров А.Н. Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Великого князя Алексея Александровича полка. 1700–1900. — Тифлис, 1900. — С. 96–97; Хронологический указатель военных действий Русской армии и флота. 1825–1854. В 5 т. — СПб., 1911. Т. III. — С. 37 и др.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14719. Оп. 2. Д. 162. Л. 8.
5. Эсадзе Б.С. Памятка гребенца. Очерк многовековой доблестной службы престолу и Отечеству. — Петроград, 1916. — С. 93–94.
6. Цесаревич Александр... — С. 582.
7. Там же.
8. Ольшевский М.Я. Указ. соч. Т. LXXIX. — Вып. 7. — С. 94.
9. Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. — СПб., 1899. — С. 132.
10. Цесаревич Александр... — С. 583–584.
11. Ольшевский М.Я. Указ. соч. Т. LXXXI. Вып. 1. — С. 168–170.
12. Цесаревич Александр... — С. 585.
13. Там же. — С. 586.
14. Лацинский А.С. Хронология русской военной истории. Хронологический указатель войн, сражений и дел, в которых участвовали русские войска от Петра I до новейшего времени. — СПб., 1891. — С. 100; Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск / под ред. генерал-майора В.А. Потто. — Тифлис, 1901. — С. 95.
15. Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. — С. 95.
16. Петин С. Указ. соч. — С. 133.
17. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО – А). Ф. 53. Оп. 1. Д. 949. Л. 1–2 об.
18. Там же. Л. 2 об. 3.

Т. И. Кузнецов (г. Владикавказ)

Г.А. КАЛОЕВ — ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Война потребовала от народа величайшего напряжения сил и огромных жертв в общенациональном масштабе, раскрыла стойкость и мужество советского человека, способность к самопожертвованию во имя свободы и независимости Родины. В годы войны героизм стал массовым, стал нормой поведения советских людей. Многие герои не дожили до наших дней.

Одним из немногих моздокчан, получивших звание Героя Советского Союза, был Георгий Александрович Калоев. Он родился 7 ноября 1916 года в селе Весёлом Моздокского района в семье крестьянина. Ему было всего два года, когда умерли от тифа его родители. Воспитывался мальчик у старшей сестры Раисы Алексеевны, а затем во Владикавказском детдоме. С ранних лет Георгий Александрович стремился к знаниям, учился упорно и настойчиво в Весёловской средней школе, затем в техникуме. В 1938 году Георгий поступает в Северо-Осетинский педагогический институт и в том же году становится курсантом Орджоникидзевского пехотного училища, которое окончил в начале 1940 года.

Молодого лейтенанта назначают командиром взвода курсантов в Буйнакское пехотное училище. С высокими теоретическими знаниями и упорством он обучает курсантов науке побеждать. К июню 1941 года Калоев был уже начальником учебной части курсантского батальона [1].

В первый же день войны старший лейтенант Калоев просил командование училища направить его на фронт. Но только в 1942 году, в дни боёв на Северном Кавказе, он добился своего. В сентябре его назначают командиром разведывательной группы, которая была выброшена в тыл фашистов в район г. Моздока. Разведчики Калоева успешно выполняли боевые задачи, провели ряд диверсионных актов, передавали командованию Закавказского фронта

ценные сведения о расположении вражеских сил, о боевой технике и оружии, о планах фашистов. За это Г.А. Калоев был награждён медалью «За отвагу». Ему досрочно присвоили воинское звание капитана, и он был назначен командиром роты отдельного парашютно-десантного полка особого назначения. В составе этого полка капитан Калоев участвует в высадке десанта под Новороссийском, в захвате плацдарма, получившего затем название «Малая Земля». В ожесточённых боях на этом плацдарме десантники Калоева показали чудеса героизма и отваги. Фашисты непрерывно атаковали десантников. Девять дней рота Калоева отбивала атаки гитлеровцев, удерживала плацдарм и обеспечивала высадку главных сил полка, дивизии, а затем и 18-й армии. Калоев был ранен, но поле боя никто не покинул, пока не была выполнена боевая задача. О подвигах роты Калоева в те дни рассказывали газеты 18-й армии в статье: «Сражайтесь, как десантники Калоева» [2]. За боевые подвиги на Малой земле Калоев был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Вернувшись в боевой строй, Г.А. Калоев назначается командиром воздушно-десантного батальона в 100-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая сражалась на Карельском фронте. Летом 44-го года батальон Калоева бил фашистов в лесах Карелии, участвуя в освобождении Карельска, Самбагукса, Пуску-Сельга. Освобождая Венгрию, батальон Калоева громит фашистов в боях за Веспрем, Девечер, Сомбатхей и другие. Особенно отличился моздокчанин в ходе боёв на территории Австрии. Х.Л. Харазия пишет: «Большой успех выпал на долю 3-го батальона 301-го гвардейского стрелкового полка под командование майора Г.А. Калоева. При взятии города Трайскирхен его воинами был захвачен авиаремонтный завод, где находились уже приготовленные для отправки на фронт двадцать истребителей. В тот же день западнее Трайскирхена этот батальон освободил лагерь военнопленных, в котором оказалось 4 тысячи узников фашизма самых разных национальностей, в том числе много французов» [3].

В боях за освобождение Вены его батальон уничтожил до шестисот солдат и офицеров противника, штурмом овладел железно-

дорожной станцией, захватил эшелоны с боевой техникой и боеприпасами. Бойцы Калоева внезапным ударом захватили мост через Дунай и обеспечили полное освобождение Вены. Его подвиги в битвах за Вену Родина высоко оценила, удостоив его звания Героя Советского Союза [4].

Большой интерес представляет аттестация на Г.А. Калоева, написанная 13 апреля и подписанная командиром 301-го стрелкового полка гвардии подполковником П.Ф. Малеевым: «Калоев Г. А. в боях за взятие Вены показал себя смелым, решительным, грамотным командиром. В любой обстановке принимал быстрые и правильные решения. Имея большой опыт войны, умело командовал боем батальона, правильно организовывал взаимодействие огневых средств и техники, всегда проявлял инициативу и настойчивость в выполнении боевых заданий. Хорошо зная тактику противника и правильно оценивая обстановку, товарищ Калоев в боях принимал смелые решения, искусно маневрировал подразделениями, обманывал противника, сочетая фронтовые действия с обходом и обхватом, окружал и уничтожал врага, добиваясь победы малыми силами, с минимальными потерями» [5]. Батальон Калоева до 11 мая 1945 года продолжал бои с гитлеровцами, которые оказывали сопротивление нашим войскам и стремились уйти на запад, чтобы сдаться войскам США. Этим закончился боевой путь Г.А. Калоева, начатый осенью 1942 года под родным Моздоком.

После войны продолжал службу в Воздушно-десантных войсках командиром полка, заместителем командира дивизии.

В 1973 году полковник Калоев вышел в запас и переехал в г. Орджоникидзе. Работал в народном хозяйстве Северной Осетии, активно участвовал в общественно-политической жизни. Многие годы, будучи председателем республиканского Совета ветеранов войны и труда, участвовал в оборонно-массовой работе, в военно-патриотическом и интернациональном воспитании молодёжи, подготовке её к военной службе [6].

За ратные и трудовые заслуги Калоев был награждён орденом Ленина, орденами Красной Звезды, «Знак Почёта», 16 медалями, в том числе «За оборону Кавказа», «За взятие Вены».

Георгий Александрович Калоев умер 22 апреля 1987 года. Он был похоронен на Аллее Славы. Проходят годы, но не забывают его земляки. В селе Весёлом одна из улиц носит его имя, также улица с его именем присутствует в Моздоке. Имя Георгия Александровича Калоева было присвоено Весёловской средней школе. В его честь проводятся турниры по вольной борьбе и шахматам [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Худалов Т. Герой из «крылатой» пехоты // Социалистическая Осетия. — 1986. — 6 ноября.
2. Запоев Ю. Кавалер золотой звезды: память // Моздокский вестник. — 2011. — 22 ноября.
3. Запоев Ю. «Дорогами мужества» // Ленинская правда. — 1984. — 15 дек.
4. Гиоев М. Р. Раздумья. — Владикавказ, 1991. — С. 172–179.
5. Абаев М. Верность долгу // Ленинская правда. — 1986. — 6 ноября.
6. Бетоева М. Д. Дорогами мужества: кн. 1. — Владикавказ, 2004. — С. 110–112.
7. Тагуров В. Дорогами мужества и славы // Моздокский вестник. — 1995. — 19 авг.

О.К. Харченко (г. Армавир)

ШТРИХИ БИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛА ФОН ЗАССА И ЕГО РОЛЬ В СУДЬБЕ ЧЕРКЕСО-ГАЕВ

В архивном отделе администрации муниципального образования города Армавира хранится фотокопия документов Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе от 20 марта 1912 года, в котором говорится, что во времена завоевания Кавказа, в одну из экспедиций в горы среди магометанских аулов, российский отряд встретил поселение горцев — христиан, армяно-григорианского исповедания; «по соглашению с начальником нашего отряда, они были выведены из гор и поселены аулом на левом берегу реки Кубани, против станицы Прочноокопской... аул был назван Армяно-Армавирским...» [1].

Своим появлением Армавир обязан Г.Х. Зассу, по приказанию которого майором Венеровским были приведены черкесские армяне (черкесо-гаи), ставшие первопоселенцами пока ещё безымянного аула, позже получившего имя Армавир [2].

Григорий Христофорович Засс родился 29 апреля 1797 года. Он происходил из вестфальского баронского рода Засс. В XV веке его предки переселились в Прибалтику. В 1813 году поступил на службу юнкером в Гродненский гусарский полк Императорской армии России и в том же году в ходе Наполеоновских войн отличился в битве под Лейпцигом и сражениях под Дрезденом и Кульмом. По окончании войны он был зачислен в Псковский кирасирский полк, дислоцированный в Сувалках. В 1820 году он был переведен в Нижегородский драгунский полк. В начале 1822 года Засс принял участие в походе в Джарскую область Кахетии. В 1826 году он покидает кавалерию и поступает на службу в 43-й егерский полк, а затем переходит в Навагинский пехотный полк и принимает участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Г.Х. Засс принял активное участие в Кавказской войне. В 1830-м году император Николай I предписал: «усмирить навсегда горские народы...» Назначенный в том же году командиром Моздокского казачьего полка Засс принимал участие в экспедициях против горцев Восточного Кавказа и прошел почти всю Чечню и часть Дагестана. В 1833 году, будучи в чине полковника, Г.Х. Засс командовал Моздокским полком на Терской Линии, где проявил во время походов в Чечню и Дагестан свои незаурядные свойства: колоссальную личную храбрость, решительность и неустрашимость характера. Ориентируясь именно на них, генерал-лейтенант Вельяминов назначил инициативного и деятельного офицера Г.Х. Засса начальником Баталпашинского кордонного участка, по праву считавшегося самой опасной частью всей системы обороны России в Пятигорье и на Кубани. Притом Вельяминов предоставил новому начальнику исключительное право — для обеспечения пограничной Линии от набегов горцев и иных враждебных вылазок — действовать по личному усмотрению, без особого предварительного разрешения начальника Кубанской Линии.

Первым этапом основания новой Лабинской линии было строительство Зассовского укрепления и создание охраняемых, постоянных путей сообщения между нею и Кубанской линией [3]. В результате целого ряда организованных, административных и военных мер Г.Х. Засс добился решительных успехов в наведении относительного спокойствия на вверенном ему участке Линии. Прежде всего, он за короткое время отучил горцев от вторжений через Линии значительными партиями, большие их отряды собирались редко. О них Засс всегда заблаговременно узнавал от лазутчиков, и тогда, предупреждая нападение противника, сам пересекал границу и нападал на него, нанося поражение, если только тот заранее не отступал. Жители станиц, огражденные от внезапных вторжений, начали без страха заниматься полевыми работами, ездить по Линии во всякое время дня и ночи.

Переселение черкесских армян на русские земли не было случайным явлением. В горах Черкесии с давних времен проживало армянское население. В начале XIX столетия Россия более активно приступила к расширению своих восточных границ и к прочному овладению Кавказом. Турция широко использовала ислам для

разжигания межконфессиональных противоречий. Чтобы навсегда оградить армян-христиан от черкесских набегов, командующий Кубанской военной линией генерал Засс в 1839 году переселяет хатукаевских армян на место нынешнего Армавира [4].

Засс совершил еще несколько закубанских экспедиций. В них все четче и четче вырисовывалась избранная им тактика. Как правило, получив от своих лазутчиков сведения о готовящемся набеге того или иного вражеского отряда, он первым нападал на него, часто не давая горцам возможности даже собраться в условленном месте. Нанеся ошеломленному противнику поражение, Засс обычно сжигал для острастки несколько аулов, захватывал скот и лошадей и так же стремительно уходил на русский берег Кубани. Эта тактика была близка к тактике самих горцев и оказалась весьма эффективной. Очень скоро Баталпашинский отряд из защищающегося превратился в нападающий.

Во время набегов Засс никогда не забывал о задачах разведки и тщательно исследовал все лесистые балки, которые могли служить укрытием неприятелю. Другая показательная деталь: в своих реляциях он педантично перечислял по именам знатных горцев, убитых в бою или взятых в плен. Все это говорит о том, что русский военачальник прекрасно ориентировался в обстановке и знал противника буквально в лицо.

Выдержав проверку в самой «горячей точке», полковник Засс в 1835 году был назначен начальником всей Кубанской Линии. Он переехал жить в крепость Прочный Окоп (крупнейшую на этом отрезке кубанских берегов), где его резиденция и пребывала до конца кавказской службы военачальника. При этом барон заблаговременно и весьма тщательно составил план «для ограждения и успокоения» очень значительной части Линии и Прочноокопского кордона от станицы Николаевской до границ Черноморского войска. Прежде всего, он сконцентрировал достаточно войск, удачно разместив их и дав строгие, ясные инструкции по первоочередным действиям.

В 1840 году Засс занял пост начальника правого фланга Кавказской линии. Замыслы Засса, однако, простирались еще дальше.

Он разработал план укрепления левого берега реки Белой, создания мощных опорных пунктов для русской армии. «Полагаю, что отряды должны неослабно воевать земли неприятеля, как в продолжении постройки крепостей, так и после, до тех пор, пока он не будет прочно покорен», — писал он в одном из своих донесений. Но занимавший с 1838 года пост командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории П.Х. Граббе не поддержал планов Засса, что привело к конфликту между ними. Вообще Граббе был склонен недооценивать противника. Например, Шамиля он искренне считал всего лишь «безродным бродягой, голова которого не стоит и ста червонцев», поэтому предпринимаемые Зассом меры казались ему совершенно излишними. Тем не менее, Зассу удалось создать сильную кордонную линию на Лабе, а наиболее упорных в сопротивлении горцев переселить из высокогорных аулов на равнины. Он также содействовал привлечению в эти районы мирных поселенцев, надеясь, что под их воздействием горцы утратят воинственность и перейдут к более спокойным занятиям.

Таким образом, можно констатировать, что российское военное командование проявило большую заботу о своих единоверцах, защитив их в период Кавказской войны. Причем Российские военные власти и лично генерал Засс принимали самое непосредственное участие в решении различных вопросов жизни и быта черкесо-гаев. В 1842 году Засс оставил службу на Кавказе, а затем и вовсе вышел в отставку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Архивный отдел администрации города Армавира. Ф.Р–1271. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.
2. См.: Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839 –1918 гг.). — Армавир, 2002. — С. 50.
3. Троицкий В. Григорий Христофорович Засс — основатель Армавира и Лабинской линии. — Краснодар, 2011. — С. 36.
4. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. — Ереван, 1981. — С. 29.

Л.Н. Хлудова (г. Армавир)

РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ, ИХ ГЕРОИ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ: ЖИВОПИСНЫЕ СЮЖЕТЫ

История вхождения Северного Кавказа в состав России неразрывно связана с процессами культурного взаимовоздействия, в которых большую роль сыграли как литературные, так и изобразительные произведения российских авторов, открывающие для читателя и зрителя мир Кавказа и его обитателей в художественных образах. В истории создания некоторых из них сплетаются судьбы вымышленных героев и реальных участников событий XIX в.

Пока имя Лермонтова было не слишком известно широкому читателю, слово «Кавказ» публика ассоциировала с именем А. Бестужева-Марлинского. Он принадлежал к тем художникам слова, в чьих произведениях взгляд на противников по оружию отличается уважением и признанием свободолюбия, отчаянной храбрости и воинской доблести черкесов.

Наиболее известен портрет писателя, помещенный уже после его смерти в издании А.Смирдина «Сто русских литераторов» (СПб., 1839–1845 гг.), где поэт изображен в кавказской бурке. Для «Ста русских литераторов» Смирдин выбрал оставшуюся незавершенной «кавказскую» повесть Бестужева-Марлинского «Мулла Нур». Издатель приложил портрет автора с выгравированной под ним подписью (facsimile) «Александр Бестужев». Этот портрет, а вернее, копию с автопортрета, дала издателю старшая сестра Бестужева Елена, сама пририсовав к нему кавказскую бурку, в чем был намек на солдатчину брата. Утверждают, что портрет декабриста принес императору великий князь Михаил Павлович, которого особенно возмутило, что государственный преступник оказался удостоен изображения наравне с другим автором «Ста русских литераторов» — придворным историографом генерал-лейтенантом А.И. Михайловским-Данилевским. Как выразился великий князь,

А.А. Бестужев-Марлинский. Автор Н.А. Бестужев. Акварель. 1839 г.

«вместе с генералом поместили и бунтовщика». Николай I высказался еще более определенно: «Его развесили везде, а он хотел нас перевешать». Следствием монаршего гнева явилось грозное предписание изъять портреты Бестужева из всех непроданных экземпляров сборника [1].

На другой известной акварели Н. Бестужева писатель изображен в белой рубахе с темный шейным платком, галстук бантом, светлыми кожаными помочами. Волосы зачесаны на косой пробор, усы. Портрет исполнен Н.А. Бестужевым, вероятно, в 1828 г., по памяти. В 1869 г. был подарен М.А. Бестужевым М.И. Семевскому. 16 июня 1828 г. А.А. Бестужев писал братьям в Читу из Якутска: «Видел портрет, нарисованный тобою, почтенный Николай, и толпа воспоминаний наполнила сердце. Если можно, сделай мой: усы вниз и без бакенбарт» [2].

Характеризуя образ Бестужева-Марлинского на Кавказе, отметим, что поэт разительно изменился здесь, попав из холодной северной столицы в Сибирь, а затем в пламя партизанской кавказской войны. Если петербургская жизнь гвардейца и литератора ограничивалась казармой, балами, светским волокитством и разговорами о будущем России, на Кавказе ежедневно приходилось принимать ответственные решения и нередко рисковать жизнью.

**А.А. Бестужев-Марлинский.
Автор Н.А. Бестужев.
Акварель. 1828 г.**

Претерпевал изменения и внешний вид ссыльных на Кавказ декабристов. Так, например, уже в лермонтовском очерке «Кавказец» (1841 г.) был выведен обобщенный типаж такого кавказского офицера, «представителя определенного социального разряда людей», обрисован с натуры его быт, а также представлена психологическая эволюция этого «чернорабочего войны». В частности, широкое распространение получили среди офицеров кавказские бурки. По мнению Лермонтова, «кавказцам» присуще было «сильное предубеждение против шинели в пользу бурки; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего!» [3]

Для кубанских исследователей особый интерес представляет эпистолярное наследие писателя, где ведется рассказ об особенностях военной службы в Черномории. В нескольких произведениях Бестужева действие происходит на кубанской земле, в частности, в повестях «Аммалат-бек», «Он был убит». В последней автор использует форму записок для рассказа о реальных фактах и событиях собственной жизни в период первого похода с А.А. Вельяминовым к Черноморскому побережью через Ольгинское и Абинское укрепления [4].

С выходом в свет произведений М.Ю. Лермонтова тема Кавказа получила новое освещение в отечественной литературе. А персо-

нажи романа «Герой нашего времени» оказались тесно связаны с событиями кубанской истории посредством своих прототипов. Хорошо известные со школьной скамьи герои предстают перед нами в новом свете, когда рядом с литературными портретами появляются изображения тех реально существовавших людей, которые, по общепринятому мнению литературоведов, послужили их прототипами.

Как и для А.С.Пушкина, кубанская земля для Лермонтова стала этапом в его следовании к месту службы. Прямое знакомство М.Ю. Лермонтова с кубанским краем, с его привольными степями, станицами и хуторами, раскинувшимися по берегам рек, сторожевыми постами и крепостями вдоль кордонной линии, дало возможность ему создать знаменитую повесть «Тамань», вплести выразительные сцены и описания в ряд других произведений. Известно, что в «Тамани» Лермонтов изобразил реальных лиц, подлинные события. Единственный названный в ней по имени герой — контрабандист Янко — тоже имел своего прототипа.

По мнению специалистов, им вполне мог стать есаул Азовской флотилии Яков Барахович. С портрета Бараховича, сделанного художником Г. Гагариным в 1837 г. в Геленджике, на нас смотрит молодой офицер — кудрявый, с правильными чертами лица, в парадной форме с эполетами и аксельбантами. На первый взгляд, фигура в отечественной истории достаточно заурядная. Как и многие из азовских казаков, некоторое время он жил за Дунаем среди турок. Вернулся после 1828 г. на родину, и как смелый и искусный моряк был назначен в конце 30-х гг. в Азовскую флотилию для борьбы с турецкими контрабандистами. Начал службу рядовым казаком, впоследствии дослужился до полковника. Но при этом сам нередко участвовал в незаконных операциях, завоевав известность на побережье. По воспоминаниям Г.И. Филипсона (офицера Генерального штаба) Барахович, «как потом оказалось... занимался между прочим морским разбоем» [5]. Этот факт биографии вполне мог обратить на себя внимание М.Ю. Лермонтова при создании образа контрабандиста, который в романе предстает в «татарской шапке, но острижен... по-казацки». В пользу этой версии говорит и то обсто-

**Яков Барахович.
Г.Г. Гагарин.
Рисунок. 1837 г.**

ятельство, что рисунок выполнен Г. Гагариным в год поездки поэта на Тамань, а известно, что их связывало творческое содружество, и интерес обоих к личности одного и того же человека неслучаен.

О прототипе другого героя — доктора Вернера — можно говорить наверняка. Портрет доктора дан в романе исключительно подробно, с исчерпывающей характеристикой внешности и душевных качеств, так, что современники просто не могли не узнать в нем знакомца поэта — доктора И.В. Майера. В романе дана не слишком лестная характеристика внешности этого героя, но описаны его примечательные душевные качества: известный скептицизм, довольно «злой язык», в сочетании с глубокой порядочностью, благородством, преданностью друзьям. Портрет Н.В. Майера (по некоторым предположениям, автопортрет) помещен в нескольких посвященных М.Ю. Лермонтову изданиях [6]. Г.И. Филипсон описывал внешность своего хорошего приятеля, доктора Майера так: «Небольшого роста, с огромной угловатой головой, на которой волосы стриг под гребенку, с чертами лица неправильными, худощавый и хромой...» [7]. Конечно, портрет молодого, не слишком красивого, человека в сюртуке, серьезного и несколько печального, с умными и добрыми глазами, ничего не скажет (а, скорее, подчеркнуто контрастирует) о тех замечательных человеческих качествах, профессиональных достоинствах, которыми обладал Н.В. Майер. Тот же Филипсон отмечает его ум, преданность друзьям, и в то же время несколько неровный и вспыльчивый характер [8]. Достаточно высоко отзывался о нем обычно сдержанный в оценках генерал А.А.Вельяминов: «Лекарь Майер во все время нахождения его на службе никогда не был замечен невнимательным к исполнению врачебного долга... Мне лично известно, что лекарь Майер, исполняя с отличным усердием обязанности медика, отличался при сем совершенным бескорыстием» [9]. Основная деятельность Н.В. Майера в качестве статского врача при Вельяминове протекала в Ставрополе и на КавМинводах, где с ним и познакомился М.Ю. Лермонтов. Но имеется и кубанский след в биографии доктора. С 1838 г. он «перешел на службу к генералу Н.Н. Раевскому-младшему, командующему войсками черноморского побережья» [10]. Выполнял он и обязанности главного кордонного врача, «отвечающего, в частности, и за санитарно-гигиеническое состояние пограничных основных госпиталей Кубанской линии, которых тогда было три — в казачьей станице Прочноокопской, в городах Екатеринодаре и Тамани — Фанагории» [11]. Нередки были визиты доктора в крепость Прочный Окоп и соседнюю станицу, где Майер заводит дружбу с декабристами. Известно и о взаимном расположении доктора и генерала Г.Х. Засса, располагавшегося в той же крепости.

Очевидно, что душевная красота и благородство, увиденные и оцененные современниками и отраженные Лермонтовым в образе литературного героя, стали лучшей характеристикой человека, нежели его портрет. Но справедливости ради надо отметить, что сам Майер был далеко не в восторге от «своего» персонажа, и неодобрительно отзывался о поэте и его таланте.

Нередко установление исторической истины происходит после длительного периода ошибок и заблуждений, с появлением новых сведений из ранее непривлекавшихся источников. Так, например, произошло в случае с установлением национальности известного северокавказского писателя-просветителя Султана Казы-Гирея. И не последнюю роль в этом процессе сыграл известный портрет Казы-Гирея работы Г.Г. Гагарина.

**Н.В. Майер.
Автопортрет.
Рисунок. 1830-е годы.**

Автор опубликованных в журнале «Современник» повести «Долина Ажитугай» и очерка «Персидский анекдот» «черкес» Казы-Гирей с подачи Пушкина долгое время именовался в литературе адыгским писателем [12]. Более точно установить его этнические корни, место в историко-культурных реалиях Кубани 20–40-х г. XIX в. позволили работы Р.Х. Керейтова и В. Б. Виноградова [13]. Р.Х. Керейтов приводит многочисленные примеры принадлежности султана к ногайской верхушке и его прямой включенности во взаимоотношения закубанских ногайцев с российской администрацией. Источник 1824 г. сообщает, что «прибыли ногайские султаны и мурзы, во главе которых стояли Саламат-Гирей и Казы-Гирей, они изъявили покорность без всяких условий и Коцарев поселил их на Кубани от впадения Малого Зеленчука до Урупа, замыкая, таким образом, весь промежуток между поселениями Эдиге Мансурова и Измаила Алиева» [14]. Другой приводимый Керейтовым документ прямо связывает название повести «Ажитугай» с аулом ногайцев в урочище Ажи-Тогай, принадлежавшим Казы-Гирею. Подтверждает эту версию и обилие ногайских (тюркских) топонимов в произведениях писателя, легко переводимых им на русский язык и толкуемых [15].

Выводы ногайского этнографа, на наш взгляд, убедительно дополняет анализ рисунка Г.Г. Гагарина, изображающий Султана Казы-Гирея в форме российского офицера. Мы с В. Б. Виноградовым обратили внимание на характерные монголоидные черты лица позирующего кавказца — плосковатое скуластое лицо с заметно приплюснутым носом, небольшую припухлость век и раскосость глаз. Т.е. на портрете Султан Казы-Гирей выглядит скорее как ногаец, нежели как адыг [16]. Таким образом, изображение человека стало для нас дополнительным источником ценной информации, позволившей установить истину.

Для кубанской истории личность писателя примечательна в нескольких отношениях. Он принадлежал к плеяде тех северокавказских просветителей, чья деятельность была направлена на сближение с Россией, ее культурой, и в этом видели они продвижение своего народа на пути к прогрессу. Автор монографии, посвященной писателю, Т. Х. Кумыков, писал о предложениях, которые сделал Казы-Гирей, будучи офицером российской армии, в «Записках», представленных наместнику Кавказа М.С. Воронцову. По мнению Кумыкова, его «предложения и идеи были направлены на подъем общего уровня соотечественников, на дальнейшее развитие края по пути прогресса...» [17].

Среди них — идея разработки местных природных богатств с целью вовлечения народного хозяйства в общероссийскую экономическую жизнь, «развитие торговли на Кубани при основании на левом берегу Лабы особого аула, игравшего роль экономического, политического и культурного центра [18]. Прочный Окоп и Казы-Гирей — особая тема для исследования, связанная с контактами писателя с представителями российской интеллигенции, общественными деятелями, армейскими и казачьими офицерами. Поднималась она на страницах сборника «Прочноокопский историко-культурный многоугольник» [19]. Традиционные границы владений Казы-Гирея, с учетом открытия Керейтова, устанавливаются по р. Уруп, в непосредственной близости от крепости. Именно в ней могла состояться встреча писателя и художника Г.Г. Гагарина, итогом которой стал вышеописанный портрет. Вполне объяс-

Султан Казы-Гирей.
Автор: Г.Г. Гагарин.
Рисунок. 1840-е годы.

ним интерес художника к личности человека, в ком так причудливо сплелись национальность и подданство, литературный талант и воинская доблесть. Султан Казы-Гирей более 37 лет прослужил в российской армии, в том числе и на Кавказе, был удостоен орденов и именного оружия. Одно время командовал созданной для несения кордонной службы на Северном Кавказе Ногайской милицией. А в середине 1840-х гг. командовал 2-м Кубанским полком линейного казачества, чей штаб размещался в ст. Прочноокопской. Судьба писателя — настоящий пример содружества двух наций, двух культур, который складывался в непростых и порою трагических условия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Венгеров А. Из истории российских издательств и изданий. «Сто русских литераторов» (1839–1845). Электронный ресурс: http: // www.compuart.ru/article.aspx?id=22492&iid=1031
2. Семевский М.И. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма к родным 1827–1829 г. // Русский вестник. — 1870. Т. 87. V. — С. 236
3. Лермонтов М.Ю. Кавказец. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. — М.: Изд-во «Правда». 1969. — С. 337.
4. История Кубани в русской художественной литературе. Хрестоматия. — Армавир, 1996. Часть 1. — С. 105.

5. Виноградов В.Б., Чернова Л.Н. История Кубани в отечественном и зарубежном изобразительном искусстве (досоветский период). — Армавир, 1995. — С. 19–20.
6. По лермонтовским местам: Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и его пригороды. Кавказ. — М., 1989. — С. 196.
7. Филипсон Г.И. Воспоминания. — М., 1885. — С. 107.
8. Там же.
9. Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. — Ставрополь, 1974. — С. 101.
10. Там же. — С. 96–107.
11. Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. — Армавир, 1994. — С. 74.
12. Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. Избранные произведения. — Краснодар, 1986. — С. 35.
13. Керейтов Р.Х. Из истории общественной мысли Северного Кавказа в XIX в. // Археология и краеведение — вузу и школе: Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции. — Грозный, 1985; Он же. Султан Казы-Гирей и его жизнь // Половецкая луна. — Черкесск,1991. — №1; Он же. Новое о Казы-Гирее // Вопросы археологии и традиционной этнографии в Карачаево-Черкесии. — Черкесск, 1988; Виноградов В.Б. Указ. соч. — С. 50–51.
14. Керейтов Р.Х. Из истории... — С. 67.
15. Виноградов В.Б. Указ. соч. — С. 50.
16. Виноградов В.Б., Чернова Л.Н. Указ. соч. — С. 20.
17. Керейтов Р.Х. Новое о Казы-Гирее... — С. 76.
18. Кумыков Т.Х. Казы-Гирей. — Нальчик, 1978. — С. 16–19.
19. Чернова Л.Н. Ногайский просветитель Султан Казы-Гирей и прочный Окоп // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции. — Армавир, 1994.
20. Телепень С.В., Виноградов В.Б. Заметки о казаках-линейцах. К 200-летию Старой Станицы — Прочноокопской. — Армавир, 1994. — С. 10–11.

Н.Н. Шульга (г. Армавир)

НЕСУЩИЕ СВЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ НАРОДАМ КАВКАЗА

Появление Российской империи во многом изменило обстановку в северокавказском регионе. К первой половине XIX века создается ресурсно-правовая база, на основе которой можно было обучать представителей народов Северного Кавказа. В первую очередь следует отметить строительство инфраструктуры в регионе, что облегчало жизнь, как местных народов, так и представителей российской власти. Детям кавказских аристократов разрешается получать образование в самых лучших, в первую очередь военных, учебных заведениях наравне с детьми российских дворян.

Это позволило кавказцам гармонично включаться в российский бюрократический аппарат. Но самое главное, что военное образование способствовало успешной карьере в армии, тем более что военная служба для северокавказских народов была очень почетна.

На Кавказе существовали и свои специальные учебные заведения, которые давали начальные знания, например, медресе, но они не могли стать фундаментом для кавказского просветителя. Выход был найден в получении образования в российских учебных заведениях.

Но были и те, кто видел свою дальнейшую деятельность не в военной службе, а в просвещении своего народа.

Постепенно бывшие военные возвращались домой, и начинали просвещать свой народ.

Одним из первых адыгских просветителей был Ш. Б. Ногмов, служивший в Лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне [1]. После отставки Ш. Б. Ногмов выполнял всевозможные поручения военной администрации, так как зарекомендовал себя как ответственного и добросовестного человека. Он был сторонником сближения адыгского народа с Российской империей, которая давала возможность развития его народа [2]. Военное образование спо-

собствовало дальнейшему становлению взглядов Ногмова и стало серьезным помощником в дальнейшем его творчестве.

Он внес большой вклад в развитие просвещения среди адыгов, интересы просветителя касались в первую очередь сбора фольклорных и исторических произведений адыгского народа. Общественный деятель, филолог, историк и поэт, он является автором первой азбуки и грамматики кабардинского языка [3]. Большой интерес представляет одна из его работ «История адыхейского народа» [4]. В ней он пишет, что союз с Россией был жизненно необходим его народу, так как в одиночку адыги не смогли бы противостоять своим внешним врагам в лице Османской империи и ее вассала Крымского ханства [5]. По ходу изложения текста прослеживается преемственность политики кабардинских князей по отношению и Российскому государству с момента заключения союзного договора с правительством Ивана Грозного [6].

Первый просветитель чеченского народа Умалат Лаудаев был воспитанником Петербургского Второго Кадетского корпуса [7].

Лаудаев в своем творчестве отводил России другую роль в отличие от взглядов Ш. Б. Ногмова. В работе «Чеченское племя» он раскрывает суть сотрудничества чеченцев и рос сийского правительства. Эти отношения не сводились только к военному союзу, а характеризовались на продолжении долгого времени взаимовыгодным мирным общением. Это способствовало сближению и социально-экономическому развитию Чечни уже в составе Российской империи [8].

Видный просветитель конца XVIII – первой трети XIX века осетинского происхождения Ялгузидзе (Габараев) Иван Георгиевич видел в присоединении Осетии к России залог стабильного развития своего народа. О его приверженности к российскому правительству говорит служба при русском военно-гражданском начальстве. Получив образование в грузинских учебных заведениях, он хорошо разбирался в обстановке внутри Грузии и отмечал, что ее присоединение к России — это большой успех на пути к всестороннему развитию грузинского народа, которому теперь не угрожал разорением Восток [9].

Дагестанский просветитель Александр Касимович Казем-бек является сторонником российской политики на Кавказе и вносит большой вклад в развитие тюркологии и востоковедения в целом, работая в российских университетах. В 1821 году он принимает христианство, что еще больше способствует сближению его с русской культурой. Он предлагает свои услуги в подробном изучении Туркестана, который входил в сферу интересов России [10].

Известный дагестанский мыслитель Магомед Хандиев, сравнивая положение своего народа во времена Шамиля и во время управления Дагестаном русскими, отмечает, что намного стабильнее жизнь дагестанцев является именно при русской администрации. Потеряв возможность совершать набеги на соседние территории, горцы стали заниматься ремеслами и торговлей, что способствовало их дальнейшему развитию. А власть Шамиля вызывала нестабильную обстановку в регионе [11].

Более того, в XIX веке в Дагестане появляется русскоязычная интеллигенция, на которую большое влияние оказала русская культура. Именно эти люди первыми осознали важность присоединения Дагестана к Российской империи, так как был открыт доступ для получения образования европейского образца, до этого вообще недоступного [12].

Таким образом, появление России на Северном Кавказе способствовало развитию данного региона. Появляются национальные просветители, а затем и ученые. В большинстве своем это были люди с военным образованием, вышедшие в отставку и посвятившие свою жизнь развитию национальной культуры. Были просветители, которые получили и обычное образование, но всех их объединяла общая идея о том, что тесное сотрудничество с российским правительством позволит многим народам обратить внимание на свою национальную культуру, так как раньше приходилось постоянно думать об отражении нападений извне. Получая образование в российских учебных заведениях, горцам открывался другой мир, обладавший более разносторонними перспективами для этнического и личностного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кумыков Т.Х. История Черкесии. Жизнь и деятельность Ш.Б. Ногмова. [Электронный ресурс]: URL // http: // http: // hekupsa.com/istoriya/istoriya-cherkesii/72-zhizn-i-deyatelnost-sh-b-nogmova 21.10.2013.
2. Ногмов. [Электронный ресурс]: URL // http: // http: // dic.academic.ru/dic.nsf/bse/167151/ 21.10.2013.
3. Большой Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]: URL // http: // http: // dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/214926 22.10.2013.
4. Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа. [Электронный ресурс]: URL // http: // http: // nogmov.kbsu.ru/index.html 19.102013.
5. Там же.
6. Там же.
7. Умалат Лаудаев [Электронный ресурс]: URL // http: // ingushland.narod.ru/html.files/umalatlaudaev.htm 22.10. 2013.
8. Умалат Лаудаев. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI. [Электронный ресурс]: URL // http: // oldcancer.narod.ru/caucasus/Laudaev.htm 22.10.2013.
9. Ялгузидзе (Габараев) Иван Георгиевич [Электронный ресурс]: URL // http: // osetini.com/view_post.php?id=45 05.11. 2013.
10. Мирза Мухаммед Али Казем-Бек — гражданин России. [Электронный ресурс]: URL // http: // 1ksam.org/index.php?mid=1656&mtype=news1 19.11.2013.
11. Мирза Мухаммед Али Казем-Бек — азербайджанец по происхождению, гражданин России. [Электронный ресурс]: URL // http: // 1ksam.org/index.php?mid=1656&mtype=news1 19.11.2013.
12. Абдулаева М. Ш. Дагестанская русскоязычная интеллигенция в XIX веке: на пути к межкультурным коммуникациям. [Электронный ресурс]: URL // http: // http: // cyberleninka.ru/article/n/dagestanskaya-russkoyazychnaya-intelligentsiya-v-xix-veke-na-puti-k-mezhkulturnym-kommunikatsiyam 05.11.2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры история народов Чечни Чеченского госуниверситета, г. Грозный.

Авакян Светлана Сергеевна
магистрантка исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Великая Наталья Николаевна
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Гарунова Нина Нурмагомедовна
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XX века Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

Голованова Светлана Александровна
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Дзыба Валерий Алиевич
полковник в отставке, г. Москва.

Дударев Сергей Леонидович
доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, Заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа, г. Армавир.

Дударев Дмирий Сергеевич
аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии.

Емельянов Олег Борисович
кандидат исторических наук, г. Георгиевск.

Кияшко Никита Витальевич
студент Московской Сретенской духовной семинарии (МСДС), член Северского районного отделения Российского общества историков-архивистов (РОИА), г. Москва.

Клычников Юрий Юрьевич
доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Ессентуки.

Комарова Юлия Александровна
магистрантка исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Ктиторов Сергей Николаевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, декан исторического факультета АГПА.

Ктиторова Ольга Васильевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии.

Кузнецов Тимур Игоревич
магистрант исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.

Лазарян Сергей Степанович
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск.

Манышев Сергей Борисович
соискатель Института российской истории РАН, г. Москва.

Муртузалиев Сергей Ибрагимович
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск.

Пасенко Станислав Игоревич
магистр, старший преподаватель Армавирского лингвистического социального института, город Армавир.

Пукиш Владимир Степанович
соискатель Адыгейского государственного университета, исследователь истории чешской общины на Кубани, г. Анапа.

Самовтор Сергей Владимирович
кандидат исторических наук, главный специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края», г. Краснодар, член Российского общества историков-архивистов, член Русского географического общества.

Скорик Александр Павлович
доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск.

Степаненко Никита Сергеевич
студент исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Трандофилов Александр Александрович
студент исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Харченко Олег Константинович
ведущий специалист архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир, г. Армавир.

Хлопкова Виктория Михайловная
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Хлудова Людмила Николаевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Цыбульникова Анастасия Александровна
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Шамов Дмитрий Олегович
аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Шнайдер Владимир Геннадьевич
доктор исторических наук, профессор Армавирского филиала Кубанского государственного университета, г. Армавир.

Шульга Николай Николаевич
аспирант исторического факультета Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир.

Шутемова Елена Владимировна
магистр, г. Армавир.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

•

Ответственный редактор С. Л. Дударев.
Редактор-составитель О. В. Ктиторова.

•

Издательство «Дизайн-студия Б».
г. Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88.

Подписано в печать 15.04.2014. Формат 65 × 95 1/16.
Гарнитура Georgia. Бумага 80 г. Усл. печ. л. 19,67. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Дизайн-студия Б.
г. Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88.

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности» (Армавир, апрель 2014). В сборнике нашли отражения различные аспекты процесса формирования полиэтничного российского социума. Анализируя вопросы межэтнического взаимодействия в северокавказском регионе, как в историческом прошлом, так и в современности, авторы подчеркивают доминирование конструктивных форм этнических контактов, при этом проблемные зоны и аспекты межкультурной коммуникации находят в сборнике полноценное освещение. Тематика издания продолжает развивать те направления научных исследований, которые постоянно находятся в сфере внимания Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

2014

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

АПРЕЛЬ 2014